

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР 2.0

практики медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

**«Управление конфликтностью в социуме:
диагностика, предупреждение и профилактика
возникновения межнациональных
и межконфессиональных конфликтов»**

Барнаул, 2020

ББК 60.5
П230

П230 Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов: учебно-методические материалы. Под общей редакцией Максимовой С.Г., Ноянзиной О.Е. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. – 172 с.

ISBN 978-5-7904-2471-7

В учебно-методических материалах представлена информация, направленная на более глубокое освоение курса по программе повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов».

В пособии освещаются проблемы, связанные с теоретическими и методологическими основами управления в сфере реализации государственной национальной политики. Рассматриваются особенности реализации государственной национальной политики и практики регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений на региональном и муниципальном уровнях; роль национальных общин в регулировании межнациональных конфликтов; гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений, основные направления деятельности российского государства в области противодействия экстремизму, мониторинг и экспертизу сферы межнациональных отношений; теоретические основы исследования этничности и национализма; основные закономерности этнонациональных процессов на территории постсоветского пространства, а также в условиях «демократического транзита»; механизмы трансформации теорий и концепций в области этнонациональной политики в реальные практики и отношения.

Учебно-методические материалы предназначены для руководителей, сотрудников и волонтеров национально-культурных организаций, общественных объединений, реализующих проекты в сфере национальных и межнациональных отношений, всех заинтересованных в укреплении единства российского народа, сохранении и развитии этнических культур, языков народов России.

Материалы также адресованы специалистам органов управления, работникам образования, учреждений социального обслуживания, и других организаций, включенных в реализацию социальной политики государства, а также социологам, психологам, студентам и аспирантам факультетов социогуманитарного профиля вузов России.

Учебно-методические материалы подготовлены с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту «Ресурсный центр 2.0: практики медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири» № 19-2-019424 от 12.11.2019 г.

ББК 60.5

ISBN 978-5-7904-2471-7

© АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2020
© Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив
и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Программа повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов» <i>Максимова С.Г.</i>	5
Учебно-методические материалы	21
Раздел 1. Управление в сфере государственной национальной политики в России: мониторинг и экспертиза	21
Тема 1.1. Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений <i>Максимова С.Г.</i>	21
Тема 1.2. Управление в сфере реализации государственной национальной политики <i>сост. Ноянзина О.Е.</i>	27
Тема 1.3. Государственная миграционная политика как механизм управления межнациональными и межконфессиональными конфликтами <i>сост. Омельченко Д.А.</i>	44
Тема 1.4. Государственный мониторинг и экспертиза сферы межнациональных отношений <i>сост. Ноянзина О.Е.</i>	69
Тема 1.5. Сибирь как важная составная часть Российского государства в прошлом и настоящем: риски сибирского сепаратизма <i>сост. Должиков В.А.</i>	82
Тема 1.6. Исторические аспекты формирования национального состава Алтайского края <i>сост. Шаранов А.В.</i>	93
Тема 1.7. Современные этнополитические угрозы национально-региональной безопасности в трансграничном пространстве Большого Алтая <i>сост. Должиков В.А.</i>	97
Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные конфликты: типология и диагностика	109
Тема 2.1. Основные характеристики межнациональных и межконфессиональных конфликтов: анализ и диагностика <i>сост. Нагайцев В.В.</i>	109
Тема 2.2. Психодиагностика конфликтов <i>сост. Черепанова М.И.</i>	125
Раздел 3. Управление конфликтами: коммуникативные компетенции в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия	141
Тема 3.1. Основы межкультурной коммуникации в современной России <i>сост. Лукашевич Е.В.</i>	141
Тема 3.2. Конфликт vs. диалог культур. Деловая игра «Война и мир языков культур: векторы межкультурного диалога» <i>сост. Лукашевич Е.В.</i>	143

Тема 3.3. Тренинг управления межнациональными и межконфессиональными конфликтными ситуациями <i>сост. Черепанова М.И.</i>	144
Тема 3.4. Тренинг «Ты – это ты. А я – это я. И если нам случилось встретить друг друга – это прекрасно» <i>сост. Трофимова Ю.В.</i>	155
Раздел 4. Технологии предупреждения и профилактики конфликтов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений	160
Тема 4.1. Существующие традиционные и альтернативные способы решения, возникающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов в локальных социумах <i>сост. Нагайцев В.В.</i>	160
Тема 4.2. Алгоритм проведения процедуры медиации <i>сост. Меженин Я.Э.</i>	166

ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

«Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов»

Общая характеристика программы

1.1. Цель реализации программы

Целью реализации программы является совершенствование и получение новых компетенций, необходимых для профессиональной деятельности, и повышение профессионального уровня в области управления деятельностью НКО в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

1.2. Планируемые результаты обучения

Знать теоретические и методологические основы управления в сфере реализации государственной национальной политики; особенности реализации государственной национальной политики и практики регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений на региональном и муниципальном уровнях; роль национальных общин в регулировании межнациональных конфликтов; гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений, основные направления деятельности российского государства в области противодействия экстремизму, мониторинг и экспертизу сферы межнациональных отношений; теоретические основы исследования этничности и национализма; основные закономерности этнонациональных процессов на территории постсоветского пространства, а также в условиях «демократического транзита»; механизмы трансформации теорий и концепций в области этнонациональной политики в реальные практики и отношения.

Уметь определять основные теоретические и методологические подходы этнополитики, её составляющих и инструментария; выявлять и анализировать основные тенденции этнополитических процессов в Российской Федерации, странах СНГ и государствах дальнего зарубежья; описывать и анализировать отдельные кейсы, связанные с этнополитическими процессами и многофакторными ситуациями; выявлять и описывать стратегии поведения отдельных акторов этнополитики (с акцентом на государственные институты, этнические элиты и СМИ); определять правовые основы деятельности региональных политических акторов и определять природу и характер регионального политического конфликта.

Владеть навыками самостоятельного анализа конфликтогенных ситуаций в сфере этнополитических процессов, как на локальном/ региональном, так и на государственном и межгосударственном уровнях; работы с нормативно-правовыми документами, регулирующими национальную политику в РФ, деятельность политических акторов на уровне субъектов федерации и муниципалитетов, а также сферу публичной политики; независимого исследования текущей политической ситуации в отношении конкретного исследовательского объекта (будь то международная организация, государство, регион, этническая общность или же индивид); непосредственного сбора актуальной информации по этнонациональной проблематике посредством анализа текстов СМИ, интервью с представителями различных этнических групп и государственных институтов и т.д.; приемами качественной и количественной методологии описания и анализа этнополитических процессов.

Владеть методами диагностики, предупреждения и профилактики возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

1.3. Категория слушателей. К освоению программы повышения квалификации допускаются лица, имеющие высшее образование, опыт профессиональной деятельности, связанный с реализацией национальной политики, международного взаимодействия, образования в сфере национальной политики. Лидеры национально-культурных объединений в области реализации государственной национальной политики, в сфере национальных и религиозных отношений, в области социальных технологий формирования позитивных межнациональных и межконфессиональных отношений; педагогические работники, государственные гражданские и муниципальные служащие.

1.4. Трудоемкость обучения – 72 часа.

1.5. Форма обучения – очно-заочная.

1. Содержание программы

1.1. Учебный план программы повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов»

№ п/п	Наименование разделов, (дисциплин, модулей)	Общая трудоемкость, (часов, зач. ед.)	Всего ауд. час. (зач. ед.)	Аудиторные занятия, час.			СРС, час.	Форма контроля
				лекции	практич., семинары	Лаборатор.		
1	Управление в сфере государственной национальной политики в России: мониторинг и экспертиза	16	12				4	
1.1.	Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений							
2	Межнациональные и межконфессиональные конфликты: типология и диагностика	8	6				2	
3	Управление конфликтами: коммуникативные компетенции в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия	36	8				28	
4	Технологии предупреждения и профилактики конфликтов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений	12	4				8	
	Итоговая аттестация							
	Итого	72	30				42	

Учебно-тематический план программы повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов»

	Наименование дисциплин	Общая трудоемкость, часов, зач. ед.)	Всего, ауд. час. (зач. ед.)	Аудиторные занятия, час.		СРС, час.	Форма контроля
				лекции	семинары		
1	Управление в сфере государственной национальной политики в России: мониторинг и экспертиза	16	12	11		4	Тест
1.1.	Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений	2	2	1			
1.2	Управление в сфере реализации государственной национальной политики.	3	1	1		2	
1.3.	Государственная миграционная политика как механизм управления межнациональными и межконфессиональными конфликтами	2	2	2			
1.4.	Государственный мониторинг и экспертиза сферы межнациональных отношений	3	1	1		2	
1.5.	Сибирь как важная составная часть Российского государства в прошлом и настоящем: риски сибирского сепаратизма	2	2	2			
1.6	Исторические аспекты формирования национального состава Алтайского края	2	2	2			
1.7	Современные этнополитические угрозы национально-региональной безопасности в трансграничном пространстве Большого Алтая	2	2	2			

2	Межнациональные и межконфессиональные конфликты: типология и диагностика	8	6	6		2	Тест
2.1	Основные характеристики межнациональных и межконфессиональных конфликтов: анализ и диагностика	4	2	2		2	
2.2	Религиозный конфликт: причины появления и способы регулирования	2	2	2			
3	Управление конфликтами: коммуникативные компетенции в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия	36	8	2	8	28	Тест
3.1	Основы межкультурной коммуникации в современной России	1	1	1			
3.2	Конфликт vs. диалог культур. Деловая игра «Война и мир языков и культур: векторы межкультурного диалога»	10	2		2	8	
3.3	Психодиагностика конфликтов	9	1	1		8	
3.4	Тренинг управления межнациональными и межконфессиональными конфликтными ситуациями	8	2		2	6	
3.5	Тренинг «Ты – это ты. А я – это я. И если нам случилось встретиться друг друга – это прекрасно»	8	2		2	6	
4	Технологии предупреждения и профилактики конфликтов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений	12	4			8	
4.1.	Существующие традиционные и альтернативные способы решения, возникающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов в локальных социумах	2	2	2			
4.2.	Алгоритм проведения процедуры медиации	10	2		2	8	
	Итоговая аттестация						Зачет
	Итого	72	30			42	

1.1. Рабочая программа повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов»

Раздел 1. Управление в сфере государственной национальной политики в России: мониторинг и экспертиза

Тема 1.1. Направления деятельности и роль ресурсного центра 2.0 в области развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Основные направления работы:

организация личных, телефонных и онлайн консультаций по вопросам: реализации государственной национальной политики; государственной поддержки национально-культурных общественных объединений и инициативных групп граждан; организации этнокультурной, культурно-досуговой деятельности; организации учебно-методической деятельности.

Информационная поддержка национально-культурных общественных объединений.

Тема 1.2. Управление в сфере реализации государственной национальной политики (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Нормативная правовая база управления государственной национальной политики Российской Федерации

Организационные основы реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Алтайском крае

Основные направления деятельности и проекты по реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Алтайском крае

Тема 1.3. Государственная миграционная политика как механизм управления межнациональными и межконфессиональными конфликтами (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Понятие миграционной политики, ее цели и задачи. Основные концепции миграционной политики, интеграции и этнического развития, и их взаимосвязь с уровнем конфликтности социума, актуальными миграционными тенденциями: модели ассимиляции, сепарации, интеграции, эксклюзии и инклюзии, соответствующие им политики «плавильного котла», «мультикультурализма», «салатницы», «культурной мозаики» и др. Федерализм и консociональная демократия. Зарубежный и российский опыт миграционной политики, возможности адаптации и взаимообогащения. Современные тенденции реализации миграционной политики в России: новации и перспективы.

Тема 1.4. Государственный мониторинг и экспертиза сферы межнациональных отношений (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Государственная информационная система мониторинга межнациональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций

Организация государственного мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в Алтайском крае

Поддержка государственного мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений результатами социологического мониторинга в Алтайском крае

Тема 1.5. Сибирь как важная составная часть Российского государства в прошлом и настоящем: риски сибирского сепаратизма (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Противоречивый характер взаимоотношений сибирских регионов с «центром». Историческая динамика эволюции экономического (колониального) статуса Сибири. Общественная дискуссия о сибирском сепаратизме и возможной передислокации административно-политического центра страны на Восток.

Тема 1.6. Исторические аспекты формирования национального состава Алтайского края (2 час)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

«Телеутская земля»: Алтайского края в XVII в. Политическое и экономическое взаимодействие Московского государства и телеутов. Политическое взаимодействие между телеутами, сибирскими татарами, монголами. Социально-политическое устройство телеутского государства

Русская колонизация Алтайского края в XVIII в. Причины исхода телеутов с территории Алтая. Промышленное освоение Алтая. Роль казачества в освоении Алтая

Добровольное вхождение алтайского народа в состав России. Политика Джунгарского ханства в Горном Алтае. Этнический состав Горного Алтая. Политика Российской империи в Горном Алтае.

Национальный состав территории Алтайского края до 1917 г. Основные этнические группы в дореволюционное время. Взаимоотношения «старожил» и переселенцев. Результаты проведения Столыпинской реформы на Алтае.

Тема 1.7. Современные этнополитические угрозы национально-региональной безопасности в трансграничном пространстве Большого Алтая (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Проблема региональной самоидентификации полиэтничного народонаселения Сибири и Алтая.

Вопрос о региональной идентичности в научной литературе и местном фольклоре («сибиряки», «кержаки», «иногородцы», «чалдоны», «россияне», «русские сибиряки» и т.п.).

Гипотеза о формировании новой нации в Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения).

Парадокс «двух Алтаев» в составе Российской Федерации.

Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные конфликты: типология и диагностика (16 час.)

Тема 2.1. Основные характеристики межнациональных и межконфессиональных конфликтов: анализ и диагностика (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Принципы, методы и методики анализа социальных конфликтов. Сущность и содержание диагностики конфликта как исследовательской технологии. Правила диагностики конфликтов. Последовательность исследовательских операций в процессе анализа конфликта. Основные методологические подходы к пониманию диагностики межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Социологические, психологические, политологические, юридические исследования социальных конфликтов. Точность диагностики конфликта как условие его оптимального решения.

Тема 2.2. Религиозный конфликт: причины появления и способы регулирования (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Типология религиозных конфликтов: конфликт адаптация/традиция; межконфессиональный конфликт; конфликт религиозного/нерелигиозного мировоззрения; внутриконфессиональный конфликт. Управление религиозным конфликтом: диагностика предконфликтной ситуации, факторы локализации конфликта, предотвращение эскалации конфликта, поиск стратегии консенсуса/компромисса, минимизация последствий конфликта, устранение оснований конфликта.

Раздел 3. Управление конфликтами: коммуникативные компетенции в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия (26 час.)

Тема 3.1. Основы межкультурной коммуникации в современной России (2 часа)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

След языка в культуре или след культуры в языке. Понятие межкультурной коммуникации. «Свой» и «чужие» в языке и культуре.

Тема 3.2. Конфликт vs. диалог культур. Деловая игра «Война и мир языков и культур: векторы межкультурного диалога» (2 часа)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Конфликтогены в межкультурной коммуникации. Принципы бесконфликтного общения. Вербальные и невербальные особенности межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникативная компетентность личности.

Тема 3.3. Психодиагностика конфликтов (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Доминирующие стратегии конфликтного поведения (метафорический вариант). Изучение теста К. Томаса. Самооценка рационального поведения в конфликте. Диагностика ролевого конфликта в деятельности руководителя.

Тема 3.4. Тренинг управления межнациональными и межконфессиональными конфликтными ситуациями (4 час.)

Упражнение «Я и мой народ». Групповая рефлексия

Упражнение «Встреча с другой культурой». Групповая рефлексия

Управление конфликтом. Упражнение «Психологическое айкидо». Групповая рефлексия.

Групповая дискуссия «Своевременность использования стратегий решения конфликтов». Групповая рефлексия

Упражнения «Преодоление манипуляций в конфликте». Групповая рефлексия

Тема 3.5. Тренинг «Ты – это ты. А я – это я. И если нам случилось встретить друг друга – это прекрасно»

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Групповая и межгрупповая согласованность и конкуренция.

2. Способы установления и поддержания согласованности

3. Конфликтогены. Виды конфликтогенов.

4. Обмен конфликтогенами как механизм конфликтного поведения

5. Синтонное поведение как условие предупреждение и профилактика возникновения конфликтов.

6. Ситуативные игры: «Кто пополнит мусорную корзину», «Базарчик». Цели: научиться распознавать конфликтогены, осознать свою ответственность за применение конфликтогенов и возникновение конфликта, потренировать синтонное поведение.

Раздел 4. Технологии предупреждения и профилактики конфликтов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений (10 час.)

Тема 4.1. Существующие традиционные и альтернативные способы решения, возникающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов в локальных социумах (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Традиционные и альтернативные способы решения социальных конфликтов. Решение конфликта с позиции права – юридические механизмы конфликто разрешения. «Силовая» модель решения конфликта, компромисс, изоляция сторон – условия их применения, их возможности и ограничения. Универсальность интегральной модели решения конфликтов. Альтернативное разрешение споров и конфликтов. Принципы альтернативного разрешения конфликтов. Виды альтернативных технологий разрешения конфликтов. Достоинства и недостатки альтернативных способов разрешения конфликтов. Особенности применения разных способов альтернативного разрешения конфликтов.

Тема 4.2. Алгоритм проведения процедуры медиации (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Оценка медиабельности спора. Подготовка и организация медиации. Этические стандарты медиатора. Стадии медиативных переговоров. Цели и задачи медиатора. Навыки медиатора.

Перечень лабораторных работ и практических (семинарских) занятий по темам

№ темы	Наименование практических (семинарских) занятий /лабораторных работ	Ауд.час.
1.2	Лучшие практики этнокультурной и реализации государственно-общественных инициатив в сфере национальной политики Российской Федерации деятельности в регионах приграничья Западной Сибири	2
1.3	Роль институтов гражданского общества в реализации миграционной политики. Национально-культурные автономии и этнические диаспоры как субъекты медиации межнациональных и межрелигиозных конфликтов	2
1.4	Экспертиза состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири. Основные тренды этносоциальных процессов	2
2.1	Деловая игра по решению конкретных конфликтных ситуаций	2
2.2	Межрелигиозные отношения в современной России: 1. Влияние политических и национальных противоречий на природу религиозного конфликта. 2. Региональная специфика межрелигиозного взаимодействия. 3. Влияние средств массовой информации на межконфессиональные отношения	2

3.1	Коммуникативная культура и межкультурная коммуникативная компетентность личности Деловая игра «Война и мир языков и культур: векторы межкультурного диалога», в ходе которой определяются проблемные зоны, возможности интеграции и сотрудничества, устанавливаются фильтры внимания и лидеры мнений, представляющие разные лингвокультуры. Модератор и супервизоры подводят итог, оценивая коммуникативное поведение слушателей программы в межкультурной коммуникации.	2
3.2	Вербальные и невербальные особенности межкультурной коммуникации Мастер-класс «Заговори, чтобы я тебя увидел...»: язык и коммуникация в диалоге культур (2 часа) Принципы бесконфликтного общения. Вербальные особенности межкультурной коммуникации. Невербальные особенности межкультурной коммуникации. Межкультурный диалог / полилог.	2
3.3.	Тренинг управления конфликтными ситуациями	2
4.2.	Алгоритм проведения процедуры медиации (4 час.) 1. Просмотр видео медиации на практике 2. Аналитический разбор видеозаписи учебной медиации.	2

Виды самостоятельной работы слушателей (СРС)

№ п/п	Вид СРС	Трудоемкость, час.
1.2	Эссе и доклад, содержащие описание и анализ лучших практик этнокультурной детальности и управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах Сибирского федерального округа	2
1.4	Эссе и доклад, содержащие систему индикаторов оценки и прогнозные оценки состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах Сибирского федерального округа	2
2.1	Анализ конкретной конфликтной ситуации с помощью карты конфликта	2
3.2	Подбор и анализ кейсов конфликтной / бесконфликтной межкультурной коммуникации	8
3.3	На основе анализа литературы, интернет-источников проанализировать основные условия и факторы возникновения межнациональных конфликтов.	8
3.4	На основе пройденных лекций, тренингов, анализа литературы и интернет источников создать реестр методов, методик и техник по преодолению конфликтов в межнациональной сфере	6
3.5	Проанализировать тактики поведения «Видимое сотрудничество», «Ультимативная тактика», «Тактика выжимания уступок» (список литературы 2) и выделить в них заложенные виды конфликтогенов.	6
4.2.	Просмотр учебного видео по теме медиации.	8

2. Условия реализации программы (организационно-педагогические)

2.1. Материально-технические условия

Перечень материально-технического обеспечения включает в себя: актовый зал, конференц-зал, каминный зал, зал для выставок;

Для практических занятий по программе повышения квалификации имеется - Мультимедиа видеопроектор Epson EMP TW-620; Экран портативный ScreenMedia Apollo 180*180 MW; Компьютер портативный ASUS F3Sv Merom Core 2 Duo T7500; Компактная цифровая видеокамера формата HDD Sony DCR-SR200E; Фотоаппарат цифровой Kodak EasyShare Z612 с дополнительной картой памяти.

2.2. Учебно-методическое и информационное обеспечение программы

Учебно-методические материалы

Рекомендуемая литература (основная)

1. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. – СПб., 2005. – 107 с.
2. Альтернативное разрешение споров: учебник / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Издательский Дом «Городец», 2019. – 416 с.
3. Берзон Е.Н. Управление конфликтными ситуациями. Методы разрешения конфликтов. // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО СПб, 2017. – С. 47–49.
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2012. – 344 с.
5. Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления и гуманитарно-социальным специальностям / В.П. Ратников, И.К. Батулин, В.Ф. Голубь [и др.] ; под ред. В.П. Ратников. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 543 с
6. Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. СПб.: Редакция журнала Третьейский суд; М.: Статут, 2016.
7. Нигматуллина, Т.А. Политическая медиация: учеб. пособие для академического бакалавриата / Т.А. Нигматуллина, Л.О. Терновая. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018.
8. Суд. АРС. Медиация : Сборник статей / Составитель Ц.А. Шамликашвили. – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. – 140 с.
9. Цветков, В.Л. Психология конфликта: от теории к практике: учеб. Пособие / В.Л. Цветков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА . – 2015. – 183 с.
10. Шейнов В.П. Управление конфликтами. – СПб.: Питер, 2019. – 576 с.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

1. Caponio T., Jones-Correa M. Theorising migration policy in multilevel states: the multilevel governance perspective. – 2018.
2. De Haas H. et al. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // Population and Development Review. – 2018.
3. Scipioni M. Failing forward in EU migration policy? EU integration after the 2015 asylum and migration crisis //Journal of European Public Policy. – 2018. – Т. 25. – №. 9. – С. 1357–1375.
4. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2004.

5. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 2014. № 12. С.43–45.
6. Агаджанов Ю.Г. Культура межнационального общения: сущность, структура, функции // Юридический вестник. 2015. № 1. С.37–42.
7. Агапов М.Г. и др. Постколониальность Сибири: региональный синдром // Философские науки. 2015. № 8. С. 66–78.
8. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII-начала XX века. Барнаул. 2017. 560 с.
9. Андюсев Б.Е. Сибирь и субэтнос русских старожилов [Электронный ресурс]: URL: <http://myaltai.ru/history/mir-sibiri-chelovek> (дата обращения 28.01.2020).
10. Анцупов А.Я. Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 591 с.
11. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.
12. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э. Информационная политика по профилактике межэтнических конфликтов // ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ № 2(42) 2017. – С. 55–62.
13. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Пер. с фр. – М.: Логос, 2014. – 288 с.
14. Бормотова Т.М., Юдина Т.Н. Миграционная политика как инструмент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 88–95.
15. Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии // М.: Институт права и публичной политики. – 2010. – С. 47.
16. Витковская Г.С. Новые диаспоры в Центральной Азии: миграционный материал // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 45–53.
17. Вишнякова Н.Ф. Конфликтология. Мн.: Университетское, 2012. – 246 с.
18. Всероссийская перепись населения 2010 т.: Национальный состав России [Электронный ресурс]: URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения 28.01.2020)
19. Герасименко О. «Как колонией была, так и останется» // Коммерсант Власть. 2012. № 15 (969).
20. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж: МОДЭК, 2015. – 184с.
21. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для вузов / Л.И. Гришаева, Л. В. Цурикова. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007.
22. Денисенко М.Б. и др. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. Москва. – 2003.
23. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2013. – 320с.
24. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: Теория и практика. М.: ЮНИТИ, 2011. – 218 с.
25. Дойч М. Разрешение конфликта. / Пер. с нем. // Социально-политический журнал. 2015. № 7. С. 40–52.
26. Дробот Г. А. Глобальная миграция: факторы, последствия, регулирование, диаспоры // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 2.
27. Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. С. 11–15.
28. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
29. Зарипов И.Ю. Социализм – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 35–47.

30. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 2012. – 286 с.
31. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: МГУ, 2015. – 160 с.
32. Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2.
33. Ивонин А.Р., Колупаев Д. История Алтайского казачества. Барнаул, 2008. 168с.
34. Конфликтология. / Под ред. А.С. Кармина. – СПб.: Лань, 2014. – 448 с.
35. Кремер И. Этнократия – новая угроза // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 5. С. 108–117.
36. Лебедев М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 2012. – 271 с.
37. Лебедева М.Н. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М.: Дело, 2014. – 216 с.
38. Мамсуров Т.Д. Российский федерализм: национально-этнический контекст. М.: ВЛАДОС, 2011. – 340 с.
39. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. М.: ЮНИТИ, 2014. – 367 с.
40. Мукомель В. и др. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. – 2011. – Т. 20. – № 1.
41. Нации и национализм. / Под ред. Б. Андерсон и др.; Пер. с англ. Л.Е. Переяславцева. – М.: Праксис, 2012. – 416 с.
42. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М.: Республика, 2011. – 250 с.
43. Основы теории коммуникации : учеб. для вузов / под ред. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2005.
44. Поканинова Е.Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11. С. 140–143.
45. Попенкова Д.И. Проблема этнических и религиозных конфликтов в современной России // Бюллетень науки и практики. – 2019. № 10. С. 274–279.
46. Праззаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Политические исследования. 2013. № 2. С.40–53.
47. Приходные ясные книги 1706–1718 г. Томск. 1893.
48. Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве. М: ГНОМ и Д, 2012. – 344 с.
49. Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения / Составление и общая редакция А.А. Красикова и Е.С. Токаревой. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2006. – 328 с.
50. Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений. – Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2018. – 212 с.
51. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3(62). С. 109–128.
52. Романенко Л.М. Социально-политические технологии разрешения конфликтов гражданского общества. М.: МГУ, 2015. – 322 с.
53. Савельев А. Этнополитика: От теории к практике // Вестник аналитика. 2011. № 6. С. 5–12.
54. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М., 2004.

55. Сатрапов В. Борьба этносов за существование // Политический журнал. 2014. № 4. С. 45–57.
56. Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность? Опыт социологического исследования. СПб.: Питер, 2002. – 191 с.
57. Свод законоположений и распоряжений относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых урочников Алтайского и Нерченского округов, составляющих собственность Его императорского величества 1852–1882 гг.
58. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2010 (или любое другое издание).
59. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007. – 368 с.
60. Силаева З.В. Теологический анализ религиозного конфликта // Minbar. Islamic Studies. 2018 – № 11. – С. 351–358.
61. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение / И.А. Стернин, Ю. Е. Прохоров. Воронеж, 2006.
62. Суздалева Т.Р. Миграционная политика: практика XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – Т. 2. – С. 2015.
63. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 2. – С. 9.
64. Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. – 2010. – № 1.
65. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие. М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2007.
66. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. URL : <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html> (дата обращения: 12.02.2020).
67. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII-первой четверти XVIII века. Барнаул. 1995. 228с.
68. Хухлаев О.Е. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма // Электронный журнал «Современная зарубежная психология» 2018. Том 7. № 4. С. 32–39.
69. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма. Автореф. дисс.... канд. социолог. наук. Барнаул, 2010. – 18 с.
70. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 600 с.
71. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень. 2000. 336с.
72. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 506 с.

Интернет-источники

- Ассамблея народов России <http://ассамблеянародов.рф>.
- Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ <http://raion.info>.
- Фонд президентских грантов <http://президентскиегранты.рф>.
- Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае <http://rescenter22.ru>.
- КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» <http://ak-rnd.org>.
- Комитет Госдумы по делам национальностей <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/>.

Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера <http://region.council.gov.ru/>.

Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям <https://sovetnational.ru/>.

Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/28>.

ФАДН России <http://fadn.gov.ru>.

Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации <http://unro.minjust.ru/>.

Департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/>.

Ассоциация национальных СМИ <http://nationalsmi.ru/>.

Всероссийский конгресс этножурналистов <http://ethnokongress.ru/>.

Медиапроект Гильдии межэтнической журналистики «Национальный акцент» <https://nazaccent.ru/>.

Московский информационно-аналитический портал «Палитра диаспор» <http://www.palitra-diaspor.ru/>.

Первый российский национальный канал <https://tvrnk.ru/>.

Ресурсный центр ассамблеи народов России <http://ресурсныйцентр-анр.рф>.

Информационный портал НКО Алтайского края <http://nko22.ru>.

Сайт о национально-культурных объединениях Алтайского края <http://наш-алтай.рф>.

Алтай многонациональный. Проект КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» <http://altaymn.ak-rnd.org/>.

Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН <https://www.isras.ru/cimo.html>.

Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН <http://www.migrocenter.ru/>.

Личный блог С.Н. Абашина в соцсети (миграция, миграционная политика) <https://www.facebook.com/sergey.abashin>.

Личный блог В.Ю. Зорина в соцсети (национальная политика) <https://www.facebook.com/v.y.zorin/>.

Личный сайт В.А. Тишкова (национальная политика) <http://www.valetytishkov.ru>.

Оценка качества освоения программы (форма аттестации, оценочные и методические материалы)

Оценка качества освоения программы проводится в формах внутреннего мониторинга и внешней независимой оценки (организации могут на добровольной основе). Приводятся конкретные формы и процедуры текущего, промежуточного (при наличии) и итогового контроля. С целью оценивания содержания и качества учебного процесса, а также отдельных преподавателей со стороны слушателей и работодателей проводится анкетирование, получение отзывов.

Краткое описание модели и методики оценки результатов повышения квалификации

Цель текущего контроля освоения слушателями дополнительной профессиональной программы – выявить проблемы и затруднения социальных педагогов в освоении содержания программы и своевременно внести соответствующие коррективы в организацию процесса обучения.

Формы текущего контроля: групповая работа слушателей, которая осуществляется в ходе практических занятий с использованием различных типов практических заданий, предлагаемых слушателям для решения.

Итоговый контроль освоения слушателями дополнительной профессиональной программы осуществляется на основе утвержденного в АлтГУ Приказом ректора от 27.02.2013 г. № 212/п Положения «Об итоговой аттестации педагогических работников общеобразовательных учреждений, прошедших обучение по образовательным программам повышения квалификации, программ профессиональной переподготовки в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Цель итогового контроля – установление соответствия образовательных достижений слушателей (знаний, умений, компетентностей) требованиям к результатам обучения, предусмотренным дополнительной профессиональной программой.

Форма итогового контроля – индивидуальная, которая реализуется как защита социально-педагогического проекта.

Оценка результатов освоения программы складывается из оценки, полученной по результатам текущего контроля, и оценки, полученной по результатам итогового контроля. Максимальное количество баллов, которое может получить слушатель по результатам освоения программы – 20. При этом данные результаты могут быть разнесены по трем уровням:

- допустимый – 7–11 баллов;
- базовый – 12–17 баллов;
- инновационный – 18–20 баллов.

Таблица

Оценка результатов освоения дополнительной профессиональной программы в зависимости от типа контроля

№ п/п	Виды контроля Количество баллов	Уровни		
		допустимый	базовый	инновационный
1	Текущий	4-6	6-9	9-10
2	Итоговый	3-5	6-8	9-10
Всего:		7-11	12-17	18-20

Оценочные материалы для итогового контроля

Подготовка информационных материалов о лучших практиках, включая фото и другие иллюстративные материалы.

Лучшие практики

Тема этнического многообразия уже на протяжении многих веков является неотъемлемой частью жизни российского государства. В последнее время остро стоит вопрос о передаче следующим поколениям россиян этого уникального опыта.

Межнациональные, этнические и этнокультурные проекты сегодня – это будущее нашей страны завтра. Успешные, востребованные проекты следует тиражировать на уровне города, края, области, страны. Именно поэтому важно рассказать о том, что знаем и умеем. Чтобы таких проектов было как можно больше.

Что такое успешный этнокультурный проект? Проект, который создан с учетом среды, запросов, эффективен, то есть должен достигать максимальных результатов с минимальными затратами. Он востребован и уникален, имеет изюминку, а значит – будущее. Хорошо если этот проект партнерский, то есть его создавали вместе люди из нескольких сфер.

При описании проекта рекомендуем придерживаться следующей схемы:

- ✓ **АКТУАЛЬНОСТЬ** проблематики проекта
- ✓ **ЦЕЛЬ** проекта
- ✓ **ЗАДАЧИ** проект
- ✓ **ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ** проекта
- ✓ **КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ** проекта (*теоретическое, технологическое обоснование*)
- ✓ **КЛЮЧЕВАЯ ИДЕЯ** проекта
- ✓ **МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ** проекта
- ✓ **СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ИЗМЕНЕНИЙ** в результате реализации проекта
- ✓ **ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ** по реализации проекта
- ✓ **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ** проекта
- ✓ **МАСШТАБНОСТЬ** проекта
- ✓ **ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ ОПЫТА** в других условиях
- ✓ **РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ** проекта

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Раздел 1. Управление в сфере государственной национальной политики в России: мониторинг и экспертиза

Тема 1.1. Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений

сост. Максимова С.Г.

В 2018 году при поддержке Фонда президентских грантов, Правительства Алтайского края создан Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае

В 2019 году работа Ресурсного центра продолжена по направлению: практики медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири» Алтайской краевой общественной организации «Позитивное развитие» благодаря поддержке Фонда президентских грантов (второй конкурс грантов 2019 года)

В 2018 году Алтайская краевая общественная организация психолого-социального сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие» при поддержке Фонда президентских грантов успешно реализовала программу «Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае». Эффективность работы ресурсного центра была высоко оценена благополучателями, региональными и муниципальными органами власти и Фондом Президентских грантов (<http://www.rescenter22.ru/>).

Деятельность Ресурсного центра 2.0 в 2019–2020 годах логическим продолжением реализации предшествующей работы с включением новых направлений по повышению значимости некоммерческого сектора и популяризации деятельности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в приграничных территориях Западной Сибири.

Развитие межнациональных отношений, особенно в многоликой в национальном и культурном отношении России, в отдельных ее регионах, представляет собой динамичный, многоуровневый и весьма противоречивый процесс, на который оказывает влияние множество факторов – исторических, культурных, религиозных, экономических, геополитических, правовых и т.д. Разнородность населения по национальным, этническим, конфессиональным характеристикам приграничных регионов России делает особенно острой проблему распространения межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Как отмечал генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майора: «Жизнь в условиях многообразия является одним из источников серьезных проблем для обществ, в которых подрастают наши дети. В мире, где взаимопроникновение различных культур принимает все большие масштабы, обучение ценностям и навыкам «жизни общества» стало первоочередной задачей

воспитания. Потому я обращаюсь к главам государств и правительств мира, министрам и чиновникам, ответственным за образование на всех уровнях, к мэрам больших и малых городов, деревень и поселков, ко всем учителям, религиозным сообществам, журналистам и родителям: воспитывайте и учите наших детей и молодежь быть открытыми, относиться с пониманием к другим народам, к их истории и культуре, учите и основам человеческого общежития, учите тому, насколько важно отказываться от насилия и искать мирные пути разрешения споров и конфликтов». Именно память и знание истории и культуры своего народа, ощущение сопричастности к истории государства, его лидерам, духовным, материальным и культурным достижениям служат источниками гордости принадлежностью к нации и государству, которое ее олицетворяет.

Многонациональность (многонародность) населения России – это реальность не только прошлого, но и настоящего. Это живой процесс, подверженный трансформациям, включающий в себя взаимопроникновение и взаимовлияние культур. Причем этот процесс не всегда происходит бесконфликтно, а балансирует на стыке столкновения культур. Вместе с тем, интеграционные тенденции в поликультурном, социально дифференцированном обществе являются важным показателем его социального благополучия и эффективности развития.

Российская Федерация является на сегодняшний день одним из наиболее привлекательных в миграционном плане государств мира. Ежегодно страну посещают десятки миллионов человек, около 15 миллионов иностранных граждан одновременно находятся на территории России. Цели их пребывания различны: учеба, туризм, частный визит и многое другое. Но, конечно, особую группу иностранцев составляют мигранты, прибывающие к в поисках работы. С одной стороны, российская экономика нуждается в иностранной рабочей силе, но есть и другая, крайне тревожная сторона. Трудовая миграция способна не только негативно влиять на структуру занятости в нашей стране, но и вызывать, конечно, дисбаланс в социальной сфере, провоцировать различного рода конфликты, в том числе на межнациональной и межконфессиональной почве.

Отметим, что на территории приграничных регионов Западной Сибири (в частности, Алтайском крае, Республике Алтай, Омской, Новосибирской областях) проживают представители более чем 156 народов и народностей, многие из них – выходцы из разных регионов России, стран СНГ. На сегодняшний момент сохраняется тенденция увеличения численности населения приграничных регионов Западной Сибири за счет возрастающего количества мигрантов из стран ближнего зарубежья, преимущественно Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Отсюда на сегодняшний день большое значение имеет активизация деятельности институтов гражданского общества в сфере формирования позитивного межнационального и межкультурного диалога.

Практика медиации – признак зрелости общества, определенного уровня гражданского самосознания.

В рамках практики разрешения межнациональных конфликтов медиация зарекомендовала себя как чрезвычайно гибкий и эффективный метод, превышающий возможности традиционной судебной системы. Современное российское общество содержит в себе высокий конфликтологический потенциал, снижение которого невозможно через классическое силовое урегулирование проблемы. Это определяет значимость развития и внедрение медиационных практик и технологий, что представляет собой конструктивную альтернативу текущей формы разрешения межнациональных конфликтов.

В 2020 году продолжена системная работа Ресурсного центра 2.0. по популяризации и обучению современным технологиям и практикам медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири.

Основные мероприятия 2020 года:

- осуществление экспертно-аналитической, информационной и методической поддержки национально-культурных объединений приграничных регионов Западной Сибири;
- создание и обеспечение деятельности на базе Ресурсного центра 2.0. экспертной группы по межнациональной и межконфессиональной медиации;
- проведение курсов повышения квалификации по вопросам медиации в области межнациональных и межконфессиональных отношений для представителей НКО, муниципальных и государственных служащих регионов приграничья Западной Сибири;
- консолидация усилий институтов гражданского общества и органов государственной власти в области социальной интеграции народов и культур в условиях приграничных регионов через проведение цикла экспертных встреч по вопросам внедрения практик межнациональной и межконфессиональной медиации;
- популяризация идей медиации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений;
- проведение межрегиональной научно-практической конференции «Медиация и гармонизация межнациональных отношений в приграничных регионах»;
- создание информационного поля по вопросам межнациональной и межконфессиональной медиации через обеспечение функционирования электронных информационных ресурсов: сайта, страниц в социальных сетях.

Проект является актуальным и социально значимым для приграничных регионов Западной Сибири, так как будет способствовать не только повышению профессионализма и внедрению современных технологий межнациональной и межконфессиональной медиации, но и осуществлению эффективной государственной национальной политики по поддержке гражданских инициатив, содействующих социальной интеграции народов и гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в приграничных регионах Западной Сибири.

В результате реализации данного проекта ожидается повышение активности национально-культурных объединений не только в сфере сохранения самобытных этнических культур, расширение знаний населения о культуре и традициях народов населяющих Российскую Федерацию, но создание устойчивых межнациональных связей между разными группами населения, развитие потенциала, кадровой, методической и организационной обеспеченности национально-культурных общественных объединений.

Цель деятельности Ресурсного центра 2.0.: развитие институтов гражданского общества через повышение общественной компетентности граждан в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на основе обучения современным технологиям и практикам медиации, способствующих социальной интеграции народов и культур в регионах приграничья Западной Сибири.

В течение года работа Ресурсного центра 2.0 будет выстроена в соответствии с поставленными задачами. Для решения каждой из задач будет реализован цикл мероприятий.

Задача 1. Экспертно-аналитическая и информационная поддержка национально-культурных объединений регионов приграничья Западной Сибири в сфере реализации государственной национальной политики, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Мероприятия

Создание и функционирование на базе Ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур 2.0. экспертной группы по межнациональной и межконфессиональной медиации.

Разработка концепции, плана работы и осуществление деятельности экспертной группы по межнациональной и межконфессиональной медиации на базе Ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур 2.0. при взаимодействии с региональной общественной палатой.

Подготовка и распространение информационных материалов о начале реализации проекта и рекламных материалов о деятельности экспертной группы по межнациональной и межконфессиональной медиации.

Организация и проведение цикла экспертных встреч по вопросам содействия социальной интеграции народов и культур в условиях приграничных регионов, внедрения практик межнациональной и межконфессиональной медиации с представителями органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности (3 экспертные встречи).

Задача 2. Повышение профессионализма гражданских активистов, сотрудников национально-культурных объединений, муниципальных и государственных служащих регионов приграничья Западной Сибири через обучение практикам и технологиям медиации в области межнациональных и межконфессиональных отношений.

Мероприятия

Разработка серии курсов повышения квалификации по вопросам медиации в области межнациональных и межконфессиональных отношений (3 программы курсов повышения квалификации «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов» – 72 часа; «Медиация межнациональных и межконфессиональных конфликтов: введение и сопровождение практики освоения» – 72 часа; «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» – 72 часа).

Повышение квалификации 30 лидеров национально-культурных объединений, муниципальных и государственных служащих в сфере национальных и религиозных отношений, в области диагностики конфликтности региональных социумов по программе «Управление конфликтностью в социуме: диагностика, предупреждение и профилактика возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов» (через очное обучение, 72 часа);

Повышение квалификации 30 представителей национально-культурных объединений, муниципальных и государственных служащих в области формирования позитивных межнациональных и межконфессиональных отношений по программе «Медиация межнациональных и межконфессиональных конфликтов: введение и сопровождение практики освоения» (через очное обучение, 72 часа);

Повышение квалификации 30 волонтеров национально-культурных объединений, муниципальных и государственных служащих по программе «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» (через очное обучение, 72 часа).

Задача 3. Популяризация идеи медиации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений через подготовку и тиражирование учебно-методических материалов.

Мероприятия

Подготовка и тиражирование учебно-методических материалов по вопросам медиации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений по 3 програм-

мам курсов повышения квалификации (подготовка и тиражирование 3 сборников учебно-методических материалов, по 100 экз.)

Задача 4. Развитие межнационального взаимодействия некоммерческих организаций регионов приграничья Западной Сибири и повышение их значения в жизни местного сообщества через популяризацию идей медиации и гармонизации межнациональных отношений.

Мероприятия

Организация и проведение межрегиональной научно-практической конференции «Медиация и гармонизация межнациональных отношений в приграничных регионах». Целью конференции является обобщение передового научно-исследовательского и практического опыта в области медиации межнациональных отношений, социальной интеграции этнических культур, сохранения этнокультурного многообразия, гармонизации межэтнических отношений и обеспечения национального единства. На межрегиональной конференции будут обсуждаться проблемы формирования этнокультурного многообразия современного региона, вопросы радикального изменения этнического и этнокультурного состава населения, которое влечет за собой изменения социокультурной среды принимающих обществ. Будут рассмотрены направления работы, связанные с новыми способами достижения гражданско-политической целостности, включая практики межнациональной и межконфессиональной медиации, эффективные технологии и методики медиации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Также на конференции будут представлены научные и практические исследования, касающиеся вопросов межнациональной и межконфессиональной медиации, формирования полиэтничности приграничных регионов России, в частности, регионов Западной Сибири, социально-культурного разнообразия приграничных территорий, особенностей социальной интеграции этнокультурных групп в социальное пространство региона.

Разработка оригинал-макета сборника научных и практических работ участников межрегиональной научно-практической конференции «Медиация и гармонизация межнациональных отношений в приграничных регионах».

Тиражирование сборника научных и практических работ участников межрегиональной научно-практической конференции «Медиация и гармонизация межнациональных отношений в приграничных регионах» и представление его в Российском Индексе Научного Цитирования (РИНЦ) на платформе elibrary.ru. (300 экз.)

Задача 5. Разработка методических материалов по комплексной и дифференцированной оценке процессов формирования гражданских инициатив в области межэтнического взаимодействия; определении эффективных практик и технологий межнациональной и межконфессиональной медиации.

Мероприятия

Анализ информации о социальной интеграции и развитии этнокультур в приграничных регионах Западной Сибири: выявление и описание формальных и неформальных общественных и государственных структур, определяющих социальную интеграцию; их взаимодействие и влияние на формирование механизма межэтнического взаимодействия на основе онлайн-опроса гражданских активистов.

Тиражирование методических материалов по комплексной и дифференцированной оценке процессов формирования гражданских инициатив в области межэтнического взаимодействия; роли национально-культурных объединений, этнических диаспор и земляческих групп в формировании межэтнического и межконфессионального взаимодействия; определении эффективных направлений и технологий регулирования меха-

низма межэтнического взаимодействия в приграничных регионах Западной Сибири (информационно-аналитические материалы, 300 экз.)

Задача 6. Создание информационного поля деятельности экспертной группы по межнациональной и межконфессиональной медиации на базе ресурсного центра 2.0. через обеспечение функционирования электронных информационных ресурсов: сайта, страниц в социальных сетях.

Мероприятия

Создание раздела сайта Ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур 2.0, посвященного вопросам межнациональной и межконфессиональной медиации, с целью публикации новостей, анонсов, фото и видеоматериалов мероприятий проекта, а также лекционных и методических материалов по проблемам межнациональной и межконфессиональной медиации.

Создание разделов по вопросам межнациональной и межконфессиональной медиации на 2-х страницах ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур 2.0 в социальных сетях (Вконтакте, Facebook).

Целевые группы Ресурсного центра

Руководители национально-культурных объединений, представители диаспорных и земляческих групп, муниципальные и государственные служащие, мигранты, молодежь и студенты

Директор Ресурсного центра: Максимова Светлана Геннадьевна, председатель АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», член Общественной палаты Алтайского края, доктор социологических наук, профессор.

Ресурсный центр в сети Интернет: www.rescenter22.ru

Электронная почта для обращений и консультаций:

svet-maximova@yandex.ru, info@rescenter22.ru

Ресурсный центр создан на базе АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие» и работает в тесном сотрудничестве с Алтайским государственным университетом и Алтайским краевым Российско-Немецким Домом.

Ресурсный центр приглашает к сотрудничеству национально-культурные организации, общественные объединения, реализующие проекты в сфере национальных и межнациональных отношений, всех заинтересованных в укреплении единства российского народа, сохранении и развитии этнических культур, языков народов России.

Тема 1.2. Управление в сфере реализации государственной национальной политики

сост. Ноянзина О.Е.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ В рамках реализации государственной национальной политики, нацеленной на укрепление единства российской нации при сохранении и развитии этнокультурного многообразия входящих в нее народов, государство стремится обобщить исторический опыт и современную практику организации взаимодействия органов государственной власти разных уровней в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений.
- ✓ Реализация (проведение) национальной политики в многонациональной России требует организации эффективной системы взаимодействия профильных федеральных, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления как между собой, так и с представителями экспертного и научного сообщества, с институтами гражданского общества.
- ✓ На федеральном уровне законодательное регулирование реализации национальной политики осуществляется структурными подразделениями Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Это профильные комитеты палат, специализированные комитеты, научно-консультативные и экспертные советы при комитетах. На региональном уровне нормативно-правовое регулирование данной сферы сосредоточено в органах законодательной власти субъектов Российской Федерации, работающих, по аналогии с федеральным уровнем, через специализированные комитеты и комиссии.
- ✓ Структурами исполнительной власти, осуществляющими регулирование национальной политики на федеральном уровне являются специализированные подразделения Администрации Президента Российской Федерации, Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ и его комиссии. В Правительстве Российской Федерации эту сферу курируют специализированные комиссии, Межведомственная рабочая группа по вопросам межнациональных отношений, а основным исполнительным органом является Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Так как государственная национальная политика имеет межотраслевой характер, в её реализации принимают участие и другие федеральные органы исполнительной власти.
- ✓ На уровне субъектов Российской Федерации вопросы реализации государственной национальной политики отнесены к полномочиям различных подразделений органов исполнительной власти. Существенную поддержку региональным органам власти оказывают действующие во всех субъектах консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям. В системе местного самоуправления за реализацию национальной политики отвечают специально назначенные должностные лица.
- ✓ Инструментом реализации Стратегии государственной национальной политики являются региональные и муниципальные программы.
- ✓ В Алтайском крае реализация направлений государственной национальной политики возложена на структурное подразделение Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края – департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики.

- ✓ Основной общественный совещательный орган в области межнациональных отношений в Алтайском крае – Совет по вопросам реализации государственной национальной политики в Алтайском крае. Совет создан в целях согласования деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в Алтайском крае по вопросам укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений. Членами Совета являются представители зарегистрированных в установленном законом порядке общественных, национально-культурных, религиозных и иных объединений Алтайского края, представители органов государственной власти Алтайского края, территориальных органов федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций.
- ✓ Основной региональный документ в сфере межнациональных отношений – государственная программа Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», действующая в регионе с 2017 года.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в исключительном ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики, в том числе и национальной, регулирование прав национальных меньшинств. А защита прав и свобод человека и гражданина, защита прав национальных меньшинств, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

На федеральном уровне законодательное регулирование реализации государственной национальной политики, как и в других отраслях государственного управления, осуществляется Федеральным Собранием Российской Федерации (ФС РФ) в составе двух палат – Совета Федерации (СФ) и Государственной Думы (ГД) и. В настоящее время в России существует запрет на создание политических партий по национальному и религиозному признаку. В данном случае это означает, что целью политической партии в России не может быть защита интересов, связанных исключительно с этнической или религиозной принадлежностью.

В законодательной деятельности и ГД, и СФ опираются на специализированные Комитеты и Комиссии. Специализированными комитетами ГД, занимающимися разработкой законодательства по регулированию этнических и конфессиональных отношений, являются:

- Комитет по делам национальностей;
- Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока;
- Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений;
- Комитет по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления.
- Также в этой деятельности участвуют:
- Комитет по государственному строительству и законодательству;
- Комитет по делам Содружества независимых государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками;
- Комитеты по образованию и науке; по культуре; по экологии и охране окружающей среды и др.

Комитет ГД по делам национальностей осуществляет предварительное рассмотрение и подготовку к рассмотрению ГД законопроектов и проектов постановлений по общим вопросам государственной национальной политики, вопросам формирования

общегражданской идентичности и этнокультурного развития народов России, защиты прав ее малочисленных народов и национальных меньшинств. К его ведению относятся вопросы законодательного регулирования порядка финансирования реализации государственной национальной политики, совершенствования законодательства по предупреждению и разрешению межнациональных конфликтов, языковой политики и образования, законодательные вопросы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Полномочия Комитета позволяют ему формировать эффективную систему взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти, представителями субъектов федерации, институтами гражданского общества. На заседаниях Комитета вправе присутствовать полномочные представители Президента в федеральных округах, представители Правительства РФ и Счетной палаты, федеральные министры или их первые заместители, уполномоченные Общественной палаты РФ. На открытых заседаниях Комитета могут присутствовать представители СМИ. С целью мониторинга ситуации в сфере межнациональных отношений Комитет организует выездные заседания в регионах, его члены встречаются с региональным руководством, участвуют в научных конференциях по национальной политике государства, посещают специализированные форумы, культурные мероприятия с этнической тематикой (фестивали, выставки-ярмарки, праздники и т.д.), встречаются и беседуют с населением.

При Комитете ГД по делам национальностей активно работает общественный Экспертный совет. Членами Совета являются ученые и специалисты в области государственной национальной политики Российской Федерации из ведущих вузов и научных организаций страны, таких как: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии Российской академии наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы. МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений, МИД России и др. В своей работе Комитет опирается на заключения членов общественного Экспертного совета. Также при Комитете создан Совет руководителей Федеральных национально-культурных автономий. Данный опыт взаимодействия на федеральном уровне может быть полезен для региональных органов законодательной власти.

Аналогичным образом в сфере законотворчества, посвященного вопросам национальной и конфессиональной политики, работают другие Комитеты, чья компетенция касается данной проблематики. К основным законодательным предметам ведения *Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока* наряду с вопросами межрегиональных отношений, социально-экономических и социальных основ регионального развития, отнесены вопросы государственной службы российского казачества, жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В законодательной деятельности по этим вопросам этот Комитет также взаимодействует с другими думскими структурами, органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, политическими партиями и общественными организациями. *Комитет ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления* работает над вопросами законодательного регулирования национальной политики государства в сфере разделения полномочий в этой области между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления. *Комитет ГД по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений* ведет работу по совершенствованию законодательства, регулирующего деятельность некоммерческих организаций в реализации национальной политики государства, а также религиозных объединений, политических партий, институтов уполномоченных по правам человека и ребенка, законодательства в

сферах гражданства и миграции. *Комитет ГД по образованию и науке* работает над совершенствованием законодательства по национальным аспектам предмета своего ведения. Работа Комитета в период весенней сессии 2018 г., например, включала рассмотрение проекта законодательной инициативы № 7–535, подготовленной Законодательным Собранием Ямало-Ненецкого автономного округа «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части особенностей получения образования детьми из числа лиц, относящихся к коренным малочисленным народам РФ, ведущими совместно с родителями (законными представителями) кочевой и (или) полукочевой образ жизни».

Активное участие в обсуждении законодательства по национальным вопросам принимает *Общественная Палата РФ (ОП)*. В ОП существует *Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений*, занимающаяся вопросами законодательного регулирования этой сферы. В своей деятельности по экспертизе проектов и совершенствованию законодательства в сфере национальной политики ОП использует такие формы работы, как круглые столы по обсуждению и «нулевым слушаниям» законопроектов, заседания рабочих групп, общественные слушания, конференции, вебинары, рабочие встречи, всероссийские форумы, онлайн-совещания с общественными палатами субъектов РФ, конгрессы, видеоконференции.

В СФ, как и в ГД существуют специализированные Комитеты и временные комиссии по различным направлениям государственного законодательства. Уже на стадии думского обсуждения законопроектов, касающихся национальной политики и профессиональных отношений, профильные Комитеты СФ участвуют в их разработке и подготовке. Наиболее близкими к вопросам законодательного регулирования являются:

- Комитет СФ по конституционному законодательству и государственному строительству;
- Комитет СФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера;
- Комитет СФ по науке, образованию и культуре.

В ведении первого из них, наряду с прочими, находятся вопросы прав и свобод человека и развития гражданского общества. При нем существует *Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями СФ*.

Основными задачами данного Совета являются:

– изучение вопросов законодательного регулирования национальной политики взаимоотношений государства с религиозными объединениями;

– участие в совершенствовании законодательного обеспечения:

- развития федеративных отношений;
- защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе гарантий свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации;
- национально-культурного развития народов Российской Федерации;
- гарантий социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов;
- деятельности общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий и религиозных объединений;
- предупреждения дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также предупреждения национальной, расовой, религиозной исключительности, нетерпимости, ненависти или вражды;
- регулирования миграционных процессов, в том числе предупреждения незаконной миграции в Российской Федерации;

- реализации демографической политики;
- укрепления и развития институтов гражданского общества;
- укрепления общественного согласия, достижения взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

На региональном уровне законодательное регулирование национальной политики государства сосредоточено в органах законодательной власти субъектов Российской Федерации, работающих, по аналогии с федеральным уровнем, через специализированные комитеты и комиссии.

В Алтайском крае законодательное регулирование межнациональных отношений обеспечивает Комитет Алтайского краевого Законодательного Собрания по правовой политике

В законодательном регулировании национальной политики государства участвуют в рамках своей компетенции и другие комитеты и комиссии субъектов РФ. Также как и на федеральном уровне в обсуждении законов по национальным и конфессиональным отношениям регионального уровня принимают участие региональные Общественные палаты.

Активность законотворчества в регионах по проблемам межэтнических и межнациональных отношений во многом зависит от этнокультурной специфики конкретного субъекта РФ: его национального состава, характера межэтнических отношений. Также важна активность организаций этнокультурного или религиозного профиля в субъекте, имеющий опыт взаимодействия с органами региональной власти.

В определении основных направлений государственной политики (в том числе в этнонациональной и конфессиональной сферах) центральной фигурой является Президент РФ. Его Администрация курирует содержательную, кадровую и структурно-организационную политику в области регулирования национальных отношений. Президент назначает Полномочных представителей в федеральные округа, где, опираясь на Аппарат полномочного представительства и главных федеральных инспекторов, они занимаются вопросами регулирования, в том числе и сферы управления в национальной политике. Указом Президента РФ № 776 от 5.06.2012 г. для регулирования отрасли был создан *Совет по межнациональным отношениям* под его председательством. В состав Совета представители Администрации Президента, Правительства, федеральных органов исполнительной власти, глав субъектов РФ, Общественной Палаты, научных институтов, авторитетных этнокультурных общественных организаций, экспертно-аналитических структур.

Совет по межнациональным отношениям при Президенте – совещательный и консультативный орган при Президенте, образованный в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики РФ.

Главные задачи Совета – аккумуляция информации по состоянию национально-этнической сферы и практике управления ею, определение основ, целевых установок и задач национальной политики государства, а также способов и методов ее реализации.

В целях согласования деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в Алтайском крае по вопросам укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений используется такой формат взаимодействия как Совет по вопросам реализации государственной национальной политики в Алтайском крае (далее – Совет). Членами Совета являются представители зарегистрированных в установленном законом порядке общественных, национально-культурных, религиозных и иных объединений Алтайского края, представители органов государственной власти Алтайского края, территориальных органов федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций.

На постоянной основе к участию в заседаниях Совета, обсуждению вопросов повестки дня привлекаются ведущие эксперты региона в области межнациональных и конфессиональных отношений. Обязательными темами, обсуждаемыми на Совете, являются: принятие нормативных и правовых актов в области реализации государственной национальной политики в Алтайском крае; деятельность Правительства Алтайского края и органов исполнительной власти Алтайского края по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года; формирование и выполнение плана этнокультурных мероприятий в регионе; результаты социологического мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Алтайском крае; лучшие практики этнокультурной деятельности национально-культурных общественных объединений и возможности их государственной поддержки; информационная и ресурсная поддержка сферы государственной национальной политики; роль субъектов государственной национальной политики (в том числе национально-культурных и религиозных организаций) в гармонизации межнациональных и конфессиональных отношений, укреплении единства российской нации.

С целью повышения эффективности деятельности Совета в декабре 2019 года при Общественной палате Алтайского края создана рабочая группа по вопросам медиации межконфессиональных и межнациональных отношений. В состав рабочей группы входят представители Общественной палаты, религиозных организаций, национально-культурных общественных объединений, научной общественности, органов государственной власти. Цель рабочей группы: консолидация усилий в области гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений на территории Алтайского края. Члены данной рабочей группы включены в процессы формирования повестки заседаний Совета, проведения ее предварительного обсуждения с привлечением широкого круга экспертов, формирования проблемного фона для диалога и принятия решений в рамках очередного заседания Совета.

Межсекторное взаимодействие в сфере профилактики экстремистской деятельности обеспечивается в рамках Общественного совета при Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю, Общественного совета при Министерстве социальной защиты Алтайского края.

На 01.06.2020 в регионе действует 21 совещательная, консультативная структура, на заседаниях которых рассматриваются вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений.

В январе 2020 года с целью повышения эффективности деятельности общественных совещательных органов в муниципальных образованиях Алтайского края Правительством Алтайского края разработаны методические рекомендации о создании и деятельности таких советов, модельное положение о совете при главе муниципального образования по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений и направлены в соответствующие муниципальные органы.

На основе подготовленных рекомендаций органами местного самоуправления районов Алтайского края приняты меры по повышению эффективности деятельности общественных советов и иных консультативных органов по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений.

Организована работа по внесению изменений в положения об общественных совещательных органах в соответствии с изменениями федерального законодательства, в девяти муниципальных образованиях впервые созданы консультативные органы по вопросам национальной политики.

Дополнительно принято решение об:

- обязательном привлечении консультативных органов к рассмотрению проектов муниципальных актов и муниципальных программ (подпрограмм, планов) по реализации государственной национальной политики, гармонизации межэтнических (межнациональных) и межконфессиональных отношений;*
- организации курсов повышения квалификации муниципальных служащих, экспертов в сфере образования, культуры и других областей, чья деятельность связана с решением задач национальной политики;*
- обеспечении функционирования на муниципальном уровне системы межведомственного взаимодействия между органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, национально-культурными и религиозными организациями по реализации государственной национальной политики, гармонизации межэтнических (межнациональных) и межконфессиональных отношений;*
- освещении в муниципальных средствах массовой информации деятельности созданных общественно-консультативных органов.*

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, отвечающим за реализацию государственной национальной политики и регулирования этноконфессиональных отношений, является ФАДН. Агентство было создано в 2015 г. Свою деятельность оно осуществляет во взаимодействии с другими федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

В число структурных подразделений агентства входят Управление мониторинга, анализа и прогноза, Управление программ и проектов в сфере национальной политики, Управление по укреплению общенационального единства и профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве. Для координации деятельности структурных подразделений в Агентстве существует Коллегия, которая является постоянным совещательным органом. По согласованию с руководителями других федеральных органов исполнительной власти их представители также могут участвовать в работе Коллегии в рамках своих профессиональных полномочий.

С учетом межотраслевого характера государственной национальной политики, ряд аспектов ее реализации относятся и к сфере ведения других федеральных органов исполнительной власти.

Так, выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование:

- в сфере сохранения историко-культурного наследия народов России – относится к ведению Министерства культуры России;
- в сфере информационных технологий, массовых коммуникаций и средств массовой информации, в том числе электронных (включая развитие сети Интернет, систем телевизионного (в том числе цифрового) вещания и радиове-

пхания и новых технологий в этих областях), печати, издательской и полиграфической деятельности – относится к ведению Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России;

- в сфере образования – Министерства просвещения и Министерства высшего образования и науки России;
- в сфере развития Дальнего Востока и Северного Кавказа – Министерства по развитию Дальнего Востока и Министерства по развитию Северного Кавказа;
- в сфере регистрации некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественные объединения, политические партии и религиозные организации, а также правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере регистрации некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественные объединения, политические партии и религиозные организации – Министерства юстиции России;
- в сфере международных отношений РФ – Министерства иностранных дел России;
- в сфере формирования межгосударственных и федеральных целевых программ (долгосрочных целевых программ), ведомственных целевых программ – Минэкономразвития России;
- в сфере занятости и трудовой миграции и социальной защиты – Министерства труда и социальной защиты России;
- в сфере туризма и молодежной политики – к ведению Федеральных агентств по туризму и по делам молодежи.

Отдельные аспекты реализации государственной национальной политики, особенно в части профилактики этнополитического экстремизма, пресечения противоправных действий, направленных на разжигание национальной и религиозной вражды и пр., касаются полномочий других федеральных органов исполнительной власти (в частности, МВД России, ФСБ России, Службы внешней разведки России и др.).

Полномочия и права органов власти субъектов РФ и местного самоуправления по реализации государственной национальной политики регулируются Конституцией РФ, федеральным и региональным законодательством Указами Президента и Постановлениями Правительства.

Государственное регулирование законодательством вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений является сферой совместных полномочий федеральной и региональных властей. К ним относятся:

- поддержка региональных и местных национально-культурных автономий;
- поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности;
- организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов РФ;
- осуществление в пределах своих полномочий мер по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; по предотвращению любых форм ограничения прав и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;
- разработка и реализация региональных программ государственной поддержки, сохранения и развития языков и культуры народов РФ, проживающих на

территории субъекта РФ, осуществления иных мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов РФ, проживающих на территории субъекта РФ, защиту прав национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

О РЕГИОНЕ ГУБЕРНАТОР **ВЛАСТЬ** ДОКУМЕНТЫ ФОТОГАЛЕРЕЯ ИНВЕСТИЦИИ **ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН** Поиск...

[Главная](#) / [Власть](#) / [Правительство края и иные органы исполнительной власти Алтайского края](#) / [Структурные подразделения Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края](#) / [Департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики](#) / [Государственная национальная политика](#)

Государственная национальная политика

[Версия для печати](#)

- Нормативные документы
- Государственная программа Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае»
- Народы Алтайского края
- Национально-культурные объединения края
- Совет по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края
- Всероссийский фестиваль традиционной культуры «День России на Бирюзовой Катуни»
- План этнокультурных мероприятий в Алтайском крае
- Этнокалендари
- Конкурсный отбор негосударственных некоммерческих организаций для предоставления субсидий на реализацию информационных и издательских проектов по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации
- Конкурсный отбор НКО для предоставления субсидии с целью организации и проведения Всероссийского фестиваля традиционной культуры «День России на Бирюзовой Катуни»
- Конкурсный отбор негосударственных некоммерческих организаций для предоставления субсидий на реализацию проектов и мероприятий по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации
- Предоставление субсидий негосударственным некоммерческим организациям для участия в этнокультурных мероприятиях на территории Российской Федерации

Будущее России
Национальные проекты

ФОТОРЕПОРТАЖ

Общероссийское голосование на Алтае

Все фоторепортажи

ВАЖНО

ИСПОЛНЕНИЕ
ПОРУЧЕНИЙ И УКАЗАНИЙ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

www.altairegion22.ru. Раздел официального сайта Алтайского края.

Согласно положениям Федерального закона от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения муниципального района / городского округа отнесены: разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов РФ, проживающих на территории муниципального района / городского округа, реализацию прав национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов.

К вопросам местного значения (городского и сельского поселения) в сфере регулирования национально-этнических отношений отнесены: создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов РФ, проживающих на территории поселения; социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов.

За органами местного самоуправления закреплены обязанности: по созданию условий для осуществления деятельности, связанной с реализацией прав местных национально-культурных автономий на территории поселения, муниципального района, городского округа; по оказанию содействия национально-культурному развитию народов РФ и реализации мероприятий в сфере межнациональных отношений на их территории.

В соответствии с пунктом 5 перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям от 20.07.2017 № Пр-1710 «рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации обеспечить определение органами местного самоуправления должностных лиц, ответственных за реализацию государственной национальной политики на территориях муниципальных образований» в 2017 году в каждом муниципальном образовании Алтайского края определено должностное лицо, ответственное за состояние межнациональных отношений.

В 100% муниципальных образований Алтайского края (10 городских округов и 58 муниципальных районов) определены должностные лица органов местного самоуправления, ответственные за реализацию государственной национальной политики. Количество муниципальных служащих, в полномочия которых входит решение задач государственной национальной политики – 90.

Отдельных структур, ответственных за реализацию государственной национальной политики, в Алтайском крае нет (на региональном и муниципальном уровне).

В соответствии с законом, грубое нарушение государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии, ограничение прав и дискриминация по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, повлекшие за собой нарушение межнационального и межконфессионального согласия и возникновение межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов может стать основанием для отставки главы муниципального образования.

На уровне субъектов РФ вопросы реализации государственной национальной политики отнесены к полномочиям типологически разных структурных подразделения органов исполнительной власти.

В Алтайском крае мероприятия по гармонизации межнациональных отношений и этнокультурному развитию народов России обеспечивает краевое автономное учреждение «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом», национальные объединения и иные организации на базе данного учреждения не действуют. КАУ «Алтайский краевой Российско-немецкий дом» (далее – РНД) является унитарной некоммерческой организацией, работающей в сфере культуры и развития межнациональных отношений, занимающейся вопросами реализации государственной национальной политики, в том числе соответствующих государственных программ Российской Федерации и Правительства Алтайского края.

Основными направлениями работы РНД являются виды деятельности, предусмотренные базовым (отраслевым) перечнем государственных услуг: организация и проведение культурно-массовых мероприятий в области культурного просвещения, а также услуги в рамках поддержки деятельности клубных формирований и самодеятельного народного творчества народов Российской Федерации, проживающих на территории Алтайского края; предоставление консультационных и методических

услуг в установленной сфере деятельности (в том числе научно-исследовательская работа, подготовка информационных материалов и другое).

РНД, взаимодействуя с национально-культурными объединениями, осуществляет организацию и проведение культурно-массовых мероприятий, различных семинаров, конференций, концертов, фестивалей, выставок в области культурного просвещения и самодеятельного творчества народов, проживающих на территории Алтайского края.

В рамках уставной деятельности учреждением осуществляется ресурсная поддержка НКО. Для этих целей общественным объединениям предоставляются помещения, видео-, звуковое и мультимедийное оборудование. Традиционно проводятся тематические программы, посвященные национальным праздникам и памятным датам истории, российским календарным праздникам, музыкальные и литературные салоны, дни открытых дверей, фестивали национальных культур.

Ведется научно-исследовательская работа, мониторинги, подготовка информационных материалов, формирование банка данных, фонотек, видеотек, фотоматериалов о народах Алтая. РНД выступает площадкой для обмена опытом, идеями, событиями для национально-культурных общественных организаций.

Для этой цели создан официальный сайт РНД, который стал информационной платформой по вопросам сохранения и развития традиционных культур народов Алтая, реализации государственной национальной политики. На официальном сайте учреждения ведется работа по подготовке и размещению информационных, научно-методических материалов, направленных на формирование и поддержку духовно-нравственных ценностей народов Алтайского края.

www.ak-rnd.org

Главным условием эффективности механизмов реализации государственной национальной политики является обеспечение системного подхода к формированию, функционированию и совершенствованию этих механизмов при обязательном надлежущем научно-экспертном и аналитическом сопровождении. Такую системность и эффективность в реализации национальной политики может обеспечить применение программно-целевого метода при планировании и осуществлении мероприятий, направленных на решение соответствующих задач.

В Алтайском крае с 2017 года действует региональная государственная программа «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» (постановление Правительства Алтайского края от 20.02.2020 № 67).

Цель программы: укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, проживающего на территории Алтайского края.

Задачи программы:

- содействие укреплению гражданского единства, формированию гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности населения Алтайского края;
- развитие этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории Алтайского края, воспитание культуры межнационального общения, основанного на уважении чести и национального достоинства граждан;
- совершенствование взаимодействия органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, научных, образовательных и иных организаций для обеспечения стабильного позитивного развития сферы межнациональных отношений;

- создание условий для формирования имиджа Алтайского края как территории гармоничных межнациональных отношений, в том числе информационное обеспечение реализации государственной национальной политики в Алтайском крае.

Одним из принципов региональной политики в сфере межнациональных отношений является совершенствование подходов и используемых механизмов работы.

Немаловажно отметить развиваемые в рамках региональной программы механизмы государственно-общественного партнерства в области национальной политики. Некоммерческие организации по итогам конкурсного отбора осуществляют социологический мониторинг состояния межнациональных отношений и организуют (также в рамках отдельно проведенного конкурса) наиболее масштабное событие сферы межнациональных отношений в крае – Всероссийский фестиваль традиционной культуры «День России на Бирюзовой Катуни». В 2019 году в нем приняли участие более 1000 человек – представителей этнических и фольклорных коллективов, народных ремесленников и членов национально-культурных общественных организаций. Фестиваль в течение шести лет проведения (с 2013 года) привлек 30,5 тысячи гостей и зрителей, вырос в статусе до всероссийского, вошел в национальный событийный календарь, получил ряд наград федерального уровня.

Среди наиболее значимых мероприятий государственной программы: информационное освещение в СМИ событий межнациональной направленности, организация и проведение в молодежной среде мероприятий в сфере реализации государственной национальной политики. С 2018 года реализуется комплексная информационная кампания в сфере межнациональных отношений, предусматриваются не только подготовка и выпуск специализированных публикаций региональными СМИ, но и поддержка муниципальных СМИ, пишущих на межэтническую тематику, проведение «круглых столов» с представителями наиболее крупных СМИ региона и руководителями этнических объединений. В 2018 году информационная поддержка расширена за счет созданных специализированных порталов в сети Интернет: наш-алтай.рф (о деятельности национально-культурных объединений), «Алтай многонациональный» (дайджест повестки национальной политики федерального и регионального уровней) и сайта «Ресурсный центр поддержки гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае» (портал создан на принципах государственно-общественного партнерства). Все эти порталы, а также сайт КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом», помимо освещения, осуществляют информационное сопровождение деятельности национально-культурных общественных организаций. В этом же направлении реализуются и издательские проекты: ежегодный иллюстрированный журнал «Россия многонациональная. Алтайский край», ежегодная монография с изложением итогов мониторинга межнациональных отношений «Национальная политика и межнациональные отношения в Алтайском крае», сборник материалов научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве».

В течение 2018–2019 годов к изданию подготовлен уникальный, первый подобного рода для края труд «Этноатлас Алтайского края», изданы информационно-методические материалы для руководителей национально-культурных организаций, впервые составлен и издан в декабре 2018 года сборник «Лучшие практики этнокультурной деятельности в Алтайском крае», в котором содержатся материалы, предоставленные руководителями этнических объединений края.

Ежегодно, начиная с 2018 года, реализуется серия мероприятий в молодежной среде региона: межнациональный студенческий фестиваль, серии историко-патриотических и военно-патриотических квестов и семинаров-практикумов, орга-

низована специализированная площадка «Межнациональное взаимодействие» в рамках Международного молодежного управленческого форума «Алтай. Территория Развития» с приглашением экспертов федерального уровня.

В 2018 году отдельным направлением работы в рамках региональной программы стала организация повышения квалификации государственных гражданских и муниципальных служащих, руководителей, сотрудников и добровольцев национально-культурных общественных объединений. Созданы и реализованы четыре образовательные программы повышения квалификации: для государственных гражданских (муниципальных) служащих Алтайского края – «Государственная национальная политика и практика регулирования межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений»; для руководителей национально-культурных общественных объединений – «Управление деятельностью некоммерческих организаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»; для сотрудников и добровольцев национально-культурных общественных объединений – «Технологии межнационального и межкультурного взаимодействия»; для сотрудников и добровольцев национально-культурных объединений – «Психосоциальные технологии адаптации и интеграции иноэтнических групп».

Государственная программа представляет собой увязанный по целям, задачам и срокам осуществления комплекс мер по реализации государственной национальной политики. Оценка принимаемых мер и их необходимая корректировка проводятся на основе обратной связи и информации об их результативности, полученных от населения и институтов гражданского общества.

www.altairregion22.ru

Направления реализации региональной программы

На сегодняшний день ситуация такова, что региональные власти, несущие согласно законодательству ответственность за состояние межнациональных отношений, могут по своему усмотрению определять актуальность, тематическую направленность

и объем работы в области гармонизации межэтнических отношений и профилактики этноконфессиональных конфликтов. Инструменты, которые регионы используют для реализации государственной национальной политики, разные. Это может быть разработка региональной Стратегии государственной национальной политики или комплексного плана мероприятий по реализации Стратегии. В некоторых регионах ее отдельные задачи решаются в рамках целевых программ, например, в языковой или миграционной сфере. Однако опыт показывает, что систематическую, комплексную работу в этом направлении с учетом общероссийских и региональных реалий наиболее эффективно можно вести при наличии тщательно разработанных, научно обоснованных целевых программ.

Поддержка общественных инициатив в области национальной политики в Алтайском крае

Правительством Алтайского края ведется реализация мероприятий государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае». Государственной программой предусмотрено выполнение таких мероприятий, как:

- распространение знаний о народах Алтайского края, формирование культуры межнациональных отношений, знакомство с культурными традициями и достижениями народов Алтайского края;
- организация проведения ежегодных конференций, семинаров по распространению лучших практик реализации этнокультурных проектов национально-культурными общественными объединениями Алтайского края;
- оказание поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям в подготовке и публикации материалов этнокультурной тематики, в том числе в региональных печатных изданиях и на Интернет-ресурсах;
- разработка методических материалов для органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, инициативных групп граждан Алтайского края в области реализации государственной политики, развития национально-культурных объединений и укрепления общегражданского единства;
- методическая поддержка в области переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев национально-культурных общественных объединений;
- организация и проведение конференций, круглых столов, форумов по вопросам межнациональных отношений с представителями научных, образовательных организаций, общественных национально-культурных и иных объединений.

По всем этим направлениям, реализуемым национально-культурными общественными объединениями проектам как при грунтовой и субсидиарной поддержке, так и самостоятельно, осуществляется организационное, методическое, ресурсное и информационное содействие.

В рамках негрантовых форм поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в области укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов ежегодно распределяются субсидии:

- на реализацию проектов и мероприятий по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации (объем средств в 2019 году – 2,0 млн. рублей, поддержано 8 проектов, объем средств в 2020 году – 2,0 млн. рублей);

- на реализацию информационных и издательских проектов по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации (объем средств в 2019 году – 0,4 млн. рублей, поддержано 5 проектов, объем средств в 2020 году – 0,4 млн. рублей);
- на возмещение расходов, связанных с участием в этнокультурных мероприятиях на территории Российской Федерации (объем средств в 2019 году – 0,3 млн. рублей, выделено 8 субсидий; объем средств в 2020 году – 0,3 млн. рублей).

Ведется работа по грантовой поддержке проектов некоммерческих организаций, направленных на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений. Эта деятельность осуществляется в рамках подпрограммы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций» государственной программы Алтайского края «Социальная поддержка граждан». Условия и порядок предоставления грантов определены в положении о грантах Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, утвержденном Указом Губернатора Алтайского края от 06.03.2014 № 16. В 2019 году на конкурс поступили 139 заявок, 137 из которых допущены к участию в конкурсе, из них 9 – по приоритетному направлению «межнациональное сотрудничество». По итогам работы конкурсной комиссии поддержаны 2 проекта. Объем средств, направляемых на грантовую поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций в Алтайском крае, составляет 9,0 млн. рублей в 2019 году, 9,0 млн. рублей – в 2020 году.

Представители Правительства Алтайского края принимают участие в реализации проектов общественных объединений в качестве экспертов, выступают соавторами издаваемых методических рекомендаций. В целях оказания консультативной и методической помощи получателем субсидий из краевого бюджета в рамках региональной программы «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» в государственное задание внесено «Оказание консультативной, ресурсной, методической и информационной поддержки негосударственным некоммерческим организациям, реализующим мероприятия и проекты по этнокультурному развитию и укреплению единства российской нации». Всего в 2019 году проведено 277 консультаций, оказано 12 ресурсных поддержек.

С целью повышения эффективности реализации проектов 20 июня 2019 года в КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» организован семинар для участников национально-культурных объединений по вопросам реализации мероприятий, проводимых за счет субсидий в рамках программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае». Дополнительно организовано участие 3 представителей общественных объединений в обучающем семинаре по реализации государственной национальной политики в Сибирском Федеральном округе, который прошел в г. Омске в период 2–4 октября 2019 года. Подготовлены и распространены среди национально-культурных организаций: методические рекомендации «Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации», изданы и распространены за счет средств региональной программы методические материалы «Методические основы деятельности этнокультурного центра», издание «Лучшие практики этнокультурной деятельности организаций некоммерческого сектора в Алтайском крае».

В период сентября – ноября проведены 6 выездных методических семинара для руководителей, сотрудников и добровольцев национально-культурных и иных общественных объединений по вопросам этнокультурной деятельности, всего в семинарах приняли участие 194 человека.

5 декабря 2019 года организован семинар для национально-культурных объединений по реализации мероприятий, проводимых за счет субсидий в рамках государ-

ственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае». В ходе семинара состоялась презентация лучших практик национально-культурных объединений по реализации мероприятий, проводимых за счет субсидий в рамках государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае». Были представлены проекты «Перекресток культур», реализованный Общественной Организацией Местная Национально-Культурная Автономия Казахов «Болашак» с. Кирей Кулундинского района Алтайского края, и «Простые звуки родины моей» Алтайской краевой общественной организации «Творческое объединение композиторов Алтайского края «Песни иткульского лета», «Калейдоскоп татаро-башкирской культуры» Алтайской краевой общественной организации «Центр татарской культуры «Дулкын» (Волна) и «Национальная палитра» – изучение и сохранение опыта межэтнического взаимодействия» Алтайской краевой общественной организации «Союз армян Алтайского края».

С целью оказания содействия в тиражировании практик проектной деятельности национально-культурных общественных объединений проводится комплексная информационная кампания, предусматривается не только подготовка и выпуск специализированных публикаций региональными СМИ, но и поддержка муниципальных СМИ, пишущих на межэтническую тематику, а также специализированных порталов в сети Интернет: Информационный портал НКО Алтайского края, сайт «Алтай многонациональный», сайт о национально-культурных объединениях «Наш-Алтай.рф».

В издательских проектах, создаваемых в рамках региональной программы – ежегодный иллюстрированный журнал «Россия многонациональная. Алтайский край», монография с изложением итогов мониторинга межнациональных отношений «Национальная политика и межнациональные отношения в Алтайском крае», сборник материалов научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве» предусматриваются отдельные разделы, посвященные реализации проектов национально-культурных и иных общественных в этнокультурной сфере.

В течение 2019 года подготовлены и размещены 495 публикаций.

Ежегодно Правительством Алтайского края оказывается экспертное, методическое и информационное содействие проектам национально-культурных и иных общественных объединений, получившим федеральное финансирование, на этапе заявочных кампаний предоставляются письма-поддержки. Например, в 2018 году Алтайская краевая общественная организация психолого-социального сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие» при поддержке Фонда президентских грантов успешно реализовала программу «Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае». Эффективность работы ресурсного центра была высоко оценена благополучателями, региональными и муниципальными органами власти и Фондом Президентских грантов.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

<http://www.gov.ru> – Сервер органов государственной власти Российской Федерации.

<https://www.oprf.ru/1449/2133/1473/2139> – Общественная палата Российской Федерации.

<http://rescenter22.ru> – Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае.

<http://ak-rnd.org> – КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом».

<http://22.мвд.рф> – Главное управление по вопросам миграции МВД России по Алтайскому краю.

<http://unro.minjust.ru/> – Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации.

<https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/> – департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики.

<http://nko22.ru> – Информационный портал НКО Алтайского края.

<http://наш-алтай.рф> – Сайт о национально-культурных объединениях Алтайского края.

<http://altaymn.ak-rnd.org/> – Алтай многонациональный. Проект КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом».

Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах российской Федерации: методические материалы / коллектив авторов; (научный редактор А.Ю. Полунов). – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 210 с.

Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в субъектах Российской Федерации: система и структура. Экспертно-аналитический доклад (первый раунд) / авт.-сост. Э.Ю. Минаева, К.А. Сулимов. Пермь, 2016.

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональные и инфраструктурный аспекты / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2018. Вып. 263. 57 с.

Тема 1.3. Государственная миграционная политика как механизм управления межнациональными и межконфессиональными конфликтами

сост. Омельченко Д.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Глобальная и национальная миграционные ситуации диктуют настоятельную потребность в разработке и реализации эффективной государственной миграционной политики, в том числе направленной на управление культурным и этническим разнообразием.
- ✓ На Западе и в России есть опыт внедрения разнообразных моделей политики интеграции. Анализ их достоинств и недостатков, возможностей адаптации применительно к современным российским реалиям отвечает задачам комплексного подхода к проблемам совершенствования миграционной политики как инструмента обеспечения национального согласия и профилактики межнациональных конфликтов.
- ✓ В настоящий момент в России созданы нормативно-правовые рамки и институциональная инфраструктура реализации политики интеграции, однако этот процесс еще далек от завершения. Успешной реализации этой политики на местах будут способствовать экспертные рекомендации и анализ эффективных практик, реализуемых в других организациях и регионах.

Международная миграция продолжает оставаться одной из ключевых тем, волнующих политиков, сообщество экспертов и ученых, а также людей, жизни которых оказались существенно затронуты и изменены миграционными процессами. Объемы миграционных потоков стремительно увеличиваются: по данным отчета ООН за 2020 год, количество международных мигрантов в мире превысило 271 млн человек, за последние 50 лет количество мигрантов в мире увеличилось более чем в три раза и в настоящее время составляет около 3,5% населения Земли.

Миграция выступает значимым фактором экономического развития, как для стран с избыточными трудовыми ресурсами, так и принимающих стран, в которых потребности в рабочей силе не обеспечиваются собственными силами. В первых она способствует снижению социальной напряженности за счет сокращения населения, снятия нагрузки с социальной сферы, финансовой реанимации экономики благодаря денежным перечислениям из-за рубежа. Вторым миграция обеспечивает пополнение трудовых ресурсов и компенсирует потери трудоспособного населения, вызванные демографическими факторами. Согласно статистике, более 60% мигрантов, проживавших развитых странах мира, эмигрировали туда из развивающихся и бедных регионов.

Между тем, не стоит преуменьшать и негативные последствия колоссальных перемещений людских масс. В результате массовой иммиграции с глобального «Юга» на «Север» происходят радикальные изменения в этническом, лингвистическом, конфессиональном составе принимающих обществ, увеличивается нагрузка на системы социальной защиты населения принимающих стран, возникают острые демографические проблемы на тех территориях, откуда массово уезжает трудоспособное население и другие сложности. Обострение этнокультурных конфликтов современности обуславливает необходимость разработки и реализации такой миграционной политики, которая бы уменьшила вероятность этнорелигиозного насилия и обеспечила бы высокий уровень гражданской солидарности. Миротворческий контроль становится атрибутом глобальной безопасности, поскольку регионы с высокой этнической и конфессиональной

нестабильностью рассматриваются как потенциальные субъекты международного терроризма, что привлекает внимание к поиску конструктивных способов разрешения межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Количество международных мигрантов в мире, 1970–2019

Год	Количество международных мигрантов	Доля международных мигрантов в населении стран мира
1970	84 460 125	2,3%
1975	90 368 010	2,2%
1980	101 983 149	2,3%
1985	113 206 691	2,3%
1990	153 011 473	2,9%
1995	161 316 895	2,8%
2000	173 588 441	2,8%
2005	191 615 574	2,9%
2010	220 781 909	3,2%
2015	248 861 296	3,4%
2019	271 642 105	3,5%

Источник: United Nations. World Migration Report 2020. P. 21.

Россия остается одной из ведущих стран мира по количеству иностранных мигрантов, сосредоточенных на ее территории: по данным ООН их более 11,6 млн человек, что эквивалентно 8% от всего ее населения (это в 2,3 раза выше общемирового уровня) (UN DESA, 2019, Migration data portal). Международная миграция более чем на половину позволяет компенсировать естественную убыль населения, вызванную высокой смертностью и относительно низкой рождаемостью, а также восполнить недостаток трудоспособного населения и снизить демографическую нагрузку со стороны старших возрастов. Доля иностранных работников в общей численности занятого населения России неуклонно увеличивается (с 0,3% в 1999-2000 годах до 2,4% в 2018 году). Главным отличием российской миграционной ситуации является близкая этнодемографическая структура иммиграционных потоков: в 1990–2000-е гг. они в большей степени состояли из этнических русских, начиная со второй половины 2000-х из титульных народов республик бывшего СССР. И хотя доля иммигрантов, хорошо владеющих русским языком, постепенно сокращается, большинство быстро адаптируется в российском обществе, обладает сходным менталитетом, ориентированы на жизнь в России, готовы изучать русский язык при соответствующих условиях (Рязанцев, 2019¹).

Благодаря трудовым мигрантам в России решаются многие экономические проблемы – возмещается нехватка трудового потенциала, улучшается сбалансированность рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы, стимулируется рост инвестиций, развиваются новые виды бизнеса, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов экономики. Иностранные работники активно используются в реализации крупномасштабных проектов, работают на стройках, заняты в сельском хозяйстве, трудятся в сфере торговли, точках общественного питания, на транспорте, в ЖКХ, гостиничном бизнесе, оказывают различные услуги домохозяйствам, осуществляют уход за детьми, больными и престарелыми на дому. Мигранты из-за рубежа позволяют

¹ Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 117–126.

многим российским компаниям, малым и средним предприятиям сохранять конкурентоспособность из-за низкой стоимости иностранной рабочей силы. Благодаря трудовым мигрантам повышается доступность товаров и услуг для значительной части населения России. Вместе с тем, ряд экспертов и политиков до сих пор придерживается точки зрения, что как в период спада экономики, так и в условиях экономического роста нам не нужна многомиллионная армия иностранных трудовых мигрантов, полагая, что проблема недостатка трудовых ресурсов состоит не в их количестве, а в низкой производительности труда, устаревших технологиях, неэффективном использовании национальной рабочей силы, наличии пространственных барьеров для трудовой мобильности населения. В значительной мере дефицит трудовых ресурсов связан с рассогласованностью системы профессионального образования и потребности быстро меняющегося рынка труда в рабочей силе. Масштабный приток дешевой низкоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа делает неконкурентоспособными миллионы российских граждан на рынке низкоквалифицированного труда. При проведении миграционной политики в сфере трудовой миграции сохраняется ряд острых проблем, затрагивающих важные стороны жизни российского общества. (Красинец, 2017. С. 97–98²). Ученые отмечают опасности и угрозы, исходящие от международной миграции, прежде всего от неконтролируемой и нелегальной, снижающие уровень национальной безопасности: повышение криминогенной обстановки, вызванное увеличением количества преступлений, совершаемых мигрантами и в отношении мигрантов; угроза распространения терроризма, контрабанды оружия и наркотиков; рост экономической и социальной напряженности, вызванный массовым неконтролируемым переселением иностранных граждан в Россию и развитием «теневой» экономики; кардинальные изменения этнического состава крупных городов и деформация этнодемографической структуры населения; угроза распространения эпидемий и инфекционных болезней, в особенности таких как ВИЧ, туберкулез и инфекции, передаваемые половым путем (ИППП). Кроме того, существуют и другие угрозы, которые пока не проявляются в российском обществе, но явно присутствуют в странах с более длительной миграционной историей. К ним относятся угрозы политической нестабильности вследствие повышения общественной и политической активности мигрантов, направленной на отстаивание своих социально-экономических, политических и культурных интересов, создания политических партий и движений переселенцев, в том числе радикального характера, угрозы территориальной целостности государства, трансформация существующей системы международных отношений (Бормотова, Юдина, 2016³). Миграционная политика является одним из важных инструментов, призванных обеспечить баланс интересов коренного населения и международных мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий.

1.3.1. Понятие миграционной политики, ее цели задачи, субъекты и объекты, основные принципы реализации

Миграционная политика является немаловажной частью внутренней и внешней политики государства, от качества ее реализации зависит, станет ли миграция позитивным и стабилизирующим фактором или, напротив, будет фактором обострения социально-экономических проблем общества.

² Красинец Е.С. Миграция, рынок труда и миграционная политика современной России // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2017. – С. 96–100.

³ Бормотова Т.М., Юдина Т.Н. Миграционная политика как инструмент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 88–95.

В широком смысле миграционная политика, как часть социальной политики государства, затрагивает вопросы демографической политики, сферы труда и занятости, обеспечения и защиты прав человека и гражданина. Так, например, по определению Л.Л. Рыбаковского, эта политика представляет собой «систему общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение поставленных целей» (Воробьева, Рыбаковский, Рыбаковский, 2016⁴). Формирование государственной миграционной политики в отношении международной (внешней) миграции населения заключается в деятельности государства и других социальных институтов по осуществлению своих интересов и потребностей на международной арене.

Миграционная политика определяется характером государственного устройства, целями, которые преследуются государством и представляет собой государственную доктрину или концепцию регулирования миграционных процессов, неразрывно связанную с проводимой экономической, социальной, демографической, национальной, культурной и другими политиками.

Узкий формат рассмотрения миграционной политики предполагает акцент на мерах, направленных на изменение численности, состава, направления движения и расселения мигрантов, а также на деятельности определенных субъектов по их реализации. Так, миграционная политика может быть определена как комплекс мер, принимаемых в государстве и обществе для регулирования переселений, адаптации и интеграции переселенцев в интересах этого государства и общества (Основы миграционной политики, 2010⁵). Одновременно с этим, миграционная политика – это деятельность международных организаций, государственных органов, политических партий, органов муниципальной власти, общественных движений и организаций и их лидеров и др. по регулированию миграционных процессов и отношений, а также по миграционному обеспечению государственных, муниципальных и предпринимательских проектов и программ посредством использования политической власти или осуществления влияния на власть в интересах реализации наиболее значимых общественных потребностей (Кононов, 2010)⁶.

Осуществляя реализацию миграционной политики на практике, специалист должен учитывать все возможные смыслы и интерпретации данного понятия. В современных определениях миграционной политики подчеркиваются следующие важные моменты:

- миграционная политика – это так или иначе продукт политической системы, определенной системы политических взглядов, воззрений и ориентаций политических лидеров;
- миграционная политика – прерогатива не только государства, но и общественных институтов, гражданского общества;
- различные общественные институты – партии, церковь, общественные организации – могут иметь различные точки зрения на цели и средства миграционной политики;

⁴ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с.

⁵ Барциц И.Н., Егоров В.К., Ромодановский К.О. Основы миграционной политики. Учебно-методическое пособие, Федеральная миграционная служба и Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2010.

⁶ Кононов Л.А. Миграционная политика России: проблемы и пути их решения: Аналитические обзоры Института научных исследований и информации при Президенте РФ: периодическое издание (открытая серия). 2010. № 4 (14). М.: Изд-во РАГС, 2010.

- миграционная политика – это процесс согласования интересов государства в области регулирования миграций на федеральном и региональном уровнях с интересами мигрантов, местного сообщества, политических и экономических элит;
- миграционная политика – это процесс взаимодействия между государствами, при котором происходит передача юрисдикции, так как мигранты, прекращая быть членами одного общества, становятся членами другого (Волосенкова, Кабаченко, Тарасова, 2007⁷).

Исходя из множественных определений и многогранности понятия миграционной политики можно заключить, что акторами (субъектами) миграционной политики могут выступать как отдельные индивиды, так и организации, ведомства. К основным субъектам миграционной политики прежде всего относятся:

- государственные институты (глава государства, парламент, правительство, специальные ведомства, курирующие вопросы миграции, центральные, региональные и местные органы власти);
- общественные институты (некоммерческие организации, общественные объединения, представляющие и защищающие интересы мигрантов в принимающем сообществе, способствующие их адаптации и интеграции, разрешению конфликтных ситуаций);
- агенты рынка (коммерческие организации и отдельные предприниматели);
- граждане принимающей страны;
- сами мигранты.

Последние две категории, являясь, с одной стороны, непосредственными реципиентами услуг миграционных программ и основными объектами миграционной политики, испытывающими на себе все позитивные и негативные последствия от ее реализации, одновременно, путем выражения своей реакции и поведения в определенной миграционной ситуации выступают активными деятелями, субъектами, благодаря действиям которых миграционная политика утверждается и проявляется в формате социальной практики либо, напротив, трансформируется, корректируется, видоизменяется. Таким образом, граждане принимающих сообществ и мигрантов выполняют двойную роль, значение которой не должно недооцениваться теми, кто эту политику разрабатывают и реализуют.

В современном мире различные государства существенно отличаются в определении главной цели миграционной политики. Часть стран своей главной целью ставят укрепление своих позиций на международной арене, другие – решение острых демографических и экономических проблем, третьи – направляют свою миграционную политику на воссоединение нации и объединение соотечественников. Среди возможных целей миграционной политики, наиболее важными являются следующие:

- упрочение внешнеполитического положения страны и участие в международных обменах;
- совершенствование внутривнутриполитических отношений и институтов;
- экономическое развитие принимающих и отправляющих стран;
- совершенствование кадрового потенциала конкретных производств, науки, культуры и т.д.;
- привлечение мигрантов на временное место жительства;
- создание постоянного состава населения;

⁷ Волосенкова Е., Кабаченко П., Тарасова Е. Миграционная политика. Управление миграционными процессами // Методология и методы изучения миграционных процессов. – 2007. – С. 213–236.

- обеспечение рабочей силой промышленных объектов, создаваемых в районах нового освоения;
- стабилизация населения в тех или иных местностях;
- повышение миграционной активности коренных жителей ряда территорий;
- сдерживание притока мигрантов в некоторые населенные пункты и т.д.

Дифференциация целей продолжается и углубляется при формулировке конкретных задач миграционной политики, которые могут быть подразделены на задачи, связанные с:

- формированием и регуляцией миграционных потоков (контроль за въездом и выездом, оформлением документов, охраной границ, контроль за нерегулируемой / недокументируемой миграцией, предотвращение нелегальной (незаконной) миграции, перераспределение миграционных потоков внутри страны);
- экономическим и демографическим развитием, обеспечением экономики трудовыми ресурсами, привлечением человеческого капитала, решением проблем занятости и рынка труда;
- строительством нации, воссоединением народов, семей;
- поддержанием этнического многообразия либо, напротив, культурной однородности принимающих обществ. Одной из важнейших задач миграционной политики развитых стран мира является адаптация мигрантов к новым социокультурным условиям и интеграция (инкорпорирование) мигрантов в принимающее сообщество.

Миграционная политика носит выраженный территориально-дифференцированный характер. В разных странах существуют разные миграционные проблемы, а, следовательно, цели миграционной политики и направления их достижения различны. Соподчиненность целей и дифференциация их по стадиям миграционного процесса, а также по видам миграции и ее направлениям определяют их многоплановость и территориальные различия.

Миграционная политика государства включает в себя не только элементы административно-правового регулирования миграционных процессов: въезда, выезда, режима временного пребывания, порядка осуществления временной трудовой деятельности и др., но и элементы формирования предпосылок к миграции, способности интеграции и адаптации мигрантов в принимающее общество.

При этом и государства исхода и государства приема трудовых мигрантов заинтересованы в стабильном поддержании устоявшихся миграционных потоков, что обеспечивает более эффективный контроль и предсказуемые результаты миграционной политики, ее влияние на уровень национального согласия. Государства приема мигрантов становятся зависимыми от внешнего миграционного притока на рынок труда, а государства исхода мигрантов в привлечении финансовых ресурсов своих граждан, работающих за рубежом. Взаимодействие государств приема и исхода мигрантов нельзя считать спонтанным процессом. Как правило, такое взаимодействие базируется на формальных и не формальных условиях. В качестве формальных условий выступают административно-правовые конструкты национального и наднационального характера, в том числе нормы международного права – договора, конвенции и др., а в качестве неформальных условий – различные кризисные явления в государствах исхода мигрантов, а также исторически сложившиеся этнокультурные связи, миграционные маршруты и диаспоральные сети (Манопов, 2019⁸).

⁸ Манопов М.М. Миграционная политика государства как фактор обеспечения национального согласия в обществе // PolitBook. – 2019. – № 3. – С. 98–111.

В научной литературе принято выделять три типа стран по ключевой направленности миграционных потоков: принимающие, отдающие и страны смешанного типа:

- государства-реципиенты, принимающие иностранцев, где миграционная политика которых делает ставку на массовый или дифференцированный, по определенным категориям, приток иностранцев (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, некоторые страны Латинской Америки);
- государства-доноры, то есть те, страны, миграционная политика которых не препятствует или даже поощряет выезд за рубеж собственных граждан (например, Филиппины, Польша, Китай, страны СНГ);
- государства, миграционная политика которых допускает одновременный прием иностранцев и выезд собственных граждан (такие, как Германия, Испания, Россия);
- государства, миграционная политика которых направлена на запрет миграции (например, Куба до 2013 года, СССР);
- государства практически вне миграции – они не устанавливают ограничений на переселения людей, однако, собственные граждане не покидают родину, а иностранцы не находят ее привлекательной. Однако, таких государств становится все меньше и меньше (в качестве примера можно привести островные государства Тувалу, Токелау, Сен-Пьер и Микелон и т.д.).

Несмотря на различие целей, задач и условий реализации миграционной политики, существуют базовые принципы, одинаково значимые для всех стран, ориентированных на цивилизованный и гуманный подход в управлении миграционными процессами. Такими ключевыми принципами миграционной политики являются:

- обеспечение прав и свобод человека и гражданина;
- недопустимость любых форм дискриминации;
- соблюдение норм национального и международного права;
- гармонизация интересов личности, общества и государства;
- взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления, развитие институтов социального партнерства и гражданского общества;
- защита национального рынка труда;
- дифференцированный подход к регулированию миграционных потоков в зависимости от целей и сроков пребывания, социально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик мигрантов;
- учет особенностей регионального развития;
- открытость и доступность информации о миграционных процессах и принимаемых решениях в области реализации государственной миграционной политики;
- научная обоснованность принимаемых решений.

Таким образом, миграционная политика представляет собой комплексное явление и инструмент управления процессами внутри и межгосударственных взаимодействий, присущий большинству современных государств и решающий важнейшие задачи экономического, социального и культурного развития. Несмотря на то, что межэтнические отношения не являются основным предметом регулирования миграционных доктрин, большинство мер миграционной политики так или иначе затрагивают вопросы взаимодействия между этническими группами как представителями принимающего и миграционных сообществ, а большинство миграционных теорий так или иначе учитывают фактор этнической и культурной дифференциации мигрантов и их роль в реализации миграционной политики. Указанные аспекты раскрываются в следующем разделе.

1.3.2. Основные модели миграционной политики. Опыт миграционной политики зарубежных стран и возможность его использования в российских условиях

Миграционная ситуация в России развивается по сценарию, сходному с тем, что переживали страны Западной Европы, только с лагом в несколько десятилетий. Европа столкнулась с потоками массовых постколониальных миграций в 1960-е гг., а в России массовый приток мигрантов из постсоветских государств наблюдался в 1990-е, когда после распада Советского Союза с территорий «братских республик» на родину стали возвращаться миллионы этнических русских и других народов, не являющихся «титальными» этносами. Актуальная миграционная ситуация в России напоминает ту, которую можно было наблюдать в Западной Европе в конце 1970-х, когда миграционная политика была ориентирована в основном на регулирование входящих и выходящих миграционных потоков. Впоследствии, оказавшись перед лицом миграционных реалий – закрепления считавшихся временными, а на деле оказавшихся постоянными мигрантов на территориях европейских государств, появления уже второго поколения мигрантов – детей, выросших в условиях западной культуры, роста ксенофобии и беспокойства населения из-за культурного «нашествия» и «исламской угрозы», европейские правительства осознали необходимость разработки принципиально иной миграционной политики, главная цель которой заключалась в создании предпосылок и условий для бесконфликтного совместного проживания граждан, независимо от их происхождения и миграционного опыта.

Пройдя через несколько этапов по конструированию миграционной политики, сопровождающихся чередованием ужесточения и ослабления государственного давления на миграцию путем принятия мер, стимулирующих или сокращающих миграционные потоки в зависимости от потребностей экономики, востребованности рабочей силы на рынке труда и международной обстановки, европейские государства, основываясь на опыте других миграционных держав, таких, например, как США, Австралия и Новая Зеландия, выработали некоторые общие требования к миграционной политике. К ним относится *политика дифференцированного отбора мигрантов* (для каждой категории мигрантов существуют свои условия въезда и пребывания в стране в зависимости от целей приезда – воссоединение семей, трудовая миграция, высококвалифицированные специалисты, квалифицированные специалисты, беженцы и т.д.), *привлечение мигрантов исходя из потребностей рынка труда и демографических потребностей, четкие процедуры и схемы получения вида на жительство и гражданства*. Опыт зарубежных стран важен для разработки и совершенствования миграционной политики, он позволяет учесть и использовать результаты многолетней работы и эффективные практики по привлечению мигрантов на рынок труда, борьбе с нелегальной миграцией, работой со вторым поколением – детьми мигрантов. Кроме того, анализ опыта других стран важен для понимания неудач, промахов, последствий задержки и позднего вмешательства государства в миграционные процессы, что позволит избежать ненужных ошибок и предотвратить возможные проблемы в будущем. Схожесть миграционных процессов дает возможность находить схожие примеры в разные периоды времени в разных странах (Деминцева, Мкртчян, Флоринская, 2018⁹).

Современная этнокультурная ситуация в большинстве стран мира отличается большой гетерогенностью, смешением рас, этносов и религий, сосуществующих в границах политических наций. В мировой практике известны несколько моделей миграционной политики, реализуемых в условиях этнического и культурного многообразия и основанных на различных идеологиях межгрупповых отношений, подчеркивающих

⁹ Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения // М.: Центр стратегических разработок. – 2018.

сходство и точки соприкосновения или, напротив, различия между этническими и культурными группами.

Как отмечают Д.С. Григорьев, А.А. Батхина и Д.И. Дубров (2018¹⁰), идеологии межгрупповых отношений включают в себя социально сконструированные представления об организации конкретного общества и мотивационные компоненты, в целом составляющие общую систему убеждений о том, как должно функционировать общество и как следует интерпретировать происходящие в нем социальные процессы. В основе каждой из идеологий межгрупповых отношений лежат разные принципы категоризации, которые дифференцируют социальный мир человека. В настоящее время активно обсуждается эффективность этих идеологий и их возможностей в борьбе с межэтнической и межрасовой дискриминацией и предубеждений, формировании гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений.

Так, *модель политической ассимиляции* нацелена на создание однородной структуры общества без акцентирования внимания на этничности. При этом создаются благоприятные условия для получения гражданства и идентичность определяется национальным политическим порядком, а не этническим, расовым или культурным происхождением (США, Швейцария). Ассимиляционизм предполагает наличие в обществе одной общей культурной группы, при этом этнические меньшинства и мигранты должны соответствовать основной части общества, приняв доминирующую культуру и полностью отказавшись от своей собственной.

Ассимиляционный курс на стирание этнокультурной неоднородности принимающего общества опирается на так называемый *этнический дальтонизм*, не различающий цвета кожи (colour-blind) и формально считающий равными разные расы и этносы. Ориентация на этнический дальтонизм предполагает, что межгрупповые отношения могут быть улучшены путем игнорирования различий между группами. Основным подходом к реализации такого подхода является политика «плавильного котла», смешения рас и культур, а психологическими механизмами его осуществления – рекатегоризация, приводящая к идентификации с единым целым – гражданской нацией, либо декатегоризация, стирающая границы между группами, то есть приводящая к исчезновению групп как таковых.

Теория ассимиляции зародилась в США в начале XX века в рамках зарождающейся социологической науки и Чикагской научной школы как инструмент осмысления результатов «великой миграции». Свой классический вид она приняла в 1960-х в работах М. Гордона, описавшего основные типы ассимиляции – аккультурацию (принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества), структурную ассимиляцию (включение в институты общества), брачную и идентификационную ассимиляции, приводящие к возникновению чувства единения с принимающим обществом, а не со своей родной страной, поведенческую, ценностную и гражданскую ассимиляцию, когда человек больше не испытывает конфликта внутренних представлений и ценностей принимающей культуры (Костенко, 2014¹¹).

В те годы ассимиляция представлялась как единственный, естественный и неизбежный способ включения представителей иных культур в общество, англосаксонская культура понималась как доминирующая и главная, а мигранты должны были искать способ встроиться в нее как можно скорее, вне зависимости от их исходной идентичности. Дальнейшее развитие событий показало, что при определенных достоинствах тако-

¹⁰ Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте //Cultural-Historical Psychology. – 2018. – Т. 14. – № 2.

¹¹ Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 3.

го подхода, его объяснительные возможности довольно ограничены и не подтверждаются миграционной реальностью. Несмотря на реализацию миграционных программ вплоть до 70-х годов прошлого века в США наблюдались рост этнических анклавов и маргинализация мигрантов второго и третьего поколений. США не удалось воспрепятствовать расширению испаноязычных ареалов, сохранились тенденции к сегрегации афроамериканцев в пространственных гетто и экономических нишах. Кроме того, несмотря на ценность заложенного в подобный подход равенства отношения ко всем жителям как к гражданам, независимо от их культурной принадлежности, его реализация не предполагала активного противодействия расизму и дискриминации. Недовольство представителей этнических меньшинств своим депривированным, маргинальным положением проявлялось в социальных волнениях, периодически вспыхивающих в негритянских кварталах городов США.

Концепция «плавильного котла» стала все больше подвергаться критике, а следование мейнстриму перестало восприниматься как путь, обязательный для всех мигрантов. Между тем, теория ассимиляции не только не исчезла, но и продолжила свое развитие, правда в несколько измененном виде. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились теория сегментной ассимиляции (авторы – А. Портес, М. Чжоу, Р. Румбо и др.), основанная на результатах лонгитюдного проекта, изучающего детей мигрантов. Суть теории заключается в том, что дети мигрантов попадают не просто с принимающее общество, а в его определенные сегменты, включая криминализованные сообщества, что определяет успех и направленность адаптации. Ассимиляция происходит различным образом в разных группах мигрантов, ее результаты зависят как от личных качеств человека, так и от условий окружающей его среды. На адаптацию мигрантов и их детей влияют такие факторы, как наличие или отсутствие у них материальных ресурсов и навыков, а также обстоятельства, предшествовавшие эмиграции, в том числе социальное положение в отправляющей стране. Кроме того, существует ряд особенностей принимающего общества. Успешной адаптации могут препятствовать дискриминация, растущее неравенство, высокий процент маргинализованного населения в городах, куда в основном попадают мигранты, трудности интеграции в школы, изменение структуры рынка, маргинализация и криминализация части молодежи в крупных городах.

Заслугой новой теории стал вывод о том, что нужно перестать трактовать ассимиляцию и адаптацию как единый процесс, через который проходят все мигранты и их дети в одинаковой степени. Кроме того, в работах других ученых (Р. Альба, В. Ни, Е. Моравска) прослеживаются призывы к возрождению и реабилитации теории ассимиляции, так как она вполне может быть использована в качестве теоретической рамки, хотя и с существенными дополнениями, в особенности в исследованиях новых волн миграции, способов и уровней инкорпорации этнических групп в доминирующее общество.

Обобщая рассмотрение теорий ассимиляции отметим, что как показал исторический опыт, такой тип интеграции «работает», как правило, лишь в тех случаях, когда мигранты сравнительно не многочисленны, этнически относительно близки коренному населению и территориально расплывлены по стране. Ныне полная ассимиляция этнических меньшинств нереалистична по целому ряду причин. Главные из них:

- формирование весьма крупных диаспор представителей незападных цивилизаций;
- постоянный массовый приток инокультурных мигрантов, пополняющий такие сообщества новыми неинтегрированными контингентами;
- становящаяся критической территориальная концентрация приезжих и их потомков;
- их отличность от коренного населения;

- чужеродность для них культуры западного мира, в особенности трудная совместимость норм и ценностей традиционного ислама и христианского основания западной цивилизации;
- инертность их облика, маркера коллективной идентичности;
- большая длительность ассимиляционного процесса, порой растягивающаяся на несколько поколений;
- распространение «ксенорасизма» в принимающих обществах (Цапенко, 2018¹²).

Между тем, вслед за кризисом ассимиляционной стратегии в 1970–1990-е годы в западных странах утвердилась новая парадигма – *мультикультурализма*, в основе которой лежит регулирование культурного многообразия на основе принципов взаимности, равенства и сплоченности, обеспечение большей проницаемости границ между культурами меньшинств и большинства, признание двустороннего характера интеграционного процесса.

Важно отметить, что содержание понятия мультикультурализма не сводится к признанию или непризнанию культурных различий в публичной сфере, хотя последнее является важным формальным критерием его эффективности. Мультикультурализм – это не только момент фиксации и признания в обществе или государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики», находящая свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей (Малахов, 2002. С. 48–60¹³).

Существуют несколько разновидностей мультикультуралистской политики, отраженных в соответствующих им научных концепциях.

Вариант «*мультикультурной мозаики*» характерен для Канады, Австралии и Новой Зеландии, где мультикультурализм органично вплетен в идеологию национальной политики. В Канаде принцип культурного плюрализма отражен в ключевом лозунге национальной политики: «Одна нация, два языка, много народов и культур». В Австралии активная политика мультикультурализма осуществляется на основе местная культура, в которой мужское братство и товарищество (*mateship*) считаются отличительными чертами национального характера, олицетворяют солидарность и взаимопомощь и формируют толерантную интеграционную среду (Культурная сложность, 2016: 185¹⁴).

«*Корпоративный или менеджерский мультикультурализм*», является частью корпоративного менеджмента, также занятого проблемами экономической деятельности в условиях разнообразия культур. В качестве концептуальной рамки он рассматривает такие проблемы, как эффективность управления мультинациональными предприятиями, учет культурной специфики при освоении национальных и региональных рынков, особенности кадровой политики, осуществляемой в ходе распространения в «чужой» культурной среде, планирование и осуществление глобальных маркетинговых стратегий.

Либеральный мультикультурализм основывается на принципах признания и уважения культурных различий, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с универсальными положениями политики либерализма. Данное направление представлено в работах североамериканских философов и прежде всего канадского ученого У. Кимлики. Либеральная составляющая мультикультурализма проявляется в особом внимании к

¹² Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 4.

¹³ Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова, М., 2002.

¹⁴ Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.

наличию или отсутствию «основных свобод»: право беспрепятственного участия в политической жизни государства (голосовать, быть избираемым), право на законный суд, свобода слова и передвижения. Либерализм акцентирует права людей определять собственную судьбу самостоятельно, а не по воле внешних институтов или обстоятельств.

Эгалитарный мультикультурализм находит выражение в работах известного английского социолога Д. Рекса, который утверждает необходимость уважительного взаимодействия между общей культурой социума и частными (этническими) культурами. Он постулирует идеальный демократический мультикультурализм, выделяя сферы политической и частной жизни. Первая подразумевает общую культуру социума, причастность к которой под влиянием деятельности государственных институтов должны обнаруживать все члены конкретного общества. Способствовать этому должны государственные институты. Специфическим этническим культурам отводится место в частной жизни.

Плюралистический мультикультурализм (дифференциалистский) во многом совпадает с либеральной трактовкой, хотя в отличие от него сосредотачивается на различиях, вплоть до их фетишизации. Недостатком данного подхода является невнимание к социальным иерархиям и проблемам неравенства, которые они могут повлечь за собой.

Эссенциалистский мультикультурализм – это мультикультурализм левых сил политического спектра, который представляет интерпретацию культурных различий как присущих человечеству независимо от хода истории и культурных трансформаций.

Критический мультикультурализм артикулирует положения, близкие протестной среде, возникшей в США в 1960–1970 годах. Этот тип мультикультурализма связывает понятие культурных различий с распределением ресурсов и благ в обществе. Здесь присутствует не только акцентирование культурных различий, но и обосновываются идеи поддержки неблагополучных и наиболее обделенных меньшинственных групп. В числе идейных и методологических основ критического мультикультурализма значатся положения Франкфуртской школы, неомарксистов, феминистских движений, постмодернизма в духе М. Фуко и Ж. Дерриды.

Таким образом, мультикультурализм охватывает разные части политического спектра и представляет различные интерпретации межкультурной коммуникации. Трактовки мультикультурализма предложены консерваторами, правыми и левыми либералами, социалистами и левыми анархистами. Ввиду реальной и/или приписываемой мультикультурализму многоаспектности и противоречивости его характеристик, зачастую еще увеличиваемой разнообразными интерпретациями теоретиков и спекуляциями политиков, он и сегодня способствует оказанию давления на сложившиеся социополитические институты (Козлов, 2015¹⁵).

Между тем, во всех странах, проводивших политику мультикультурализма, наиболее сложные проблемы инкорпорации инокультурных сообществ так и остались нерешенными, а некоторые из них даже обострились. По мнению ряда зарубежных и российских культурологов и социологов, к 2010-2011 годам сама идея и политика мультикультурализма, особенно в Европе и России, вошла в кризисную стадию. Бурные дебаты общественности о несостоятельности и утопичности политики мультикультурализма подкрепили официальные заявления политических лидеров Германии, Франции и Великобритании с заголовками «провал мультикультурализма» (Черняк, 2015¹⁶). Причины неудач в построении многокультурного общества равных возможно-

¹⁵ Козлов Е. К вопросу о дефинициях и классификациях мультикультурализма // Государственная служба. – 2015. – № 4. – С. 77–81.

¹⁶ Черняк А.В. Политика мультикультурализма в Европе – опыт для России // PolitBook. – 2015. – № 2.

стей крылись как в сущности самой концепции мультикультурализма, так и в изменении условий ее практической реализации.

С одной стороны, на волне критики мультикультурализма справа в Европе стала возрождаться идея реанимации стратегии «антиразнообразия». Современный вариант ассимиляционизма получил название *новой политики гражданской интеграции*, активным теоретиком и сторонником которой выступает немецкий социолог Х. Йопшке. При таком курсе делается акцент на занятости вновь прибывших, овладении ими базовыми знаниями языка, истории и институтов принимающей страны, уважении ими базовых либерально-демократических ценностей как неперемных условиях для получения вида на ПМЖ и гражданства. При этом допускается применение санкционно-принудительных мер. Например, если мигранты уклоняются от посещения обязательных курсов по изучению языка, истории и институтов принимающей страны, допускается отказ властей в продлении им временного вида на жительство, уменьшение пособий и т.п. Однако, принуждение иммигрантов к ассимиляции, включая ограничение культурно-религиозных прав, чревато социальным исключением, нарушением демократических принципов и подавлением культурного плюрализма. Более того, оно провоцирует сопротивление «реактивной этничности», способствуя акцентированию инокультурного маркера идентичности таких сообществ и их политической самоорганизации по этническому принципу. Указанные обстоятельства не позволяют рассматривать подобную стратегию как полноценную альтернативу прежним подходам (Цапенко, 2018¹⁷).

С другой стороны, предлагаются новые модели организации межкультурных отношений, базирующиеся на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированные на поиск оснований для сближения представителей разных культур. Так, *омникультурализм* ставит своим идеалом построение общества, в котором люди осознают общность человеческой природы и отдают ей приоритет, оставляя также место для признания и дальнейшего развития групповых отличий. Данный подход предполагает конструирование своеобразной двойственной идентификации: с некой общностью как категорией высшего (*superordinate*) порядка и с локальной культурной группой как основу для будущей политики управления разнообразием. Главным инструментом реализации такой политики выступает система образования, причем такая, в которой учащимся вначале прививаются идеи общности человеческих ценностей и универсалии человеческого поведения, а уже затем выявляются групповые различия и подчеркивающая ценности разнообразия, но при этом приоритет отдается изначальной общности людей. Как подчеркивают авторы данного подхода, несмотря на то, что сам термин «омникультурализм» достаточно новый, основная идея, которую он репрезентирует, находит отражение в разнообразных культурных традициях, таких, например, как буддизм. В условиях «новой глобализации», сопровождающейся широкомасштабными и быстро увеличивающимися межгрупповыми контактами и столкновением разнообразных политических сил, омникультурализм может стать конструктивной и практичной альтернативой неудавшейся политики мультикультурализма, которая привела к понижению социального статуса миноритарных групп, увеличению межгрупповых различий и конфликтам, в том числе росту радикальных движений (Moghaddam, 2016¹⁸).

Еще одним новаторским подходом является *поликультурализм*, описанный историками Р. Келли и В. Прашадом. Люди, поддерживающие поликультурализм, при-

¹⁷ Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 4.

¹⁸ Moghaddam F. M. Omniculturalism and our human path // Journal of Oriental Studies. – 2016. – Т. 26. – С. 77–97.

дают значение тому, как культуры взаимодействовали, влияли и взаимообогащали друг друга на протяжении всей истории человечества и продолжают делать это сегодня. Таким образом, сторонники поликультурализма видят членов всех расовых и этнических групп глубоко связанными друг с другом посредством прошлых и текущих взаимодействий и их взаимного влияния на культуры друг друга, а сами культуры – как динамические и изменяемые сущности. Поликультурализм может способствовать формированию более позитивных межгрупповых отношений, позволяя людям чувствовать себя связанными с членами разных групп. Он связан с более позитивным отношением ко всем расовым и этническим группам, поскольку он фокусируется на их взаимовлиянии (историческом и текущем), рассматривая их на более высоком уровне взаимодействия и тем самым оказывая больше поддержки социальной политике, подрывающей основы социальной иерархии (например, принятие мигрантов в общество, равные права в получении образования и места работы). Более того, поликультурализм подразумевает признание вклада каждой группы как во все другие группы (включая ин- и аутгруппы), так и во все общество. Подобные взаимовлияния и взаимодействия приводят к увеличению связей между ин- и аутгруппами. Все это призвано способствовать гармонизации отношений в обществе, более спокойному отношению к межгрупповым различиям, интересу к познанию культур других расовых и этнических образований и, наконец, желаемому межгрупповому контакту. Но на практике артикулированные принципы поликультурализма, в силу относительно недавнего появления этой идеологии, пока реализованы не были (Rosenthal, Levy, 2012, цит. по Дубров, Григорьев, 2019¹⁹).

Одной из наиболее перспективных, поддерживаемых на международном уровне, является *концепция интеркультурализма*, базирующейся на принципах межкультурного диалога и признании множественности форм идентичности. Усложнение культурного многообразия государств мира, вызванное диверсификацией миграционных потоков и профилей мигрантов, заставило сместить акцент политики на уровень местного самоуправления. Данный подход интенсивно развивается с 2005 г., когда Советом Европы совместно с ЮНЕСКО была учреждена «Открытая платформа» содействия сотрудничеству международных организаций в области межкультурного диалога. В 2008 г. Совет Европы издает «Белую книгу по межкультурному диалогу».

Цель нового подхода «интеркультурной интеграции» заключается в создании нового общества иммигрантами и местным населением. Он предполагает признание уникальной значимости каждой культуры при подчеркивании значения общих ценностей и множественной идентичности, урегулирование этнических конфликтов путем посредничества и открытого общественного обсуждения. Примером реализации данного подхода может служить программа «Межкультурных городов», в рамках которого создана сеть из 12 городов: Берлин-Нойкельн (Германия), Ижевск (Россия), Лион (Франция), Люблин (Польша), Мелитополь (Украина), Ньюшатель (Швейцария), Патрас (Патры) (Греция), Осло (Норвегия), Реджио Эмилия (Италия), Суботица (Сербия), Тилбург (Нидерланды). В отличие от мультикультурализма, защищающего культурные различия, не создавая при этом условий для межэтнического и другого взаимодействия и сплочения социума, интеркультурализм обещает ослабить мотивы к формированию замкнутых культурных сообществ (Цапенко, 2017).

В современной постмультикультуральной дискуссии интеркультурализм выступает как модель интеграции в контекстах разнообразия. Интеркультурализм принимает во внимание множественность способов сосуществования, присущих эпохе разнообразия и диверсификации мобильностей в условиях глобализации. Он предлагает новую

¹⁹ Дубров Д.И., Григорьев Д.С. Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 1. – С. 143–155.

рамку социальной интеграции, основанный на переосмыслении идей и социальных ситуаций, смещении акцентов. При этом интеркультурализм не заменяет мультикультурализм и выступает скорее как «третий путь» интеграции — между мультикультурализмом и ассимиляцией. Интеркультурализм предполагает разные модели интеграции, такие как квебекский интеркультурализм и европейский интеркультурализм, подразумевающий возвращение к идее национального государства. Будучи ориентирован на создание «формулы сосуществования», интеркультурализм не ограничивается только иммиграционным контекстом, а артикулирует многомерность различий (профессиональных, образовательных, гендерных, этнических) в контекстах неравенства, в том числе и в границах национального государства. Теоретическая разнородность и тематическая всеохватность интеркультурализма, амбивалентность концептов в фокусе его внимания могут стать источником новых проблем для тех национальных и международных структур, которые сделали на него ставку. В контексте интеркультурализма управление культурным разнообразием и развитие интеркультурного диалога отнесены не только к сфере компетенции правительственных структур, но и других сегментов общества, в частности сферы образования, институтов гражданского общества, частного сектора и локальных общин (Куропятник, 2018²⁰).

Применительно к российскому контексту реализации политик интеграции можно отметить следующее. Понятие мультикультурализма появилось в терминологическом аппарате отечественных ученых и практиков в начале 2000-х гг. как альтернатива прежним концептуальным схемам описания исконной отечественной многонациональности в условиях формирования российского национального государства с позиций сохранения культурного плюрализма и многоконфессиональности. Термин «мультикультурализм» позволял не просто описать наблюдаемую эмпирическую реальность в стране, объединяющей около двух сотен российских народов, но обозначить особое рода либеральную идеологию и политику социального включения и признания прав меньшинств и дискриминируемых групп. Рассуждая в этот период о мультикультуральной перспективе России, А.И. Куропятник отмечал, что, применяя данную концептуальную рамку для анализа, необходимо иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, модели мультикультурализма «иммигрантских обществ» лишь отчасти соответствуют российским реалиям, они могут быть полезными при исследовании иммигрантских сообществ в крупных городах и некоторых регионах, где произошло резкое изменение этнокультурной среды вследствие миграции, вызванной войнами или конфликтами. Во-вторых, значительную часть населения составляют не группы, сформировавшиеся в результате миграций, а народы, имеющие свои исторические этнические территории, язык, культуру и особое видение перспектив развития в границах российского общества. Применительно к этим общностям из методологии мультикультурализма могут быть использованы концепции социальной интеграции, в которых категории «государство», «нация», «национальное общество» будут иметь особое значение (Куропятник, 2003²¹).

В 2000–2010-е гг. интерес к мультикультурализму продолжал расти, увеличивалось число публикаций, посвященных практикам реализации многокультурности в разных странах мира. Ориентация на демократизацию общества актуализировала ценности равноправия, недопущения дискриминации и расширения свобод для широкого круга социальных акторов (индивидов, социальных и этнокультурных групп), которые в раз-

²⁰ Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 2.

²¹ Куропятник А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. – 2003. – С. 126–150.

ных национально-территориальных контекстах оказывались одновременно и большинством, и меньшинством. Однако, в 2012 г. В.В. Путин в публичном послании обнародовал свою позицию по «национальному вопросу», которая заключалась в признании мультикультурализма, как и ассимиляции одной из двух неприемлемых крайностей. Настоящее и будущее страны связывалось не столько с формированием мультикультурного согражданства, узаконивающего культурное многообразие и равноправие народов как выражение либеральных свобод, сколько с развитием России как самобытной полиэтнической цивилизации, которая скреплена русским культурным ядром и следует по особому пути развития, реализуя при этом свой интеграционный проект (Низамова, 2017²²).

В настоящее время однозначного решения по поводу использования той или иной концепции интеграции в России нет. Как официальная государственная политика, мультикультурализм в России не провозглашен, хотя многие представители политической элиты не раз заявляли о его неизбежности, учитывая многонациональный характер нашего государства (Русских, 2013²³). Безусловно, в отличие от моноэтнических европейских государств, Российская Федерация обладает уникальным многовековым опытом интеграции инокультурных сообществ. Общество, которое по своей сути было единым и мультикультурным, существовало и было связано многими внутренними связями. Особенности российского мультикультурализма весьма четко сформулированы А.Я. Флиером, как «объективный процесс, предусматривающий контакты между народами и некоторую неизбежную культурную диффузию, т.е. необходима гармония между двумя противоположными процессами для достижения единства». При этом, реализуемая российскими органами государственной власти стратегия формирования «единой российской нации» предполагает и латентные механизмы принудительного интегрирования в российское общество новых членов, как по формальным, так и по неформальным критериям.

В качестве формальных критериев можно считать требования об уровне владения русским языком, знания российской истории и основ законодательства Российской Федерации. К неформальным критериям можно отнести развитость диаспоральных сетей, процесс трансформации неформальных диаспор в общественные организации и таким образом повышений их уровня участия в формировании миграционной политики государства, как одного из институтов гражданского общества (Манопов, 2019).

Есть и попытки анализа возможностей применения в России политики интеркультурализма, в особенности на местном, муниципальном уровне. Так, известный специалист по проблематике нациестроительства и межнациональных отношений Э. Паин отмечает, что в современной России имеется необходимость обновления теоретических парадигм в разных сферах государственного управления, в том числе и в сфере управления культурным разнообразием, вызванная такими проблемами, как сосредоточение национальной политики на этнической проблематике, разрыв между миграционной и национальной политиками, их несогласованность, неучет крупных городов как значимых субъектов национальной политики, их «выпадение» из поля зрения стратегических разработок. Между тем, использование концепции интеркультурализма, распространение практик аккомодации могло бы расширить возможности национальной политики, придать ей гражданскую направленность в части взаимодействия общества и государственной власти и комплексный характер за счет внимания различным культурным различиям – социальным, религиозным, этническим, гендерным и другим.

²² Низамова Л. Р. Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг. // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1.

²³ Русских Л.В. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – № 1.

Иными словами, «интеркультурализм, как одна из новейших версий управления культурным разнообразием, способен заполнить некоторые методологические лакуны российской "национальной политики"» (Паин, Федюнин, 2020²⁴). Очевидно, что дискуссия о возможностях и перспективах политики интеграции в России только начинается и ее оформление в систему реально действующих программ и конкретных мер еще впереди.

1.3.3. Адаптация и интеграция иностранных граждан – залог национального согласия и необходимый этап профилактики межэтнической напряженности. Правовые основы, институциональная инфраструктура и эффективные практики

Для России – крупнейшей принимающей мигрантов страны на постсоветском пространстве дискуссия о политике интеграции мигрантов имеет особое значение. Исследователи отмечают, что российский опыт в области управления процессами международной миграции относительно невелик и до недавнего времени интеграция мигрантов вообще не рассматривалась как составляющая часть миграционной политики. Сейчас, когда интеграция мигрантов осознана как актуальная задача, разработка и осуществление политики интеграции осложняется тем, что она происходит на исключительно неблагоприятном фоне роста ксенофобии и общей политизированности миграционной темы (Ионцев, Ивахнюк, 2013²⁵).

Интеграция мигрантов как предмет государственной политики является относительно новым вопросом для современной России. В советское время миграция населения была почти исключительно внутренней миграцией. В условиях многонациональной страны она сопровождалась «перемешиванием народов» и этот процесс происходил относительно безболезненно. При всей жесткости советской политической системы государством обеспечивались условия для социально-экономической интеграции мигрантов в местах вселения (обеспечение работой, жильем, возможностью получения образования самими мигрантами и их детьми и т.д.).

После распада Советского Союза политика в области внутренней миграции населения в России была свернута, а в области международной миграции концентрировалась на создании нового законодательства и институциональной структуры и понималась достаточно узко – как административно-правовое регулирование миграционных процессов.

В 1990-х гг., несмотря на масштабный приток мигрантов из бывших советских республик, политика интеграции мигрантов фактически не проводилась. В государственных документах миграционной политики об интеграции мигрантов, переселяющихся в Россию, речи тогда не шло. Считалось, что близкие в этническом отношении мигранты не нуждаются в обеспечении им специальных условий для социально-психологической адаптации (изучение русского языка, знакомство с русской культурой, историей и т.д.), а условия для социально-экономической интеграции мигрантов (прежде всего обеспечение работой и жильем) были крайне ограничены из-за переживаемого тогда Россией глубокого экономического кризиса. Даже когда в начале 2000-х гг. значительную долю в миграционных потоках, направленных на Россию, стали занимать представители титульных наций стран СНГ, политика интеграции мигрантов не стала частью миграционной политики. Игнорирование политики интеграции мигрантов обернулось в результате снижением уровня толерантности в обществе, ростом межэт-

²⁴ Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России // *Polis. Political Studies*. – 2020. – № 1. – С. 114–134.

²⁵ Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // *CARIM-East RR*. – 2013. – Т. 12. – С. 10.

нической напряженности, отчуждением мигрантов со стороны российского общества, их самоизоляции, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением.

Признание важности указанных мер подчеркивалось в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., утвержденной в июне 2012 г. Перед Федеральной миграционной службой России была поставлена задача разработки и апробации конкретных программ в области обеспечения интеграции мигрантов в российское общество; в структуре ФМС создано Управление по содействию интеграции мигрантов, к 2016 г. должна была быть создана «инфраструктура для интеграции и адаптации трудовых мигрантов».

В 2018 году была утверждена новая концепция государственной миграционной политики. Согласно данному документу, миграционная политика выступает вспомогательным средством решения демографических и экономических проблем, тогда как основным механизмом реализации обеспечения экономики трудовыми ресурсами должно являться естественное воспроизводство. При этом, постулируются два основных направления поддержки мигрантов, дифференцируемые по целям их приезда и миграционным стратегиям.

С одной стороны, основные усилия направляются на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества, то есть на создание условий для полноценной и глубокой социальной интеграции иностранных граждан и соотечественников, которые желают переехать в Россию на постоянное место жительства.

С другой стороны, концепцией подчеркивается важность сохранения открытости России для тех иностранных граждан, которые не связывают с ней свое будущее или будущее своих детей, но рассматривают Россию как страну с благоприятными условиями для удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей, соблюдают требования законодательства Российской Федерации, бережно относятся к ее окружающей среде и природным ресурсам, материальным и культурным ценностям, уважают многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни российского населения. Таким образом, на основе разделения этих двух совершенно различных потоков переселенцев концепцией предусматривается комплекс мер, позволяющий осуществлять миграционную политику дифференцированно, что, несомненно, является новым шагом на пути к ее совершенствованию.

В соответствии с общими целями конкретизируются задачи миграционной политики, которые заключаются в

- совершенствовании правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих как добровольное переселение на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, и иных лиц, желающих интегрироваться в российское общество, так и временное пребывание иностранных граждан в приезжающих в Россию с экономическими, деловыми, профессиональными и культурными целями;
- создании условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами;
- создании благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации;

- создании условий для снижения диспропорции в размещении населения и решения задач пространственного развития страны;
- развитии механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции;
- оказании и законодательством Российской Федерации помощи иностранным гражданам, ищущим защиту на территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Таким образом, согласно новой концепции, миграционная политика должна стать более дифференцированной, учитывающей с одной стороны актуальные потребности нашей страны в миграционных ресурсах, а с другой – запросы, интересы и потребности мигрантов, в том числе в отношении помощи в обустройстве жизни в России, решении социально-психологических, экономических и иных проблем (Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы).

Вопросы адаптации мигрантов нашли своё отражение и в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703) – одной из задач в сфере государственной национальной политики РФ определено формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество (пункт 21.ж).

Основным федеральным органом исполнительной власти, в компетенцию входят функции по выработке и реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в указанной сфере является Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России). Между тем, это не единственный институт, которому законодательно присвоены обязанности по осуществлению адаптации и интеграции мигрантов.

Важным общественным институтом, который должен осуществлять деятельность, направленную на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, является национально-культурная автономия, представляющая собой общественное объединение граждан России, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства (эта функция была внесена в формулировку федерального закона № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» в 2014 году). При Совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ действует специальная комиссия по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан. Совет готовит для Президента РФ предложения по определению и развитию приоритетных направлений государственной национальной политики, обеспечивает взаимодействие различных органов государственной власти и общественных объединений в сфере ее реализации; проводит экспертизу законодательных норм, затрагивающих вопросы национальной и миграционной политики. В числе членов Совета – представители национально-культурных автономий и других организаций народов Российской Федерации, деятели научного и экспертного сообщества, министры Правительства РФ, депутаты Государственной думы РФ и др. Все они принимают участие в его работе на общественных началах. При Совете по правам человека и развитию гражданского общества функционирует Постоянная комиссия по миграционной политике и защите прав человека в сфере межнациональных отношений, занимающаяся вопросами совершенствования миграционного законодательства в целях защиты прав человека и его соответствия потребностям экономического, социального и демографического развития; укрепления институтов местного самоуправления и обес-

печения реализации права граждан на участие в местном самоуправлении; обеспечения учета мнения населения при принятии решений в градостроительной, экологической и социальных сферах и сбалансированного развития территорий.

Инфраструктура организаций, решающих миграционные проблемы представлена не только иммиграционными службами и сервисами миграционного учета. Для решения задач миграционной политики созданы единые миграционные центры (ЕМЦ, такие центры существуют в Алтайском крае и Республике Алтай, Воронежской, Калужской, Московской, Амурской областях и г. Москве), в регионах, часто в рамках сотрудничества региональных администраций, миграционных служб и общественных организаций, создаются центры социальной адаптации и интеграции мигрантов (такие центры есть в Красноярске, Кирове, Перми, Екатеринбурге, Липецке, Петропавловске-Камчатском, Алтайском крае). Благодаря Фонду Президентских грантов по направлению «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» в 2019 году Фондом науки и образования был открыт коммуникационный онлайн-центр адаптации мигрантов в рамках реализации проекта «Инновационные и цифровые технологии адаптации мигрантов», включающие разнообразные информационные и просветительские мероприятия, в Санкт-Петербурге заработал Межрегиональный ресурсный центр по адаптации и интеграции мигрантов и гармонизации межнациональных отношений.

Следует отметить, что, несмотря на декларируемые целеполагания в области политики адаптации мигрантов к условиям жизни в России, в концептуальных, программных и иных документах по вопросам миграции в то же время отсутствует комплексный государственный (общенациональный) план или программа такой деятельности. В России до настоящего времени не принят законодательный акт, регулирующий общественные отношения в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан в российский социум. Соответственно, не установлены правовые, организационные и финансово-экономические основы государственного управления в данной области.

Траектория интеграции мигранта в российское общество определяется в зависимости от того, в какую часть социума у него получается встроиться и в каком качестве, а также от того, на чью поддержку он может рассчитывать в этом процессе.

Таким образом, эффективность и направление социальной интеграции зависит от:

- предпочтительной идентичности мигранта: кем он себя считает и кем хотел бы стать в условиях российского общества;
- мотивации мигранта: что им движет;
- социальных институтов: на чью помощь он рассчитывает;
- промежуточного результата: каким социальным процессам мигрант оказывается подвержен.

В процессе интеграции мигрант оказывается вовлечен в действие различных социальных институтов. Правовой статус мигранта и его принадлежность к гражданству страны приема определяется таким социальным институтом, как государство. Экономическая ниша, которую занимает мигрант, его профессия и уровень достатка определяют его место в профессиональном сообществе, принадлежность к определенному социальному классу. Стремление сохранять свою культурную и этническую идентичность, поддерживать связи с соотечественниками вовлекает мигранта в деятельность национальных диаспор. Взаимоотношения с принимающим обществом, с местными жителями, дружеские отношения с соседями из их числа влияют на локальную идентичность мигранта – он начинает постепенно отождествлять себя с местным населением, перенимать его привычки и во все большей мере чувствовать себя местным жителем. В случае же опоры исключительно на друзей, родственников и соотечественников из страны происхождения, на социальные связи и общение исключительно с мигрантами иностранец оказывается вовлечен в миграционные сети, что может вести к обособ-

лению от местного населения, неприятию его традиций и норм, формированию этнических анклавов. Если мигрант активно обращается за помощью в государственные организации и общественные организации местного населения и получает там необходимую поддержку – это вызывает чувство лояльности к стране проживания и принимающему обществу.

Важно иметь в виду, что мигрант фактически интегрируется в то сообщество (местное, национальное, религиозное), через которое он получает доступ к необходимым ресурсам.

Учитывая данные тенденции, Правительство РФ в Концепции государственной миграционной политики и в разрабатываемых проектах федерального закона о социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан подчеркивает необходимость совместной работы прежде всего органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества с целью содействия оптимальным форматам интеграции мигрантов в российское общество, минимизации рисков роста межнациональной напряженности, ксенофобии и экстремизма.

Реализация интеграционных мер возможна при преодолении основных социальных вызовов, препятствующих интеграции мигрантов: ксенофобии и дискриминации иностранных граждан, социальной исключенности мигрантов, излишних законодательных ограничений, неразвитости инфраструктуры адаптации и интеграции, нелегальной миграции и теневой, неформальной занятости.

В соответствии с основными потребностями мигранта в научной литературе выделяют следующие направления адаптации и интеграции:

- правовая адаптация/интеграция (обеспечение доступа к легальному статусу);
- экономическая адаптация/интеграция (доступ на рынок труда, обеспечение занятости, доступ к жилью);
- социальная адаптация/интеграция (доступ к жилью, здравоохранению, образованию и др.);
- культурная адаптация/интеграция (доступ к изучению языка, других элементов культуры при возможности сохранения своей культуры, религии, обычаев).

Главным условием успешной адаптации мигранта в принимающем обществе является знание языка страны пребывания. Именно знание русского языка дает возможность получения информации о правилах трудоустройства в России, уменьшает шансы вовлечения в неформальную занятость, снижает зависимость от земляков и значимость миграционных сетей. Владение русским языком расширяет возможности контактов с местным населением, обеспечивает реализацию социально-экономических прав мигранта (на профессиональное обучение, получение медицинской помощи и т.д.).

В России с 1 января 2015 года действует инфраструктура культурно-языковой адаптации граждан государств СНГ, прибывших с целью трудоустройства – при оформлении патентов на работу данная категория иностранных работников должна подтверждать знание русского языка, истории и законодательства РФ, в том числе посредством прохождения тестирования в специализированных центрах.

Особенностью интеграционных стратегий большой доли трудовых мигрантов, преимущественно из стран Средней Азии, является транснационализм – состояние, при котором мигрант не порывает полностью экономические, социальные и культурные связи со своей родиной, делит свое время между странами приема и происхождения, не делая выбора в пользу одной из них, на протяжении многих лет сохраняет высокую социальную и экономическую мобильность. В такой ситуации наиболее предпочтительным интеграционным институтом для самого мигранта нередко оказываются миграционные сети, образующие буферное социально-культурное пространство между ним и принимающим сообществом. Такой мигрант, как правило, не общается с населением

напрямую: между ним и россиянами в качестве буферной зоны выступает его более активный, знающий язык земляк, организующий его трудоустройство и быт. Большинство трудовых мигрантов в нашей стране куда лучше интегрировано в подобные буферные миграционные сети, подразумевающие отношения зависимости рабочих от их посредников-бригадиров, чем в само местное сообщество (Усманов, 2019²⁶).

Привычные для мигрантов патрон-клиентские формы взаимоотношений с посредниками (бригадирами) зачастую распространяются на их взаимодействие с национально-культурными объединениями и диаспоральными лидерами. По мнению ряда исследователей, необходимо принимать во внимание как интеграционный, так и антиинтеграционный потенциал диаспор. Некоторые действия диаспоральных посредников содействуют формированию у мигрантов стремления к адаптации и интеграции в российский социум и соответственно влияют на их взаимоотношения с местным населением: разъяснение иностранным работникам требований российского миграционного законодательства, содействие в оформлении разрешительных документов и легализации правового статуса; помощь в освоении русского языка; использование ресурсов социальных сетей диаспор для решения вопросов пребывания и трудоустройства мигрантов; неформальное покровительство и защита мигрантов. В то же время, «одновременно диаспорой могут предприниматься действия, напрямую способствующие формированию антиинтеграционных установок у мигрантов в их взаимодействии с принимающим обществом: теневые практики оказания услуг, недооценку значимости для мигрантов освоения русского языка, стремление организовать жизнь мигрантов в замкнутых микрогруппах, отчужденных от принимающего общества; завышенные тарифы на оплату услуг, трудоустройство к работодателям, практикующим принудительный труд, обман и нелегальный статус мигрантов, методы психологического давления на работников» (Никитина, 2017²⁷).

Учету и решению основных задач эффективной адаптации и интеграции мигрантов способствует:

- формирование региональной системы социальной адаптации и интеграции мигрантов: разработка и реализация соответствующей государственной или муниципальной программы (такая система действует, например, в Санкт-Петербурге);
- субсидирование и грантовая поддержка деятельности общественных организаций, направленной на интеграцию мигрантов, в том числе обучение языку, истории, законодательству и культуре принимающей страны;
- создание инфраструктуры постоянной информационной поддержки мигрантов на национальном и местном уровнях, включающую сеть информационно-консультационных пунктов для мигрантов: такая информационная поддержка подразумевает издание и распространение печатных материалов, создание и поддержание веб-сайтов и мобильных приложений для мигрантов, каналов в социальных сетях и мессенджерах. Инфраструктура социально-культурной адаптации мигрантов подразумевает функционирование центров получения государственных услуг в сфере миграции, оформления миграционных документов и легализации, культурных центров, центров информирования и межнационального сотрудничества, неформальной инфраструктуры миграционных сетей. Последним трендом в деятельности таких центров является формирование при них групп поддержки и солидарности мигрантов: при центрах социально-культурной адаптации формируются волонтерские группы, жен-

²⁶ Усманов М.А. Основные подходы к адаптации и интеграции иностранных граждан и профилактике межнациональной напряженности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 113–120.

²⁷ Никитина Б.А. Вхождение мигрантов в современное российское общество: от адаптации к инклюзии и интеграции // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности. – 2017. – С. 86–90.

ские, семейные и молодежные клубы. Таким образом, при должной и систематической поддержке такие центры становятся точками развития социальной активности в мигрантской среде;

- доступ к бесплатной правовой поддержке: организация доступа к бесплатной правовой помощи для мигрантов, выездных и стационарных консультационных пунктов с привлечением общественных организаций;
- создание национальной и местных межсекторных и межведомственных комиссий по противодействию дискриминации и обеспечению равноправия мигрантов и членов их семей;
- методическая поддержка государственных и негосударственных организаций, работающих с мигрантами и вовлеченных в регулирование миграционных процессов: обобщение опыта конкретных проектов и мероприятий в сфере интеграции мигрантов, проведение тренингов и семинаров для сотрудников общественных и государственных организаций, органов местного самоуправления;
- повышение потенциала и активных представителей мигрантов и местного населения: например, совместные занятия и освоение блоков правовой информации содействует повышению правовой грамотности мигрантов и местных жителей, формированию дружеских и партнерских связей между ними, развитию межэтнической и межнациональной солидарности;
- выстраивание системы взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, мигрантских сообществ и гражданских инициатив: это подразумевает активное вовлечение самих мигрантов в решение проблем интеграции на всех стадиях – от участия в разработке до реализации тематических мероприятий, в том числе использование форматов краудсорсинга общественных проблем с участием самих мигрантов;
- поддержка сотрудничества между государственными и негосударственными организациями, гражданскими инициативами и сообществами в отправляющих и принимающих регионах: проблемы миграции носят интернациональный характер и в условиях распространения транснациональных стратегий и практик не могут быть решены без организации эффективного взаимодействия профильных организаций отправляющих и принимающих стран.

При планировании мероприятий по адаптации и интеграции мигрантов важно иметь в виду следующие моменты:

1. Представление о мигрантах как о едином, сплоченном сообществе, целостной «целевой группе», противопоставленной «местному населению», зачастую само по себе негативно влияет на восприятие социальной реальности и миграционных процессов: не существует «мигрантов» как цельного, хорошо организованного и структурированного сообщества – каждый человек имеет индивидуальные стратегии поведения и психологические установки, на которые влияют прежде всего личные жизненные обстоятельства и опыт, а не только и не столько этнические, социальные, религиозные характеристики и принадлежность к гражданству.

2. Межэтнические и межгрупповые отношения следует не гармонизировать, а подвергать профилактике: в реальное взаимодействие включаются индивиды и небольшие социальные группы, а не этносы, культуры и религии. Ссылки на этническую, культурную и религиозную идентичности часто используются не для развития конструктивного взаимодействия, а как средство мобилизации сторон конфликта с целью «защиты» неких эфемерных интересов,

3. Различные этнические культуры и религии имеют много общего – общие элементы идентичности следует подчеркивать, а не игнорировать в проведении культурной, национальной, миграционной и интеграционной политики. Такой подход поможет

формированию общей гражданской идентичности, комфортной для каждого вне зависимости от его религиозной и этнической принадлежности.

4. Необходимо поддерживать участие мигрантов и местных жителей в совместных формах активности и общественной жизни, включая культурные и интеграционные мероприятия: площадки и форматы взаимодействия, построенные на основе взаимного интереса, уважения и солидарности между мигрантами и немигрантами позволят сформировать местные сообщества, нетерпимые к националистическому и фундаменталистскому экстремизму (Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. БФ «ПСП-Фонд» Санкт-Петербург: БФ «ПСП-Фонд», 2018).

ВЫВОДЫ

Успех реализации миграционной политики зависит от конкретного социального контекста, социальных норм и ценностей, определяющих характер взаимоотношений между принимающим населением и приезжими. Особенности восприятия населением миграции и мигрантов могут в значительной степени трансформировать принимаемые государством меры по управлению миграцией, усиливая или, напротив, ослабляя их.

Несмотря на разнообразие форм и траекторий, население России рассматривает международную миграцию прежде всего с позиций предложения дешевой, непритязательной к условиям труда рабочей силы, что в условиях ухудшения социально-экономической ситуации и распространенности негативных стереотипов о мигрантах как о необразованных людях, разносчиках болезней и преступниках может стать потенциальным источником конфликта между старожильческим населением и приезжими гражданами сопредельных государств.

Снижению напряженности способствуют присущие большинству граждан ценностные ориентации, для которых характерна потребность в справедливом и гуманном отношении ко всем жителям России, независимо от их миграционного статуса.

Положительное восприятие миграции сопряжено с осознанием необходимости декриминализации миграции и оказанием мигрантам помощи по адаптации к жизни в России и созданию предпосылок для дальнейшей интеграции, тогда как акцент на вызовах и угрозах ассоциируется с поддержкой репрессивных мер и ограничением миграционных потоков. Изменению миграционной ситуации будет способствовать грамотная политика социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, ориентированная на различные категории мигрантов и осуществляемая в соответствии с потребностями мигрантов и местного сообщества.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. БФ «ПСП-Фонд» Санкт-Петербург: БФ «ПСП-Фонд», 2018.

Барциц И.Н., Егоров В.К., Ромодановский К.О. Основы миграционной политики. Учебно-методическое пособие, Федеральная миграционная служба и Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2010.

Бормотова Т.М., Юдина Т.Н. Миграционная политика как инструмент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 88–95.

Волосенкова Е., Кабаченко П., Тарасова Е. Миграционная политика. управление миграционными процессами // Методология и методы изучения миграционных процессов. – 2007. – С. 213–236.

Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с.

- Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // *Cultural-Historical Psychology*. – 2018. – Т. 14. – № 2.
- Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. – М.: Центр стратегических разработок, 2018.
- Дубров Д.И., Григорьев Д.С. Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 1. – С. 143–155.
- Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // *SARIM-East RR*. – 2013. – Т. 12. – С. 10.
- Козлов Е. К вопросу о дефинициях и классификациях мультикультурализма // *Государственная служба*. – 2015. – № 4. – С. 77–81.
- Кононов Л. А. Миграционная политика России: проблемы и пути их решения: Аналитические обзоры Института научных исследований и информации при Президенте РФ: периодическое издание (открытая серия). – 2010. – № 4 (14). – М.: Изд-во РАГС, 2010.
- Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2014. – Т. 17. – № 3.
- Красинец Е.С. Миграция, рынок труда и миграционная политика современной России // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук*. – 2017. – С. 96–100.
- Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.
- Куропятник А.И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // *Глобализация и культура: аналитический подход*. – 2003. – С. 126–150.
- Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2018. – Т. 18. – № 2.
- Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова, М., 2002.
- Манонов М.М. Миграционная политика государства как фактор обеспечения национального согласия в обществе // *PolitBook*. – 2019. – № 3. – С. 98–111.
- Низамова Л.Р. Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2017. – № 1.
- Никитина Б.А. Вхождение мигрантов в современное российское общество: от адаптации к инклюзии и интеграции // *Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности*. – 2017. – С. 86–90.
- Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России // *Polis. Political Studies*. – 2020. – № 1. – С. 114–134.
- Русских Л.В. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. – 2013. – Т. 13. – № 1.
- Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // *Социологические исследования*. – 2019. – № 9. – С. 117–126.
- Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // *Демографическое обозрение*. – 2018. – Т. 5. – № 4.
- Черняк А.В. Политика мультикультурализма в Европе-опыт для России // *PolitBook*. – 2015. – № 2.
- Moghaddam F.M. *Omniculturalism and our human path* // *Journal of Oriental Studies*. – 2016. – Т. 26. – С. 77–97.

Тема 1.4. Государственный мониторинг и экспертиза сферы межнациональных отношений

сост. Ноянзина О.Е.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Задача организации государственного мониторинга сферы межнациональных отношений определена в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и входит в число приоритетов профильной региональной государственной программы.
- ✓ В Алтайском крае на системной основе ведется работа по созданию механизмов профилактики и предупреждения межнациональных конфликтов. На постоянной основе осуществляется мониторинг состояния межнациональных отношений на региональном уровне.
- ✓ Алтайский край присоединен к Государственной информационной системе мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.
- ✓ Объектом мониторинга на региональном уровне выступает деятельность: органов местного самоуправления; образовательных учреждений; средств массовой информации; некоммерческих организаций, представляющих интересы этнических общностей; религиозных организаций; отдельных лиц, активно распространяющих информацию по вопросам межнациональных отношений в сети Интернет; социально-ориентированных некоммерческих организаций, реализующих проекты и программы этнокультурного характера, а также направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов; исполнительных органов государственной власти, участвующих в реализации мероприятий по реализации национальной политики.
- ✓ Региональный мониторинг осуществляется путем сбора и обобщения информации от объектов мониторинга; организации проведения целевых опросов общественного мнения, определяющих состояние межнациональных и межконфессиональных отношений; сбора и анализа оценок ситуации независимыми экспертами в сфере межнациональных отношений; иными методами, способствующими выявлению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений.
- ✓ Организована поддержка мониторинга результатами социологических исследований.

Задача организации государственного мониторинга сферы межнациональных отношений определена в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и входит в число приоритетов профильной региональной государственной программы.

Социологический мониторинг

2012

- в Стратегии государственной национальной политики впервые сформулирована задача организации системы государственного мониторинга

2015

- в Алтайском крае организован социологический мониторинг состояния межнациональных отношений (подпрограмма «Государственная поддержка СО НКО»)

2017

- установлены социологические индикаторы (3 индикатора) региональной программы в сфере национальной политики

2017

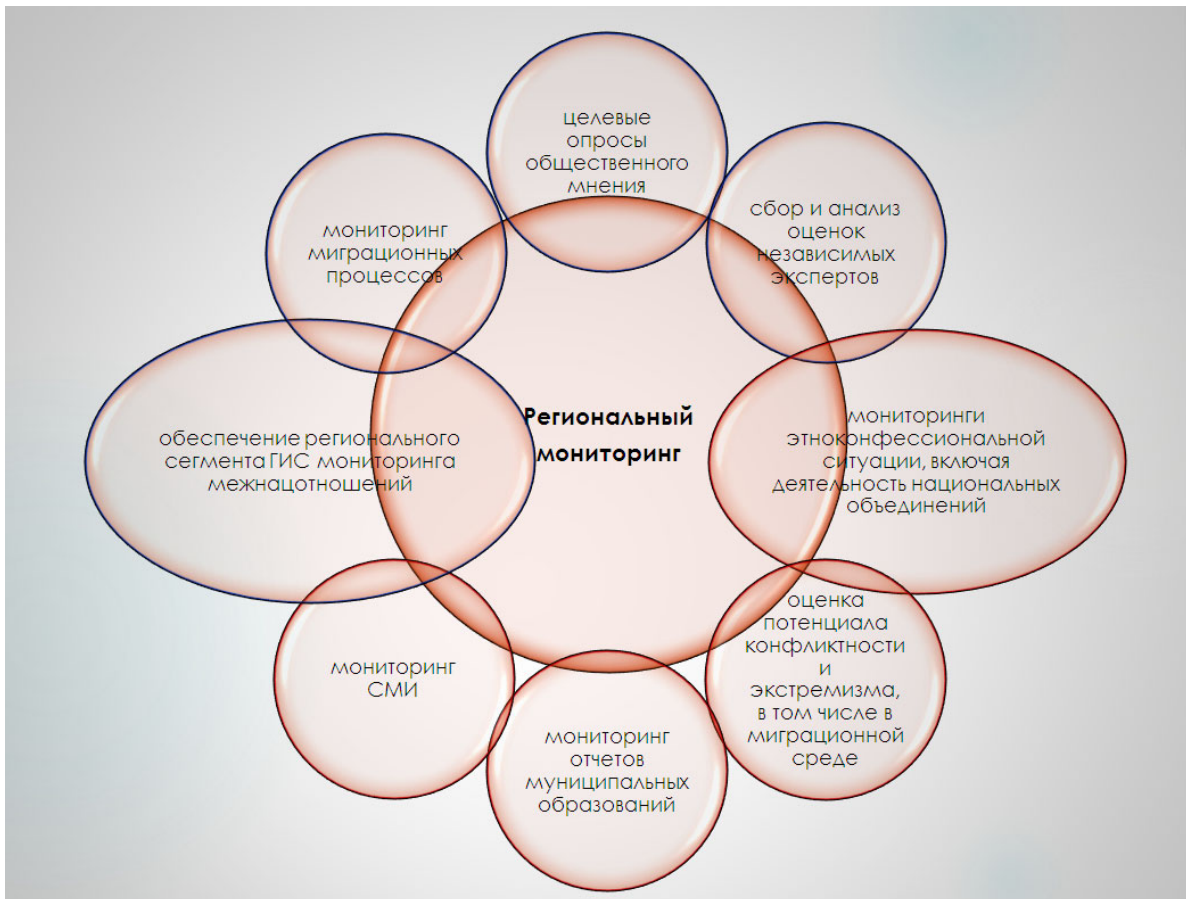
- ФАДН России разработало Методические рекомендации по проведению социологических исследований в субъектах Российской Федерации

*Этапы внедрения практики мониторингов
в практику деятельности органов государственной власти*

Алтайский край подвержен общероссийским тенденциям, объективно связанным с ослаблением традиционных механизмов формирования гражданской, национальной и этнической идентичности, повышением внимания к национальному аспекту деструктивных общественных явлений и процессов, ростом мигрантофобии и иных негативных аспектов национального вопроса.

Реализация государственной национальной политики в Российской Федерации требует от органов исполнительной власти соответствия принимаемых решений с происходящими процессами в этнокультурной сфере с учетом региональных особенностей.

В этих целях в Алтайском крае на системной основе ведется работа по созданию механизмов профилактики и предупреждения межнациональных конфликтов. На постоянной основе осуществляется мониторинг состояния межнациональных отношений на региональном уровне.

Государственный мониторинг носит комплексный характер

На постоянной основе осуществляется мониторинг реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории муниципальных образований края.

Среди тем мониторинга следующие: проведенные в текущем году в муниципальном образовании мероприятия в этноконфессиональной сфере, в том числе с участием общественных объединений; предстоящие в следующем календарном году мероприятия в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, памятные или знаменательные даты; деятельность администрации муниципального района / городского округа по содействию национально-культурному развитию; взаимодействие администрации муниципального района / городского округа с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации; формы и методы работы администрации муниципального района / городского округа по предупреждению конфликтных ситуаций в межнациональной сфере; конфликты на межнациональной почве на территории муниципального образования; советы, консультативные и экспертные органы по национальным и религиозным вопросам при органе местного самоуправления; численность и конфессиональная принадлежность религиозных групп, действующих на территории муниципального образования; количество и конфессиональная принадлежность культовых учреждений на территории муниципального образования.

Отчеты муниципальных образований по итогам 2019 года по состоянию проанализированы на предмет полноты и содержания материалов, проведен анализ эффективности деятельности органов местного самоуправления.

В рамках выполнения мероприятия государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» заключен государственный контракт на оказание услуг по организации технологического присоединения, доступа и настройке Государственной информационной системы мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (далее – система мониторинга) под специфику деятельности органов исполнительной власти Алтайского края в сфере национальной политики. На реализацию данного мероприятия направлено 1,5 млн рублей средств краевого бюджета.

Система мониторинга обеспечивает решение следующих задач:

- поддержка принятия обоснованных управленческих решений в сфере национальной политики;
- создание, исполнение и контроль поручений;
- формирование и ведение реестров по учету субъектов и объектов государственной национальной политики;
- поддержка в профилактике любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности за счет эффективного мониторинга деятельности по реализации государственной национальной политики;
- оценка субъектов Российской Федерации по интегральному уровню конфликтности и ряду экономико-социальных параметров.

Государственная информационная система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений. Главная страница

В итоге произведена настройка рабочих мест пользователей системы мониторинга в Алтайском крае: в органах государственной власти 7 рабочих мест, в органах власти муниципальных районов и городских округов – 85 рабочих места. Всего – 92 рабочих места, проведен инструктаж пользователей системы мониторинга.

Схема функционирования Государственной информационной системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений

В 100% органов местного самоуправления городов и районов края обеспечен полномасштабный доступ к системе мониторинга, определен персональный состав лиц, ответственных за работу в ней. В настоящий момент на постоянной основе ведется работа пользователей государственной информационной системы мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в органах местного самоуправления.

В Алтайском крае на системной основе ведется работа по созданию механизмов профилактики и предупреждения межнациональных конфликтов. На постоянной основе осуществляется мониторинг состояния межнациональных отношений на региональном уровне.

Объектом мониторинга на региональном уровне выступает деятельность: органов местного самоуправления; образовательных учреждений; средств массовой информации; некоммерческих организаций, представляющих интересы этнических общностей; религиозных организаций; отдельных лиц, активно распространяющих информацию по вопросам межнациональных отношений в сети Интернет; социально-ориентированных некоммерческих организаций, реализующих проекты и программы этнокультурного характера, а также направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов; исполнительных органов государственной власти, участвующих в реализации мероприятий по реализации национальной политики.

Региональный мониторинг осуществляется путем сбора и обобщения информации от объектов мониторинга; организации проведения целевых опросов общественного мнения, определяющих состояние межнациональных и межконфессиональных отношений; сбора и анализа оценок ситуации независимыми экспертами в сфере межна-

циональных отношений; иными методами, способствующими выявлению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений.

Правительством Алтайского края:

- готовятся ежеквартальные мониторинги этноконфессиональной ситуации, потенциала конфликтности и экстремизма на территории субъекта;
- ежегодно измеряется региональный «индекс интолерантности» молодежи в Алтайском крае;
- ведется мониторинг отчетов муниципальных образований, органов исполнительной власти Алтайского края по исполнению полномочий в контексте принятой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года;
- осуществляется мониторинг противодействия экстремизму в миграционной среде с учетом данных о незаконной миграции и преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также преступлений, совершенных в их отношении.

Организована поддержка мониторинга результатами социологических исследований. В рамках реализации подпрограммы 5 «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций» государственной программы Алтайского края «Социальная поддержка граждан» на 2014–2020 годы, утвержденной постановлением Администрации края от 14.01.2014 № 7, и в соответствии с Порядком конкурсного отбора негосударственной некоммерческой организации на предоставление субсидии с целью проведения мониторинговых исследований, утвержденным постановлением Администрации края от 04.04.2014 № 158, в 2015 году проведен конкурсный отбор некоммерческой организации для проведения мониторинговых исследований состояния межнациональных отношений в Алтайском крае. В соответствии с техническим заданием, мониторинги по этим направлениям проводятся исполнителем ежегодно.

Особенностью регионального мониторинга в Алтайском крае является его комплексный характер, предполагающий как сочетание объектов исследования (эксперты и население), методов (качественные и количественные методы сбора и анализа данных), а также набора показателей, позволяющих оценивать сферу государственной национальной политики не только по ключевым индикаторам федеральной и региональной программ, но и получить более развернутые оценки.

Цель мониторинга: сбор актуальной информации о состоянии и тенденциях в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, выявление уровня конфликтности в Алтайском крае и конфликтогенных факторов.

Ежегодно к участию в экспертном опросе привлекаются руководители не менее чем 30 национально-культурных объединений, зарегистрированных на территории региона, а в массовом опросе населения – не менее 1200 человек, проживающих в городах и сельских районах края в возрасте от 15 до 75 лет.

Оценка проводится по следующим группам показателей:

- характеристики национально-культурных объединений в Алтайском крае: кадровый потенциал, финансовая стабильность и мониторинг деятельности организаций;
- основные направления деятельности национально-культурных объединений региона;
- специфика взаимодействия национально-культурных объединений с государственной властью и общественно-консультативными совещательными органами региона;

- особенности внутрисекторного взаимодействия национально-культурных объединений;
- особенности информационной политики и взаимодействие национально-культурных объединений со средствами массовой информации;
- состояние межнациональных и межконфессиональных отношений, уровня напряженности;
- состояние общественной национальной и религиозной инфраструктуры: выявление и описание формальных и неформальных общественных структур, их взаимодействия и влияния на этноконфессиональную ситуацию;
- факторы позитивного и негативного влияния на этноконфессиональную ситуацию в регионе с описанием субъектов и явлений, формирующих такие факторы;
- прогноз динамики этноконфессиональной ситуации в регионе и отдельных его территориях.

Направления, по которым распределены оцениваемые показатели:

- гражданская и этническая идентификация населения;
- сохранение языков и этнических культур;
- религиозное поведение;
- состояние и динамика межнациональных и межконфессиональных отношений;
- гражданские позиции населения;
- миграция и миграционные процессы;
- конфликты и дискриминация в сфере межнациональных и конфессиональных отношений;
- оценка деятельности органов власти в соответствующей сфере;
- корреляции оценок состояния межнациональных отношений с социально-экономическими индикаторами.

По итогам мониторинга ежегодно, начиная с 2015 года, готовятся аналитические материалы и научная монография с изложением результатов. По итогам действия программы в 2021 году планируется анализ и оценка динамики значений исследуемых показателей за 5-летний период. В настоящий момент актуальны итоги мониторинга района 2019 года.

Основные результаты исследования:

Проведенный анализ общественного мнения населения Алтайского края о состоянии межнациональных отношений позволяет сформулировать основной вывод о стабильном состоянии межэтнической сферы и преобладании позитивных характеристик событий, имеющих этническую и конфессиональную окраску.

Так, например, российская гражданская идентичность жителей региона гражданская имеет довольно выраженный характер и большинство жителей Алтайского края (81,5%) в те или иные моменты своей жизни испытывали чувство гордости за Россию. Ресурсом стабильности в данном контексте выступают жители старшего возраста, мужчины и верующая часть населения.

Безусловным «лидером» среди событий отечественной истории, которые являются поводом для национальной гордости, является победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, которую отметили 60,9% респондентов Алтайского края. На второй позиции – одинаково часто отмеченные опрошенными первый успешный полет в космос, совершенный Юрием Гагариным и великие российские деятели культуры: поэты, писатели, композиторы. На третьей позиции расположились такие факты и достоинства страны, как: авторитет России в мире, природные богатства России, истори-

ческое прошлое страны, достижения российской науки и техники и победы россиян на всевозможных творческих конкурсах и фестивалях, а также успехи российских спортсменов.

К сожалению, успехи современной внутренней и внешней политики государства, общественно-политическая сфера реже прочих являются причинами формирования устойчиво позитивных характеристик общероссийской гражданской идентичности. Однако заметим, что население региона испытывает сильные патриотические чувства, обусловленные высокими оценками исторических, культурных и иных достижений государства и его народа. Чем строже жители края, тем выше оценки достижений российской государственности.

Для жителей Алтайского края национальность и религиозная принадлежность крайне редко выступают дискриминирующими основаниями в сфере общественных взаимодействий, занимая две последние позиции (6,4% и 3,8% выборов соответственно) в своеобразном рейтинге дискриминируемых в алтайском обществе групп населения. Чаще прочих, для жителей края основанием для чувства ущемлённости в сфере общественных отношений выступает возраст (30,2%) и материальное положение (15,4% выборов). Представители практически всех социальных групп населения в той или иной мере в разные периоды своей жизни ощущали, что их права ущемляются из-за принадлежности к групповому сообществу. Реже прочих основанием для негативного отношения и соответствующих действий становится религиозная или национальная принадлежность опрошенных. Чем моложе опрошенный, тем разнообразнее восприятие ущемления прав по разным основаниям: от политических убеждений до материального положения, возраста и пола. Менее защищенными от ущемления прав чувствуют себя и пожилые, в силу возраста, стояния здоровья и недостаточного уровня материальной обеспеченности.

Полученные выводы подтверждают неоднократно сформулированные на предыдущих этапах мониторинга предположения о том, что социально-экономическое положение в обществе определяет общие оценки удовлетворенности жизнью и разными ипостасями межгрупповых отношений. Финансово-экономическое благополучие формирует благоприятный фон для высоких позитивных оценок сферы государственно-конфессиональных и межэтнических отношений, общее же неблагополучие – снижает эти оценки, формируя общую неудовлетворённость общественными отношениями.

Важно отметить, что более половины опрошенных жителей Алтайского края (51,2%) полагают, что российская нация едина, однако все же проблема народного единства в России существует. Следует учитывать, что, как правило, там, где есть единство, существует и объединяющая национальная идея. Возможно, дальнейшие направления исследований могут быть связаны с выяснением сути идеи, ее восприятия значимости в массовом сознании населения жителей Алтайского края. Отметим, что оценки единства нации в России достоверно не связаны с принадлежностью респондента к той или иной социально-демографической группе: оценки населения в отношении наличия народного единства весьма поляризованы: во всех группах только половина респондентов склонны считать, что народное единство в России все-таки есть, на втором полюсе располагаются негативные оценки и мнения тех, кто затрудняется в оценках. Отметим, что верующая часть опрошенных более позитивно оценивают единство нации внутри страны. Достоверно выше оценки наличия народного единства в группах с высшим профессиональным, начальным профессиональным и основным общим уровнем образования.

В качестве предпосылки к оформлению объединяющей национальной идеи можно рассматривать набор факторов, которые, по мнению опрошенных, приводят к единению нации. Самый мощный объединяющий фактор – наличие внешней либо

внутренней угрозы, трудности для страны – более половины опрошенных считают, что страна объединяется именно в трудные минуты (52,3% выборов). Треть жителей края полагают, что когда люди стараются помогать друг другу, то есть гражданская солидарность, то это может свидетельствовать о наличии народного единства, а почти столько же видят причины в менталитете, культуре российского народа. Любопытно отметить суждения респондентов о том, что к единству нации приводит исключительно стремление к благополучию страны, а также указание на то, что народ связывает единство территории, общие жизненные проблемы, любовь к родине и нелюбовь к государству, равномерный низкий уровень жизни и низкое качество жизни.

Данные, полученные в 2018 и 2019 годах, свидетельствуют о позитивизации ранее отмеченных тенденций сферы межнациональных отношений. 23,4% респондентов считают, что отношению между людьми разных национальностей в России изменились в лучшую сторону. В целом же 82,3% жителей края отмечают отсутствие негативной динамики в межнациональных отношениях.

Тенденции к оценке стабильности межнациональных отношений наряду с довольно высокой (в среднем 14,7%) долей мнений о негативной динамике характерны для всех групп опрошенных. Оценки в разных социально-демографических группах оказались вполне сопоставимыми и отражающие тенденции в общей выборке. Дальнейший анализ выявил зависимость полученных оценок от материального статуса опрошенных. Например, среди считающих себя очень богатыми не зафиксировано респондентов, для которых состояние межнациональных отношений существенно ухудшилось, чем беднее считает себя житель края, тем более для него выраженной кажется негативная динамика в межнациональных отношениях.

Отметим, что и сами опрошенные переживают чувства вражды по отношению к людям других национальностей: когда-либо переживали негативное отношение более половины опрошенных (56,7%). Среди выявленных достоверных различий и в зависимости от возраста, пола опрошенных, отметим лишь более часто возникающее чувство вражды к иноэтничным людям среди более молодых групп опрошенных и жителей края с более низким образовательным уровнем. Подтвердились и ранее полученные выводы о достоверно более экстремальных настроениях жителей с низким уровнем материальной обеспеченности. Естественно, образовательный потенциал часто связан с уровнем доходов и общим качеством жизни индивида, неудовлетворенность материальным статусом порождает неудовлетворенность в целом разными сферами жизни и общественных отношений, в том числе, формируя негативные оценки социальных отношений.

В отношении же себя опрошенные жители Алтайского края существенно реже ощущают вражду со стороны иноэтничных людей. Около половины (48,7%) опрошенных когда-либо ощущали враждебность этнических «других», в большинстве случаев это происходило редко (40,6%), а 6,2% отметили, что это чувство возникает у них довольно часто, а 1,9% – очень часто. А более половины респондентов 51,2% никогда или практически никогда не чувствовали вражды окружающих вследствие своей этнической принадлежности. Среди тех, кто чаще сталкивался с враждой окружающих из-за своей национальности, преобладают мужчины. Отметим смещение значительной доли оценок от «часто» и «очень часто» в группу «редко» по сравнению с предыдущим раундом мониторинга. Дополнительный анализ выявил достоверную зависимость от уровня материальной обеспеченности – чем беднее ощущает себя опрошенный, тем чаще он ощущает вражду окружающих в связи со своей этнической принадлежностью.

Рассмотрение проблематики межнациональных отношений является неполным без обращения внимания к проявлениям экстремизма и ксенофобии в современном обществе, оценки распространенности этно-дискриминирующих установок. Несмотря на

то, что наиболее распространенной оказалась позиция, демонстрирующая равенство правах всех народов России, что и закреплено в Конституции Российской Федерации (54,6%), около трети участников исследования (29,5%) предпочли бы, чтобы русское этническое большинство имело в Российской Федерации больше прав, чем другие народы, для которых Россия является домом, в силу большей ответственности за судьбу страны. А 9% – придерживаются откровенно этнонационалистической позиции, закрепляющей доминирующее положение в стране русского этноса. Данная ситуация свидетельствует о том, что в сфере межэтнических отношений Алтайского края существуют проблемы, связанные с распространенностью этнонационалистических установок и, соответственно, возможность спекуляции на чувствах этнической принадлежности населения, как относящегося к русскому этническому большинству, так и находящегося в положении меньшинства. Сделан вывод о том, что этнонационалистические установки имеют тенденцию проявляться в разных социальных и демографических группах с тенденцией большей выраженности среди населения с более низким образовательным статусом.

Несмотря на то, что Алтайский край не входит в число субъектов с наибольшей долей въехавших иностранных граждан, структура миграционных потоков, определяет характеристики ситуации в сфере межнациональных отношений. Мигранты становятся частью повседневной жизни, активно включаются в общественно-политические, и, особенно, экономические процессы, происходящее в алтайском социуме. Так, только 9,3% опрошенных считает, что в регионе практически нет мигрантов. Не следует считать, что такие суждения опрошенных носят абсолютно субъективный характер, а, скорее, география расселения и миграционных перемещений различны в местах проведения мониторингового исследования, поэтому жители края с разной степенью интенсивности сталкиваются с мигрантами.

При широко распространенном мнении, что абсолютно ничего хорошего в иностранной миграции нет (24,7%), жители региона отмечают, что мигранты занимают рабочие места, которые не востребованы, респондентов отмечают, что мигранты привозят в город дешевые продукты и товары, оказывают дешевые услуги. Чем старше опрошенный, тем менее выражены его оценки преимуществ наличия мигрантов в Алтайском крае, чем ниже уровень образования опрошенного, тем в целом меньше он готов учитывать преимущества и положительные моменты деятельности и присутствия в регионе мигрантского сообщества в целом. А мнения неверующей части опрошенных также распределены в сторону более частых выборов положительных сторон присутствия мигрантов.

Вместе с тем, интересно, что довольно значительная часть опрошенных (25,2%) не видит и абсолютно ничего плохого в присутствии мигрантов в Алтайском крае. Чаще же всего мигранты связываются опрошенными с криминализацией общества и незаконных практик и отсутствием желания у мигрантов следовать традициям и правилам принимающего общества (12,5%). Пятая часть (20,1%) опрошенных считают, что мигранты отбирают у населения в том числе и нужные и востребованные рабочие места, которые в таком трудоизбыточном регионе как Алтайский край и так очень сложно занять при довольно высокой конкуренции. Небольшими долями выборов отмечено, что мигранты снижают общую картину благополучия в городе (6,2%) и своим присутствием приводят к смешению культур и утере российских ценностей (4,1%). Данные тенденции в оценивании негативных эффектов пребывания мигрантов в Алтайском крае достоверно варьируют только в оценках жителей с разным образовательным уровнем: чем ниже уровень образования респондента, тем чаще негативные аспекты пребывания мигрантов для него связаны с экономической ролью мигрантов на рынке труда, а, чем выше уровень образования, тем более склонен респондент видеть в мигрантах причину растущей криминализации общества.

81,5%	в те или иные моменты своей жизни испытывали чувство гордости за Россию
82,3%	отмечают отсутствие негативной динамики в межнациональных отношениях
23,4%	считают, что отношения между людьми разных национальностей в России изменились в лучшую сторону
62%	считают, что в Алтайском крае маловероятны открытые конфликты между местным населением и приезжими
53,2%	полагают вероятность массовых конфликтов на основе межнациональной розни в Алтайском крае скорее (33,3%) и совершенно (19,9%) не возможной
89%	респондентов дают позитивные оценки состоянию межнациональных отношений в Алтайском крае: стабильно нормальное, бесконфликтное (78,2%) и даже доброжелательное, способствующее межнациональному согласию (10,8%)
1,6%	считают, что межэтнические отношения в регионе взрывоопасные, способные вызвать столкновения
84,1%	отмечают позитивный вектор межконфессионального пространства в регионе
0,8%	полагают возможным возникновение столкновений на конфессиональной почве

Оценки населения Алтайского края, n = 1200 (2019 год)

Результаты мониторинга раунда 2019 года

В большинстве случаев (51,2%) население Алтайского края равнодушно относится к мигрантам, однако почти пятая часть респондентов (24%) не скрывает своего негатива по отношению к мигрантам, причем 3,8% из них относятся к мигрантам резко негативно, а 20,2% – определяют свое отношение как скорее отрицательное. 14% – скорее положительно относятся к мигрантам, а 10,9% считают свое отношение дружелюбным. Личное отношение опрошенных к мигрантам достоверно определяется полом и уровнем образования: мужчины чаще негативны в отношениях с мигрантами и существенно реже отмечают дружелюбное к ним отношение; чем ниже образовательный уровень, тем негативнее оценки мигрантов, причем максимально негативные оценки зафиксированы в группе с основным общим образованием.

По оценкам жителей региона, в Алтайском крае скорее маловероятны открытые конфликты между местным населением и приезжими: 62% респондентов считают, что такие конфликты скорее (42,9%) и абсолютно (19,1%) невозможны, другая часть, составляющая в общей выборке 19,3%, допускает возможность открытых столкновений (14,6% скорее и 4,7% – полностью в этом уверены), а 18,7% респондентов затруднились в оценках. Оценки потенциала конфликтности в межнациональных отношениях достоверно независимы от социально-демографических характеристик опрошенных.

Довольно низко оценивается вероятность массовых конфликтов на основе межнациональной розни в Алтайском крае, где оценки «скорее» (14,6%) и «определенно» (6%) «возможны» дали в целом 20,6% респондентов. 53,2% опрошенных полагают вероятность возникновения такого конфликта скорее (33,3%) и совершенно (19,9%) не возможной. Полученные оценки достоверно зависимы только от возраста опрошенного: чем моложе респондент, тем выше он оценивает вероятность межнациональных столкновений.

Непосредственно же само состояние межнациональных отношений в Алтайском крае на сегодняшний день оценивается как стабильно нормальное, бесконфликтное (78,2%) и даже доброжелательное, способствующее межнациональному согласию (10,8%), то есть в совокупности 89% респондентов дают позитивные оценки состоянию межнациональных отношений в Алтайском крае. 1,6% считают, что межэтнические отношения в регионе взрывоопасные, способные вызвать столкновения, а 9,4% характе-

ризуют их как напряженные, конфликтные (в совокупности 11% негативных оценок). В ходе дальнейшего анализа не выявлены достоверные зависимости оценок состояния межнациональных отношений от каких-либо социально-демографических характеристик опрошенных.

Схожие тенденции оценивания присутствуют в массовом сознании населения Алтайского края в восприятии состояния межконфессиональных отношений. В совокупности 84,1% жителей края отмечают позитивный вектор межконфессионального пространства в регионе: 12,1% оценок доброжелательного, способствующего общественному согласию климата в соответствующей сфере и 72% – оценок его как нормального, бесконфликтного. Только 0,8% опрошенных полагают взрывоопасной возможность возникновения столкновений на конфессиональной почве, а 15% считают такие отношения напряженными, конфликтными.

Как уже ранее отмечалось, большинство оценок (в совокупности 72,7%) опрошенных описывают отсутствие напряженности в межэтнической сфере региона: 16,4% – определенно нет напряженности и 56,3% – скорее нет. Противоположные оценки присущи 16,6% респондентов: по мнению 3,6% в регионе определенно ощущается межнациональная напряженность, 13% – скорее ощущается. Отметим, что данные оценки также оказались достоверно независимы от социально-демографических характеристик опрошенных.

По результатам экспертного опроса руководителей национально-культурных объединений можно сделать вывод о том, что в Алтайском крае создана программная система мер, направленных на гармонизацию межнациональных отношений в Алтайском крае, развитие этнокультурного многообразия народов, создание системы взаимодействия органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики и в целом на формирование имиджа Алтайского края как территории гармоничных межнациональных отношений.

Вместе с тем, в Алтайском крае выражены общероссийские тенденции, объективно связанные с обострением межэтнических противоречий, ослаблением роли традиционных институтов и механизмов социализации, повышением внимания средств массовой информации к национальному аспекту деструктивных общественных явлений и процессов, ростом мигрантофобии, быстрым изменением устоявшейся на протяжении столетий этнической палитры, усилением роли религиозного фактора миграционных процессов, попытками политизации национального вопроса.

Однако, как органами власти, так и общественными объединениями, в том числе на основе внутрисекторного партнерства, принимаются меры по гармонизации межэтнических отношений, которые в совокупности имеют положительный эффект. Это дает возможность экспертам позитивно оценивать состояние межэтнических отношений в регионе и строить позитивные прогнозы дальнейшего развития ситуации в сфере.

Механизмы как межсекторного, так и внутрисекторного партнерства в сфере госнацполитики в регионе развиты выше среднего, в том числе это партнерство развивается и в формате общественно-консультативных совещательных органов. Больше того отметим, что данные партнерские отношения преимущественно приносят удовлетворение их участникам. Существенным достижением является включенность этнических объединений в процессы функционирования гражданского общества Алтайского края.

Экспертное сообщество региона видит и четко определяет свою роль как в процессах социальной интеграции и адаптации мигрантов, так и в реализации государственной национальной политики в целом. Преимущественное свое участие здесь видится в качестве площадки для организации и проведения разного рода этнокультурных мероприятий и работе с молодежью.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

<http://www.gov.ru> – Сервер органов государственной власти Российской Федерации.

<https://www.fadn.gov.ru> – Федеральное агентство по делам национальностей.

<http://rescenter22.ru> – Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае.

<http://unro.minjust.ru/> – Информационный портал Министерства юстиции российской Федерации.

<https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/> – департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики.

Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах российской Федерации: методические материалы / коллектив авторов; (научный редактор А.Ю. Полунов). – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 210 с.

Межнациональные отношения и национальная политика в Алтайском крае / под. общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во ООО «Типография «Триада», 2016 – 106 с.

Социологический мониторинг состояния межнациональных отношений в Алтайском крае: монография / под. общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – 164 с.

Межнациональные отношения и национальная политика в Алтайском крае: монография с методическими материалами / под. общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 131 с.

Состояние межнациональных отношений в Алтайском крае: монография с методическими материалами / под общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во «Типография управления делами Администрации Алтайского края», 2019. 147 с.

Тема 1.5. Сибирь как важная составная часть Российского государства в прошлом и настоящем: риски сибирского сепаратизма

сост. Должиков В.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Научная актуальность и общественная значимость темы обусловлена тем, что в сознании многих соотечественников, находящихся в плену официозной мифологии, Сибирь и Россия нередко противопоставляются друг другу. По моей оценке, это какой-то «сепаратизм наоборот». В действительности, наша страна едина и состоит из западной, европейской половины и восточной, расположенной географически в северной Азии.
- ✓ Другой распространенный миф связан с идеологией сибирского областнического движения, родоначальникам которой Г.Н. Потанину, А.П. Щапову и Н.М. Ядринцеву приписываются сепаратистские замыслы и даже политические действия, будто бы нацеленные на отделение Сибири от России. На самом же деле, все трое не были сторонниками сепаратизма. Областники, доказывает автор, являлись убежденными федералистами, а выступали всего лишь за автономию сибирских областей в составе будущей российской демократической и федеративной государственности современного типа.
- ✓ Кроме того, ключевая прогностическая идея областников заключалась в том, рано или поздно «центр тяготения» русских народов страны переместится в географический центр, в сибирский «хартлэнд». Но эта гипотетическая передислокация зависит не только от воли тех или иных политиков, сколько связана с решением задачи накопления критической массы народонаселения в Сибири.
- ✓ Именно реализация этих задач может обеспечить, полагали демократически настроенные патриоты-сибиряки, выполнение исторической миссии русского народа как мирного посредника в Евразии, способного построить своего рода мост между западной и восточной ветвями всемирной цивилизации.

1.5.1. Сибирь – это центральная Россия

Между прочим, Сибирь – это и есть собственно Россия. В действительности наше отечество состоит из двух частей: западной (европейской) и гораздо большей по территориальному размеру восточной (азиатской). прямо поясняет свою позицию в тексте первой части книги: «Таким образом, от Урала до Владивостока вся Сибирь, констатирует наш знаменитый земляк Г.Д. Гребенщиков, – та же Россия, страна из ста племен». В пределы «Сибирской Ойкумены» он включает и Усть-Каменогорск, и Нерчинский округ, и побережье Берингова пролива, и Камчатку.

Недаром все чаще современную Российскую Федерацию, расположенную сразу на двух континентах, называют Евразией. Иностранцам, которым непонятны и чужды стереотипы европоцентристского миропонимания, кстати, намного легче понять вроде бы очевидные географические реалии. Так, отвечая на вопросы журналистов алтайского еженедельника «Торговый мост» председатель правления крупного современного китайского холдинга Чжу Минъи заметил: «... Хочу изучить конъюнктуру в Барнауле и Алтайском крае. Я первый раз посетил **центр России**. Раньше я был в Москве, Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке». Хотя, замечу, многие наши соотечественники осознают данную реальность с большим трудом.

Коренной сибиряк, а, по своим политическим убеждениям, областник и народник, А.П. Щапов сумел первым из отечественных исследователей одной лаконичной фразой передать всю многосложную суть исторической национальной сверхзадачи, увы, не решенной до сих пор. **«Избранный и поставленный всемирной историей на перекрестном пути между Западом и Востоком народ русский, – утверждал основоположник демократического направлени отечественной исторической науки в своей статье «Новая эра: на рубеже тысячелетий», – должен примирить, соединить в братский союз Восток с Западом»** (выделено здесь и ниже мной – *Виктор Должиков, далее – В.Д.*). Полемизируя с разработчиками доктрины европоцентристского расизма Р. Киплингом и Х. Чемберленом, в полном соответствии со своими народническими взглядами, русский мыслитель выдвигал им в противовес альтернативную концепцию межэтнического взаимодействия и сотрудничества. Но это и неудивительно, так как Щапов был, во-первых, гуманистом, а, во-вторых, интернационалистом (в аутентичном понимании данного термина).

Намного раньше других зарубежных мыслителей – О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби – сибирские областники попытались понять и осмыслить международную трансконтинентальную идентичность будущей **русско-сибирской** (евразийской) цивилизации. По позднему прогнозу Шпенглера и Тойнби, Сибири предстояло в будущем достичь высшей фазы расцвета и, таким образом, впоследствии заместить собой в роли динамичного мирового лидера одряхлевший к тому времени Запад!

Сегодня лишь немногие из специалистов определяют идеологический смысл областничества в целом достоверно, в качестве одного из течений русской национально-демократической и федералистской политической мысли. Большинству же современных авторов свойственны либо полная неосведомленность относительно аутентичных концептуальных парадигм этой идеологии, либо (что гораздо хуже!), своеобразный «сепаратизм навыворот». Это когда русская Сибирь противопоставляется в каком-то насквозь фальшивом тоне собственно России.

1.5.2. Транс-евразийская магистраль (Трансиб) как символ нереализованной исторической национальной миссии

Согласно расчету Д.И. Менделеева, геометрический «центр поверхности» нашей страны был зафиксирован по положению на 1906 г. именно в Сибири, «между Обью и Енисеем». Как рассчитывал великий русский ученый, который был сибиряком по происхождению (родился в г. Тобольске), этот центр неизбежно станет в будущем смещаться по юго-западному вектору на территорию, расположенную «около границы Тобольской и Томской губерний, немного севернее Омска». Старый ее центр – средоточие русского народонаселения – в то время был расположен в европейской части России, а конкретно вблизи г. Козельска (ныне г. Мичуринск, Тамбовская область). В самом начале XX в. Менделеев предсказывал, что и демографический центр должен будет мигрировать постепенно в направлении восточного Тихого океана – «мировой арены будущего». По его же расчетам, к 2000 г. численность народонаселения нашей страны (в границах существовавшей тогда Российской Империи) с учетом коэффициента прироста людности, достигнутого к 1897 г., должна была составить **594,3 млн. чел.** Национальную историческую миссию на континенте Д.И. Менделеев понимал в точности так же, как и А.П. Щапов. «Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными в той или другой части света, – согласно его точке зрения, – **назначена историей** именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить».

Наиболее адекватным, но далеко не всеобъемлющим геополитическим материальным воплощением вышеназванной миссии является знаменитый Транссиб, сооруженный русскими строителями-первопроходцами за рекордно короткий срок в 1890-е–1900-е гг. и ставший, по сути, монументальным памятником той эпохи. Однако, на мой взгляд, эта величайшая железнодорожная магистраль символизирует не только грандиозный успех первой фазы индустриальной модернизации, осуществлявшейся в России на рубеже минувших столетий, но и множество упущенных стратегических возможностей. По целому ряду причин до настоящего времени в системе глобального рыночного товарообмена потенциал Транссиба остается не задействованным. «Из уникального евразийского положения, – справедливо заметил академик РАН Н. Петраков, – Россия не извлекает и сотой доли эффекта как **транзитный поставщик грузов в международной торговле**». По-видимому, сегодня пора уже, наконец, разобраться в причинах столь очевидного неуспеха и выявить те факторы, которые в свое время не позволили нашей стране и ее полиэтническому народу воспользоваться преимуществами, связанными с выгодным географическим положением страны. Иначе говоря, следует как бы заново сформулировать ответ на извечный национальный вопрос: «кто виноват?» в том, что русские как нация оказались не в состоянии реализовать свою историческую миссию трансконтинентального экономического посредника?

А, между прочим, в те далекие годы многие представители региональной ответственности определенно связывали со строительством Транссибирской (а, было бы точнее называть ее **Трансевразийской**) железнодорожной магистрали самые смелые оптимистические надежды на лучшее будущее. Собственно говоря, об этом свидетельствует целый массив публикаций на данную тему в местных печатных изданиях. И областники, и ссыльные народники, и даже многие бывшие польские повстанцы, репрессированные императорским режимом за деятельное участие в национально-освободительном движении, выступали тогда в поддержку проекта строительства Транссиба. Так, вполне натурализовавшийся к тому времени в Сибири бывший ссыльный, этнический поляк (инженер путей сообщения по профессии) Генрих Краевский подготовил к печати и опубликовал за свой счет (!) в иркутском издательстве П.И. Макушина небольшую по объему, но зато весьма содержательную книгу «Сибирская Мировая Транзитная железная дорога» (1898 г.). Замечу, что Краевский заинтересовал меня в свое время главным образом по преимуществу как общественный деятель, тесно связанный с М.А. Бакуниным в период его сибирской ссылки. Он являлся тогда одним из молодых друзей знаменитого русского политика. В сетевых ресурсах Интернета (Яндекс, Гугл, Рамблер), кстати говоря, нашлась единственная ссылка на одну из его работ в кандидатской диссертации Е.В. Вечер, специально посвященной проблематике Транссиба (Томск, 2004).

Прогностические идеи Г. Краевского, содержащиеся в опубликованной им брошюре, могли бы, на мой взгляд, заинтересовать и современных исследователей. В частности, уже сам заголовок этой работы, сформулированный автором, акцентирует будущую роль Русской Сибири в международных торговых отношениях именно как посредника на всем обширном геоэкономическом пространстве Евразии. Во всяком случае, по мнению специалистов, эта часть России «при бурном научно-техническом и экономическом развитии стран Юго-Восточной Азии, Японии, Южной Кореи и в ближайшие годы Китая может стать эффективным **транзитным мостом между Европой и Азией**». Действительно, полагаю, и сегодня нам еще не поздно возвратиться в исходную «точку роста».

Согласно не сбывшимся, к сожалению, прогнозам Г. Краевского, железная дорога станет в будущем «торной Транс-Азиатской дорогой для всего Северного полушария». Как считал данный автор, она «присоединит к цивилизованному миру половину, если не

весь Китай и будет главным рычагом цивилизации и прогресса всей Азии». В свою очередь, «широкое развитие нашей внешней торговли с Азией. – предполагал данный автор, – сразу подымет фабрично-заводскую промышленность России и навсегда обеспечит за нами внутренние рынки Китая». Но «самое большое движение по Сибирской дороге, – рассчитывал Краевский, – будет **из Европы** во все восточное побережье **Азии**, в Японию, Шанхай и дальше в Английский Хонг Конг и торговый Кантон» [т.е. современные Гонконг и Шанхай – *В.Д.*]. По его же оценочным расчетам, «при удачной коммерческой и технической постановке товарного движения и при условии увеличения его скорости, хотя бы за счет увеличения пассажирского тарифа, можно утверждать, что по Сибирской железной дороге, независимо от местных грузов, пойдут все, более или менее ценные грузы...». А в итоге, как предсказывал автор этой замечательной книги, «конечный пункт Сибирской дороги откроет нам Золотые ворота к Великому Океану, которые соединяясь с Золотыми Воротами, составляющими гордость Сан-Франциско, по другую сторону Океана, – радушно откроют вход всем нашим транс-азиатским гостям». Значительная роль в публикации отводилась проблемам демографии, крайне актуальным для России по сию пору. «Сибирская дорога, – не без оснований рассчитывал Г. Краевский, – вызовет самое оживленное переселение. Уже сейчас [в 1898 г. – *В.Д.*] воскресают целые города там, где недавно в глуши тайги впервые раздался удар топора на ж.д. просеке. А ведь это только начало...». И верно. Если «в 1870-х годах переселенческое движение едва достигало 15 000 ежегодно», а «в 1891 г. оно выразилось цифрой 50.000», то в 1894 г. **добровольных** переселенцев уже было 600 000... Но вот что характерно: бюрократия имперского «центра» сразу принялась активно тормозить эту едва наметившуюся положительную демографическую динамику внутренней миграции населения. Тем не менее, в своих прогнозах Г. Краевский оставался оптимистом. «Через сто лет, – по его предположениям, – Сибирь будет считать свое население многим **более ста миллионов**». Но мы-то знаем, что на сегодняшний день социально-демографическая ситуация, сложившаяся в регионе, настолько далека от идеальной, что представляет уже нешуточную угрозу национальной и региональной безопасности.

Замечу особо, что даже сама идея строительства в Сибири сети железных дорог с незапамятных времен подвергалась ожесточенной критике со стороны реакционно настроенных российских чиновников и публицистов, отражавших позицию господствующего в Российской империи политического класса. Правая охранительная печать продолжала твердить даже и в конце 1890-х гг. одно: что строительство железных дорог на Востоке якобы выгодно лишь иностранцам, жаждущим наживы и мечтающих прибрать к рукам несметные богатства Сибири. Редактор-издатель «Нового времени» А.С. Суворин писал, что «пора оставить рубль в хозяйстве русского человека, а не вынимать его из этого хозяйства на необъятные горизонты». Известный консервативный публицист, редактор «Гражданина» князь В.П. Мещерский изображал Сибирь по преимуществу как **«склад всех российских нечистот и людского отребья»**. Здесь, как он утверждал, «поколения нарождаются за поколениями исключительно от порочных производителей; туземное население испортили кровосмешением исключительно с уродами и отбросами общества». Поэтому со строительством железной дороги для «соединения этой **громадной людской клоаки**» с культурной Европой он рекомендовал российской власти «не торопиться». В Харьковском уездном комитете Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности другой реакционер, князь А.Д. Голицын открыто критиковал правительство за якобы бездумную напрасную трату огромных сумм на железнодорожное строительство в Сибири, предлагая направить средства во внутренние губернии европейской России, где состояние путей сообщения совершенно неудовлетворительное. Невольно возникает вопрос: а что было бы, если тогдашняя верховная власть прислушалась к доводам Голицына или Мещерского

и, вправду, по известной отечественной коррупционной привычке перенаправила финансовые средства в поистине бездонный карман бюрократии «центра»? Ответ, полагаю, очевиден. Там бы они и осели.

Назначенный управляющим делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин во время своих служебных поездок по Сибири в 1896 и 1897 гг., казалось бы, утвердился в мысли о том, что со стороны государства необходимо предпринимать энергичные действия по сближению «этой обширнейшей нашей колонии с метрополиею». Строительство железных дорог, считал он, это и есть «могущественное материальное средство» для достижения такой цели. Но все равно и этот чиновник выражал опасение, что Сибирь, по примеру других колоний, может отделиться от имперской метрополии. А сибиряки, которых издавна в столице считали неблагонадежными, дескать, создадут независимое от верховной власти «центра» самостоятельное государство. В своих мемуарах А.Н. Куломзин вспоминал о том, что «каким-то кошмаром» его самого преследовала мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое, отдельное от России государство» Этот самый «призрак сибирского сепаратизма» посещал и других высокопоставленных персон. Полковник Генерального штаба Н.А. Волошинов писал в 1889 г.: «Триста слишком лет Сибирь считается покоренной русскими, но владеет ли ею Россия? Принадлежит ли на самом деле Сибирь русскому народу и русскому государству? Пользуется ли этим громадным пространством своих владений стомиллионный русский народ или им владеют и извлекают из него выгоды несколько тысяч заброшенных туда выходцев, назвавших себя «сибиряками» и готовых забыть, что они русские...».

Вообще-то среди лиц, приближенных к императорской фамилии, была распространена своеобразная «сибирефобия». Так, известные политики охранительного правоконсервативного направления М.Н. Катков и К.П. Победоносцев неоднократно напоминали Александру III об угрозе роста сепаратистских настроений в Сибири. Тамошние газеты, убеждал императора Победоносцев, находятся по преимуществу в руках ссыльных поляков, которые будто бы и распространяют в обществе идею «отделения Сибири». Неудивительно, что и генерал-губернатор А.Д. Горемыкин специально выискивал в доставленных ему на предварительную цензуру статьях для иркутских газет, а потом удалял слова, показавшиеся ему подозрительными. Этноним «сибиряки», например, он требовал от авторов исправить на «уроженцы Сибири».

1.5.3. Насколько реальными являются риски сибирского сепаратизма?

Характерно, что старый официальный миф о потенциальной угрозе «отделения Сибири от России», сфабрикованный еще в 1865–1866 гг. спецслужбой имперского политического сыска, в период так называемой горбачевской перестройки был реанимирован отечественными печатными изданиями. Выступая зачастую с диаметрально противоположных идейных позиций, публицисты ссылались при этом на Г.Н. Потанина, А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева – русских мыслителей областническо-народнического направления, будто бы пытавшихся в свое время реализовать данный проект. «Возник из прошлого **фантом сибирского сепаратизма**, – утверждал один из авторов небольшевистской газеты «Правда», – концепция которого имеет **глубокие исторические корни**» [Голубчиков, 1998]. На самом же деле, «рождавшаяся в 1860–1863 гг. земско-областная теория Щапова, демократическая, партикуляристская доктрина, высшей ценностью которой провозглашались **народ и свобода**, – справедливо замечает современный исследователь, – энергично отрицая этатизм государственной школы в русской историографии, уповала на земство, областность, децентрализацию и **федерализм**».

Полагаю, что после публикации в самом конце минувшего 2019 года экспертом Института экономики Сибирского отделения Российской Академии наук В.И. Суловым резонансного доклада о возможном гипотетическом распаде страны по границам федеральных округов, наверняка будут предприниматься новые попытки оживить провокационную легенду о пресловутом «отделении Сибири от России».

Вообще-то сепаратизм как особая идеология, в отличие, к примеру, от шовинистических и экстремистских версий крайнего национализма, как правило, инициируется лидерами антиколониальных освободительных движений, возникающих по преимуществу на **этнической** основе и нацеленных против различных форм угнетения, практикуемого государственной властью в интересах так называемой имперской нации. Поэтому сторонниками государственнической охранительно-консервативной точки зрения, выражающей эти самые интересы, любое видимое тяготение общественных представителей окраинных областей и народностей к свободной (не зависимой от метрополии) жизни чаще всего и выдается за «сепаратизм» с превентивной целью, то есть для устрашения и политической нейтрализации оппонентов.

В любом случае с этническим сепаратизмом сибирское областничество не имело буквально ничего общего. Процесс генезиса и эволюции этой идеологии был органически обусловлен самобытными местными особенностями **регионального**, но все-таки не инонационального менталитета. Выражая и отражая данную специфику в соответствующих идеологических понятиях, сами областники определенно считали себя представителями формировавшейся **русской гражданской нации**. Правда, они никак не хотели оставаться зависимыми от метрополии несвободными **подданными Российской (наднациональной) империи**, остро нуждаясь в такой государственности, которая по своей форме и по своему политическому характеру была бы вполне адекватной потребностям данного процесса.

Реальная же Россия в конце XIX – начале XX вв. не была империей классического образца наподобие Британии. Как раз для **русских народов** (т.е. великорусов, белорусов, малорусов, казаков, поморов, сибиряков и др.), которые и составляли государствообразующее этническое большинство, Россия, по верному определению британского историка Дж. Хоскинга, в отличие от мировых держав классического колониального типа являлась «империей наоборот». В ней вышеперечисленные коренные народы эксплуатировались государством как покоренные завоевателями туземцы. А ведь полноценная гражданская **нация** только и могла успешно развиваться на базе этих самых коренных субэтносов. А по отношению к ним в Российской империи, по данным Б.Н. Миронова, налоговое бремя всегда было гораздо жестче, нежели в отношении так называемых инородцев. Не говоря уже о тотальном крепостничестве, под гнетом которого веками находились опять же русские люди.

Что касается новой общности, которая складывалась в Сибири путем синтеза достаточно разнородных этнических компонентов, то, по мнению теоретиков и сторонников регионального демократического движения, она представляла собой не что иное, как «**областной тип русской народности**». Собственно говоря, семантическая этимология самоназвания данной общественной группировки свидетельствует о формальном отсутствии в нем сепаратистской компоненты. Популяризируя свои этнополитические идейные приоритеты, вводя их в научный оборот, мыслители-областники неслучайно ссылались на доминантный архетип регионального русского менталитета. «**Сибиряк**, – фиксирует Н.М. Ядринцев несколько парадоксальную по форме этническую самоидентификацию местных старожилов – кержаков и чалдонов, – ... **считает себя русским**, а на русского поселенца (т.е. на недавно прибывшего новосела – В.Д.) смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности». Поэтому, идентифицируя себя как народность, коренные сибиряки зача-

стью использовали традиционный этноним «русские», а недавних выходцев из метрополии называли с явным оттенком уничижительности «**расейскими**» (выделено мной – В.Д.). В этой антиномии сложившихся и прочно укоренившихся в региональном народном сознании понятий отражалось психологическое отчуждение всего, что могло исходить от имперской государственности – «злой мачехи Расеи».

Тем более актуальной сегодня становится именно «русскость» как форма этнической самоидентификации для нынешних коренных сибиряков. По подсчетам Д.В. Ольшанского, именно в административно-территориальных границах Сибирского федерального округа современной Российской Федерации к середине 1990-х гг. концентрация собственно русского населения составляла около 85 %, то есть она достигла самого максимального для обеих частей страны показателя. Не думаю, что за прошедшие 15 лет демографическая картина в регионе в процентном смысле слишком уж переменялась. Хотя численность русских здесь и поубавилось. В реальности современная Сибирь – была и остается базовой частью Русской земли, центром Евразии, ее «хартлендом», по терминологии Х. Макиндера.

Ценным источником для адекватной реконструкции национально-региональной геополитической стратегии областничества является программная статья Г.Н. Потанина «Заметки о Западной Сибири» (1860 г.). Ключевой вывод ее совсем даже и не «сепаратистский». Он сформулирован в духе последовательного демократического федерализма, что, по всей вероятности, сильно раздражает и нынешних оппонентов областничества из лагеря так называемых имперцев. «Русский народ заложил здесь новые основания, – четко декларировал свою позицию ведущий идеолог движения, – для продолжения своей жизни. Если представить в будущем Сибирь, так же населенную, как нынешняя европейская Россия, то нельзя не подумать, что **центр тяготения русского государства должен перейти на нее**». Однако для того, чтобы заселение и полноценное хозяйственное освоение русским народом богатых ресурсами пространств Северной Азии развертывалось с «американской быстротой», необходима, по оценке Потанина, «свобода труда и социальной жизни». В данной статье четко сформулирована **диаметрально противоположная сепаратизму** идея гипотетически возможной в близкой или отдаленной перспективе закономерной будущей передислокации общенационального центра государственного управления из европейской, западной половины страны в срединную (действительно центральную) ее восточную часть – в сибирский «хартленд». Но, чтобы понять истинный смысл областнического прогноза, необходимо, наверное, избавиться от глубоко укоренившихся традиционных представлений о Сибири как отдаленной периферии страны.

Примечательно, что в 1910-е, как и в 1860-е гг., областники оставались последовательными сторонниками всесторонней и полной ликвидации жестко централизованной имперской государственности с последующим воссозданием исторически традиционной общерусской политической системы, которая предполагает федеративное, союзно-земское административное деление страны на самоуправляемые автономные регионы (области). «Процесс расчленения пугает робких публицистов, – возражал оппонентам Г.Н. Потанин, выступая с речью на своем 80-летнем юбилее 21 сентября 1915 г. – они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный: расчленение не есть распадение, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...».

Такой скрепляющей страну силой, по его мнению, является «духовный багаж, который создан творческим духом русской народности». В переломном для национальной истории революционном 1917-м году. он снова подчеркивал, что «сибирские областники, сознавая себя членами русского народа и не желая с ним портить связь, – **распространяют свой идеал на все государство**; они мечтают, что **вся Россия** будет

разделена на области, и что у каждой области будет свой парламент и свои министерства, и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей **федерацией** будет стоять объединяющая Государственная Дума <...> Учредительное собрание установит пределы, в которых будет происходить законодательная деятельность центральной думы и областных дум». Нетрудно, полагаю, заметить, что в существующем сегодня конституционном строе отечественной государственности – Российской Федерации – многие концептуальные пожелания ведущего идеолога областничества если не полностью, то формально уже как бы учтены и воплотились в жизнь.

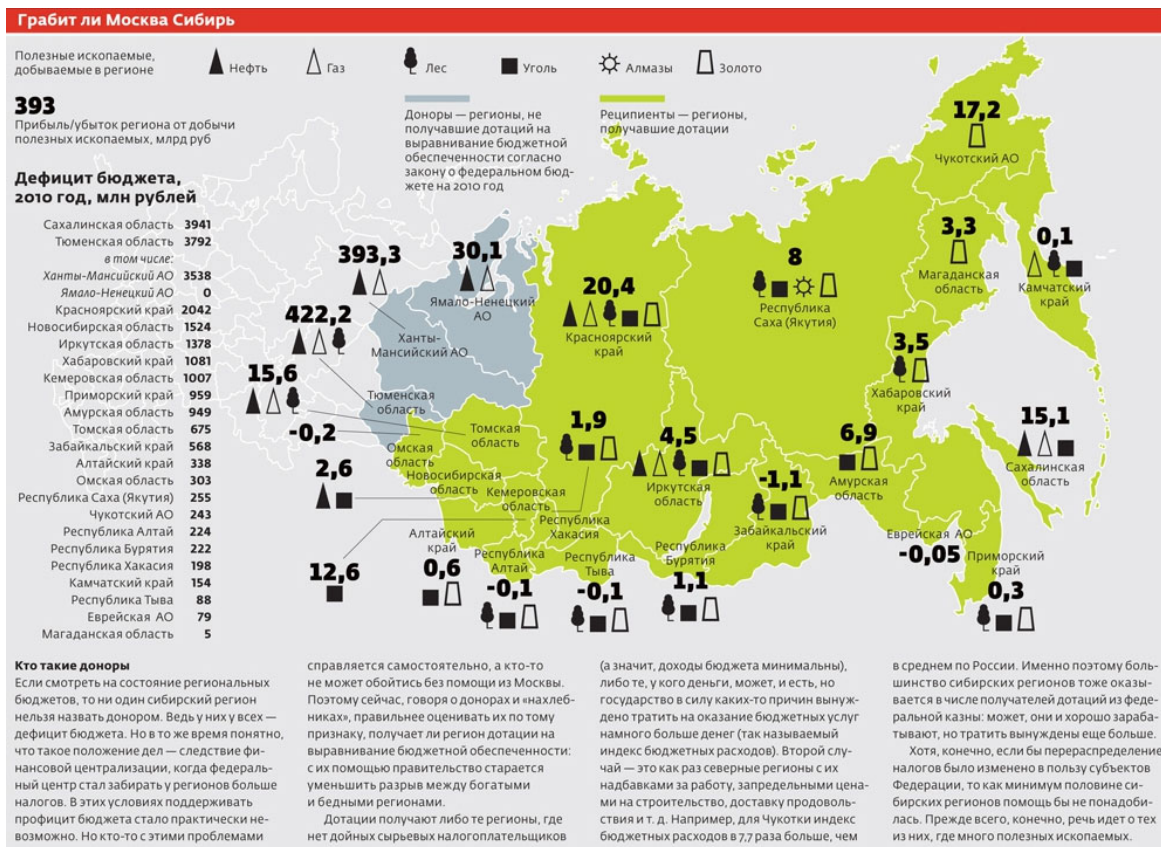
Будущая практическая реализация идеи перемещения административно-политического центра на Восток увязывалась областниками с перспективой кардинальных сдвигов в демографии страны. Но, хотя с момента публикации Г.Н. Потаниным вышеназванной статьи (1860 г.) миновало уже полтора столетия, как говорится, «воз и поныне там». По данным журнала «Эксперт», вся Сибирь, а, точнее, оставшийся после многочисленных административных перекроек массив существенно урезанного Сибирского федерального округа, составляя в современных границах России 40% ее территории, насчитывает всего 16,3% ее населения. Зато именно здесь добывается и вырабатывается «львиная доля» отечественных экспортных ресурсов: до 70% нефти, 90% газа, 60–65% угля, 30–35% электроэнергии.

1.5.4. Современная актуализация идеи переноса политического центра страны в Сибирь

Примечательно, что полузабытая ключевая идея Г.Н. Потанина все более актуализируется в современной России, постепенно занимая свою нишу в национальном общественном сознании. Наверное, такая реанимация аутентичного областнического проекта могла бы состояться намного раньше. Ведь еще в самом начале 1990-х гг. на необходимость коренного разворота на Северо-Восток главного вектора государственной политики новой, посткоммунистической России обращал внимание А.И. Солженицын. Тогда, к сожалению, великого русского писателя и мыслителя никто из лидеров страны не захотел услышать.

Тем не менее, в последние годы проект передислокации «центра тяготения» национального государства в сибирский «хартлэнд» становится популярным среди здравомыслящих соотечественников. Так, в момент своего назначения губернатором Подмосковья бывший глава МЧС Сергей Шойгу высказывался откровенно в поддержку этой идеи. «Вообще, по-хорошему, – заявил он в эфире Русской службы новостей «Голоса Америки», – многие об этом говорят. Я, наверное, один из них. **Столицу надо переносить куда-то дальше, в Сибирь**, мне так кажется». По его же словам, столичные функции логично было бы передать одному из сибирских городов, чтобы вся Россия не превратилась в одну большую Москву.

Ранее с идеей переноса российской столицы на территорию Сибири выступал Эдуард Лимонов. Это был один из пунктов программы Лимонова, с которой покойный оппозиционный политик планировал принять участие в президентских выборах 2012 года. Как рассказывает он сам в интервью РСН, С. Шойгу будто бы от него воспринял эту идею. «Я не предлагаю какой-то конкретный город в Сибири. Я предлагаю **заново**, – утверждал Э. Лимонов, – **на пустом месте воздвигнуть столицу России**. Все города Сибири, построенные в крайнем случае в начале 21 века, узкие и никуда не годятся».

Регионы Сибири в контексте современной экономической географии

Источник: ЭкспертОнлайн, www.expert.ru

По мнению директора Института проблем глобализации Михаила Делягина, смысл в переносе столицы России в Сибирь действительно есть. «Москва – сильно перегруженный город. С другой стороны, перенос столицы в тот или иной регион, – считает Делягин, – а именно на территорию Сибирского федерального округа, создал бы предпосылки для развития Сибири. Это может быть инструментом противодействия потере Сибири Россией. Потому что опасность потери Сибири и Дальнего Востока в настоящее время существует». Но, как считает данный эксперт, перенос столицы не решит проблему децентрализации власти в стране. «В истории России столица несколько раз уже, – поясняет Делягин, – переносилась из Москвы в Петербург и обратно. И весь этот процесс не сопровождался ростом децентрализации. Например, в Казахстане столицу из Алматы перенесли в Астану, и это не решило проблему децентрализации». Переезд московских чиновников в крупные города с уже сложившейся инфраструктурой, по его же оценке, не только не даст нужный толчок развитию региона, а будет лишь «сменой декораций». Если и переносить столицу России, то в небольшой сибирский городок.

Автор аналитического очерка, публикуемого в альманахе «Неизвестная Сибирь», также предлагает **перенести столицу России за Урал**. «Излюбленный мотив природных богатств в рассуждениях о Сибири, – справедливо заметил журналист, – только унижает Сибирь и людей, которые здесь живут. Потому что подчеркивает **колониальный статус** этого края...». Похожие аргументы в пользу такого решения приводятся автором публикации в журнале «Эксперт» Юрием Кирьяновым. «**Развитие и новое освоение Сибири**, – утверждает он, – должно стать национальной идеей России. Это одновременно позволит ответить на сегодняшний вызов Запада и подготовиться к возможному завтрашнему вызову с Востока». Развивая демографический аспект

идейного наследия русских народников-областников, данный автор предлагает сначала «разработать и реализовать **программу заселения Сибири и Дальнего Востока**», которая была бы сопоставима по масштабам со столыпинской переселенческой политикой. «По аналогии с Санкт-Петербургом – «окном в Европу» сдвиг России на Восток должен, – считает данный автор, – предполагать появление «восточной столицы», «центра Сибири», «сердца русского Востока». Для начала такой город мог бы стать третьим (после Москвы и Петербурга) городом федерального значения». Подразумевается, что такой «новой Москвой» мог бы стать, по мнению Кирьянова, Новосибирск.

Да, подобная передислокация в чисто экономическом отношении может показаться обоснованной. Новосибирск, что бесспорно, расположен в стратегически очень выгодном и удобном пункте, на пересечении действующих крупных железнодорожных магистралей: Транссиба и связывающего Сибирь с Центральной Азией Турксиба. Этот мегаполис является уже сегодня крупным торговым хабом и де факто геоэкономическим центром Евразии. Хотя, на мой взгляд, сама идея перемещения даже какой-то доли властных административно-политических (столичных) функций в Новосибирск достаточно уязвима для критики. Реализация проекта поэтапной трансформации самого крупного города Сибири в новый, третий по счету политико-административный центр страны вызывает определенные сомнения, поскольку она будет чревата определенными негативными последствиями. В связи с этим следует напомнить хотя бы о печально знаменитых автомобильных «пробках», угрожающих нынешней столице хроническим транспортным коллапсом. Не исключено, что и «вторую Москву» – Новосибирск, с его растянутой городской и прилегающей территорией, может вполне ожидать та же самая, если не худшая участь.

А не разумнее ли решать эту, бесспорно, вполне назревшую проблему совсем по-иному? В конце концов, есть же аналогичный опыт других стран. Таких, например, как Бразилия, США, Турция или Казахстан, где общенациональные центры политического управления были перемещены в свое время во вновь построенные, притом сравнительно компактные города.

В последние годы политическая необходимость реформирования существующих асимметричных и несправедливых взаимоотношений восточных регионов с «центром» начинает осознаваться и в официальной Москве. Об этом, во-первых, свидетельствует разработка правительством нескольких важных программных документов. Среди них следует особо выделить «Стратегию социально-экономического развития Сибири до 2020 года». Согласно параметрам этой, так и оставшейся не реализованной программы, целевые показатели желаемого роста экономики сибирских регионов «должны соответствовать среднероссийским значениям», а «среднегодовой темп прироста суммарного ВРП начиная с 2012 года должен превышать среднероссийский показатель». Но пока что, указывают эксперты, «львиная доля финансовых и административных ресурсов, необходимых для нормальной жизнедеятельности бизнеса, сосредоточивается в столице нашей родины». Сложившиеся диспропорции «приводят к масштабному оттоку капитала из Сибири в европейскую часть страны и за границу». Ежегодный объем вывозимых из регионов Сибири финансовых средств уже ныне сопоставим с размерами совокупного валового регионального продукта, что не может, конечно, не препятствовать экономическому росту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Чтобы наконец-то реализовать свой богатейший ресурсный потенциал, Сибирь, этот «благословенный край», нуждается, как и вся страна, в глубокой системной модернизации. Рассматривая историю освоения восточных регионов России, сравнивая

их положение в советское время и нынешнее плачевное состояние, Валерий Зубов и Владислав Иноземцев приходят к внешне парадоксальному выводу. Авторы монографии «Сибирское благословение» полагают, что Сибирь (в традиционном смысле – от Уральских гор до Тихого океана) – может стать главным получателем выгоды от гипотетически возможной российской модернизации. Правда, сама вероятность запуска данного процесса из ныне действующего федерального «центра» не выглядит, по их же оценке, обнадеживающей.

Итак, с недавних пор даже отдельные представители нынешней центральной власти начинают вроде бы осознавать, что единственным реальным способом устранения несправедливых диспропорций является динамичное экономическое развитие Сибири, рост благосостояния всех ее граждан, создание новых рабочих мест и необходимых стимулов для поощрения миграции трудовых ресурсов из депрессивной европейской части страны на Восток. Правда, многие из намеченных правительством Российской Федерации мер в основном оказались чисто декларативными. Традиционный бюрократический саботаж чиновниками согласованных на региональном и федеральном уровнях правительственных установок также остается неразрешимой проблемой. Действующая государственная власть России, что очевидно, пока еще не готова к радикальному разрыву с порочной практикой прошлых лет, когда Сибирь де факто была колонией имперской, а затем коммунистической государственной власти. Но главный положительный смысл наметившейся тенденции заключается в том, что все-таки «лед тронулся». Надеюсь, что данный процесс хотя бы на следующем витке развития страны станет в этот раз уже точно необратимым.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Научные источники

Должиков В.А. Движение сибирских областников: официальный миф и национально-региональная идентичность // Современная Россия и мир: альтернативы развития: Материалы международной конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 205–209.

Должиков В.А. Историческая миссия Русской Сибири как трансконтинентального посредника на евразийском экономическом пространстве // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: Материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. С. 55–71.

Должиков В.А. Областничество как национально-региональный вариант «русской идеи» // Мысль. Журнал Петербургского философ. об-ва. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 81–87.

Дружинин Р. Инвестиции сами просятся в руки // Торговый мост. 2006. № 31. 7–13 августа. С. 10.

Зубов В., Иноземцев В. Сибирское благословение. М., 2013

Кирьянов Ю. Россия: сдвиг на Восток? // Эксперт – Сибирь. 2008. № 36. 15–21 сентября. С. 30–33.

Макиндрер Х. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 152–158.

Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М., 2008.

Ольшанский Д.В. О «национальной» гордости «великороссов» // Родина. 1994. № 10.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Т. I–II. Барнаул; Новосибирск, 2019.

Тема 1.6. Исторические аспекты формирования национального состава Алтайского края

сост. Шаранов А.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ До прихода русских переселенцев в начале XVIII в., Алтайский край был местом проживания тюркского народа – телеутов, которое получило название «Телеутская земля».
- ✓ Согласно актовым записям XVII в. территория «Телеутской земли» включала в себя весь современный Алтайский край, юг Новосибирской области, северную часть республики Алтай и граничащие с Алтайским краем районы Кемеровской области.
- ✓ Важно отметить, что до начала 1660-х гг. главные телеутские кочевья находились на правом берегу Оби, а в 1663–1664 гг. они были перенесены на левый берег Оби и в алтайские предгорья, а с начала XVIII века в горы Алтая, включая южный Алтай (Бухтарма и притоки Иртыша). Хотя отдельные группы телеутов кочевали в верхнем приобье вплоть до 1718 г.

*Границы расселения народов в юго-западной Сибири в XVII в.
(Уманский, 1995. С.140)*

В XVII в. на данной земле благодаря сочетанию различных природных факторов сформировались несколько вариантов хозяйственной деятельности человека. Так, в степях Горного Алтая и Верхнеобья основным видом деятельности являлось полукочевое и кочевое скотоводство, а охота и рыбная ловля была в качестве вспомогательной. В лесных районах сформировалось комплексное хозяйство, в частности пастушеское скотоводство, мотыжное земледелие, охота и рыболовство с собирательством занимали равнозначные позиции. Также велась работа по добычи руд и обработке металлов (шорцы). Первый вариант был характерен в XVII веке для южных алтайцев (телеуты, телесы), второй для северных алтайцев и шорцев.

Существовавшие природные условия позволили интенсифицировать торговые контакты с сопредельными территориями. Исключительную роль в жизни телеутов играла торговля с русскими людьми. С начала XVII до 1710-х гг. крупными центрами телеутского торгового обмена стали Кузнец и Томск. Важным товаром в торговых отношениях телеутов и русских был скот, а не пушной зверь как у других сибирских народов. Данную закономерность подтверждают ясачные и таможенные книги описываемой эпохи. Торговля носила меновый характер.

На протяжении XVII в. целью телеутских князей была сохранение самостоятельности от влиятельных соседей: Московского государства и Джунгарского ханства. Кроме того, они стремились увеличить количество данников (кыштимов) из числа соседних народов, в первую очередь народов северного Алтая и шорцев.

Следуя этой стратегии, телеутские ханы активно участвовали в восстании сибирских татар 1629–1632 гг. против Московского государства. Также в период обострения отношений с местными воеводами нападали на Томск и Новокузнецк (1644, 1651, 1680–81 гг.). Данная тактика приносила свои плоды в отношениях с Россией при хане Абака, Коке и Табуне, но провалилась по отношению к Джунгарскому ханству.

Начиная со второй половины XVII в. телеутские князья постепенно попадают под влияние и зависимость от Джунгарского ханства. Они были обязаны принести клятву (шерть), в 1670–80-е гг. платить дань, нести военную повинность, отказаться от самостоятельной внешней политики. Кроме того, в начале XVIII в. телеуты были насильственно переселены во внутренние районы Джунгарского ханства. Причины такого решения заключались в необходимости дополнительных людских ресурсов для защиты Джунгарского ханства и опасении перехода телеутов в подданство Московского государства.

Одной из причин краха самостоятельности «Телеутской земли» стало развитие феодальных отношений среди телеутов. В телеутском обществе выделились несколько групп населения с разным социально-экономическим уровнем – князцы, мурзы, лучшие люди, улусные люди, дворовые люди, рабы (кулы), кыштимы.

«Князцы» представляли верхушку телеутской феодальной племенной знати. Знатное происхождение и высокое общественное положение выделяло их из массы рядовых телеутов.

«Мурзы» считались знатными телеутами, владеющими малыми улусами.

К «Лучшим людям» относили категорию людей способных самостоятельно вести хозяйство, также они отличались богатством и знатным происхождением.

«Улусные люди» были самой многочисленной категорией телеутов самостоятельно ведущих свое хозяйство. Они несли повинность «ярчи» в виде натуральной ренты-подати (продуктовой или отработочной).

«Дворовыми людьми» были лично зависимые, обедневшие телеуты, несшие отработочную ренту.

Рабами становились военнопленные, лишенные всяческих прав.

Кыштимами являлись соплеменники и иные народы, платившие дань телеутам.

Политическая структура телеутского общества в XVII в. была следующая: «Телеутская земля» состояла из двух улусов, которые при помощи родственников и ближних людей правили главные и старшие князья. Большие улусы делились на малые улусы, которые управляли членами княжеских фамилий (мурзы, князцы). Малые улусы состояли из мелких улусов - общин, которые возглавляли «лучшие люди».

Как следствие, в 1635г. произошло дробление единого телеутского ханства на 2 улуса (хан Кока и Мачик), которые в дальнейшем были разделены на более мелкие фактически самостоятельные государственные образования.

Особое внимание необходимо отметить на то, что телеуты никогда не были в подданстве Московского царя. Отношения с Московским государством можно охарактеризовать как военный союз, в рамках которого предпринимались совместные походы против кыргызов, осуществлялся пропуск через свою территорию разведывательных отрядов русских воевод в отношении джунгаров.

По-разному складывались взаимоотношения телеутов с другими соседними тюркоязычными племенами (западносибирские татары, тувинцы (их предки), енисейские кыргызы, различные группы северных и южных алтайцев). Так, на отношения телеутов с сибирскими татарами откладывало отпечаток сильное влияние московского государства. Ярким примером являлась твердая промосковская позиция томских татар во время восстания 1628 г. в западной Сибири. Телеутско-кыргызские отношения ознаменовались не только борьбой за кыштимов (данников), но и попытками объединения усилий в борьбе с Московским государством. В 1650-е гг. телеутских хан Кока направил посла к кыргызам «о совместном кочевке двух народов», но посла по дороге перехватили монголы, возглавляемые Лоджан-ханом и предложили свои условия в решении вопроса совместной борьбы с Россией. В свою очередь, русские отправили своего посла, который вразумил хана Коку о ошибочности этой инициативы. Таким образом, смелая идея союза двух народов не реализовалась по причине перехвата инициативы со стороны влиятельных соседей, которые видели в этой инициативе угрозу своим интересам в этом регионе. Далее после подчинения телеутов и кыргызов Джунгарии противоречия между ними исчезли. Взаимоотношения телеутов с тувинцами складывались противоречиво: от откровенной враждебности (кужегеты) до дружбы (верхние саянцы и орчаки) и обычного данничества (керсагальцы).

В силу слабой организованности и малочисленности племенных групп, отношения с народами северного Алтая отличались зависимостью последних от телеутов. Северные алтайцы платили дань. Так в 1640-е гг. хан Кока собирал 5 соболей с человека. В 1679 г. при хане Табуне объем сборов увеличился до 6 соболей, но это все равно было значительно меньше, чем русский ясак, который составлял 10 соболей в Юсской волости. Телеуты выступали против обьясачивания кумандинцев, челканцев, тубаларов, считая их своими кышtimaми.

Русские стремились обьясачить в первую очередь шорцев, чтобы они не торговали с телеутами холодным оружием.

Такое противостояние сформировало следующую политику телеутов к подданному населению:

- 1) Хан Абак предоставлял защиту беглым людям, которые отказывались платить ясак русскому царю, а также разрешал селиться на территории «Телеутской земли»;
- 2) существовала насильственная депортация ясачных людей на свою территорию;
- 3) Хан Абак проводил агитацию среди народов, чтобы те не платили ясак. Такая форма работы приносила успех. В 1629 г. северные алтайцы в массовом порядке отказывались выплачивать ясак;
- 4) наблюдались неоднократные атаки телеутов на русских ясачников.

Во взаимоотношениях с соседними покоренными народами, телеуты в основном использовали насильственные способы собора дани.

Наиболее пострадавшим народом в процессе обьясачивания стали телесы, которые были троеданиками. Выплачивали дань русским, телеутам, ойротам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период XVII–XVIII вв. территория Алтайского края отличалась этническим многообразием. Большое количество племенных образований располагались на постоянной основе в виде кочевий или временно в форме военных походов. Телеуты осуществляли тесное взаимодействие со всеми соседними народами. Данное взаимодействие не носило линейный характер: от династических браков, меновой торговли до открытых вооруженных конфликтов. Политика телеутских князей, которая была направлена на сохранение независимости и расширение сферы собственного влияния, оказалась неэффективной. В конце XVII в. «Телеутская земля» попала в зависимость от Джунгарского ханства, а в 1710-е гг. была покинута телеутским народом и стала частью российского государства.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Приходные окладные ясачные книги Томского уезда, 1706–1718 гг. : с приложением карты ясачных волостей и снимка с рукописи. – Томск : издал Кузнецов-Красноярский, 1893. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000343837> (дата обращения: 1.02.2020).

Уманский А.П. Телеуты и их соседи. Барнаул XVIII- первой четверти XVIII века, 1995. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, Ч.2. 228с.

Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII-первой четверти XVIII века Ч.1. 1995. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 176 с.

Тема 1.7. Современные этнополитические угрозы национально-региональной безопасности в трансграничном пространстве Большого Алтая

сост. Должиков В.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Научная и общественно-политическая актуальность рассматриваемой темы связана с характерным «срединным» географическим статусом Алтая в трансграничном пространстве Центральной Азии. Особое внимание в разделе уделяется соседнему Китаю, который, являясь сверхдержавой, стремится сегодня играть ведущую роль не только в экономике, но и в политической жизни Большого Алтая. В качестве более сильного и успешного конкурента на мировой арене он может представлять угрозу национальным интересам Российской Федерации в целом и региональным интересам Русского Алтая, в частности.
- ✓ В основной части раздела анализируются конкретные проблемы национально-региональной безопасности. Такие, например, как изъятие «центром» больших, богатых человеческим (народным) капиталом и геолого-минералогическими ресурсами, территориальных фрагментов, исторически принадлежавших краю по праву их заселения и освоения. Рассматриваются и нетрадиционные угрозы экологического характера, возникшие на территории Русского Алтая вследствие недальновидных и крайне опасных для здоровья народа решений о размещении поблизости двух источников массового радиоактивного и химического загрязнения (Семипалатинского полигона и космодрома Байконур).
- ✓ Автор представленного текста посчитал также необходимым включить малоизвестный исторический эпизод с разработкой в имперской России проекта создания так называемой Желтороссии и его полного краха. Этот сюжет конца XIX – начала XX столетий является иллюстрацией переменчивости судьбы тех великих держав, которых увлекал губительный путь внешней имперской экспансии.
- ✓ В заключение сформулирован осторожный оптимистический вывод о сохраняющихся пока что возможностях решения острых вопросов национальной безопасности на общероссийском и краевом уровнях.

1.7.1. Место и роль русского сегмента географической страны Большой Алтай в отечественной и мировой истории

Вначале определимся с используемыми в тексте ключевыми терминологическими понятиями. Так, принятым среди исследователей двусложным словосочетанием «Большой Алтай» обозначается действительно громадное трансграничное территориальное пространство, расположенное ровно в середине Центральной Азии. Диалектно-тюркские слова «тай», «тау», «тоо», «туу» и т.д. можно перевести на русский язык именно как «страна». Сразу же волнен-ноленс возникает любопытная семантическая параллель двух этногеографических названий: **Алтай** и **Китай**. Тем более, что в соседнем с Россией государстве – Китайской Народной Республике – также имеется регион с аналогичным названием Алтай (в прошлом – Джунгарский Алтай). Он входит в состав Или-Казахского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Еще в Монголии есть свой Алтай, а в Казахстане их сразу два: Заилийский и Рудный.

Действительно, Большой Алтай – это целая горная страна, которая в мировой истории всегда занимала важное место в качестве своеобразного транзитного пункта во времена периодически повторяющихся массовых этнических миграций и военных походов. Очень многие этносы индоевропейского происхождения и не только они, а, в том числе, современные потомки балтов, германцев, кельтов, славян, тюрков, финно-угров, других крупных и малых народов, так или иначе прошли когда-то сквозь Алтай, останавливаясь на какое-то время в его пределах. Некоторые из них начинали отсюда свое движение в западном, иные шли в восточном направлении вплоть до Америки и островов Тихого океана. «...Именно алтайские племена многие тысячи лет назад, переместившись через существовавший тогда «Берингов мост», – отмечает автор сайта Газета.Ру, – заселили весь [американский] континент». Научным коллективом новосибирского Института цитологии и генетики СО РАН совместно с группой антропологов Университета Пенсильвании были проведены масштабные исследования, которые подтверждают, что прародиной североамериканских индейцев является Алтай. Ведущий профессор антропологии Пенсильванского университета Теодор Шурр делает особый акцент на том, что Алтай – это «ключевая точка, место, куда люди приходили и откуда уходили в течение тысяч и тысяч лет».

Нынешний «Русский Алтай» или «Алтайская Русь», как еще иначе называл свою малую родину Г.Д. Гребенщиков, продолжает оставаться исторической составной частью Большой России (Великоруссии). Неслучайно в сознании многих соотечественников и современников край ассоциируется по-прежнему с легендарными мифологемами вроде «Беловодья», «Жемчужины Сибири» или «Оазиса Света» – «Шамбалы», хотя сегодня регион существует в изуродованном большевистской властью, безжалостно урезанном виде. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть хотя бы мельком на современную географическую карту Российской Федерации. Административно-территориальная граница края обозначена на ней с западной стороны по точной аналогии с бывшими западными колониями в Африке, то есть она была проведена по линейке.

В 1937-м году, на самом пике государственного террора и политических репрессий, перекраивая контуры сибирских регионов, московский сталинский «центр» отделил Кузнецкий Алтай (ныне это «Кузбасс») и Рудный Алтай вместе с материковой частью степной равнины края (теперь эти территории вообще принадлежат другой стране – Казахстану). Русскую часть Большого Алтая коммунистический тоталитарный режим превратил, по сути, в огрызок и фактически ограбил. Для региона величиной с большое европейское государство, такое, к примеру, как Франция, это была настоящая трагедия.

Другим бедствием похожего, но меньшего масштаба являлось последнее по времени административно-территориальное отделение горной части Русского Алтая от остаточного материкового ядра, состоявшееся в начале 1990-х гг. В ретроспективе теперь понятно, что спровоцировала данную акцию главным образом политика пресловутой «суверенизации» регионов, поощренная в известной мере первым президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным. «Берите суверенитета столько, – говорил он 8 августа 1990 г. на встрече с общественностью Казани, являясь тогда еще Председателем Верховного Совета РСФСР, – сколько сможете проглотить». Позднее стало известно, что эта фраза была точной калькой англоязычного выражения «To bite off more than you can chew». Что же касается реплики Ельцина о суверенитете, то она была широко растиражирована в СМИ, резко повысив уровень сепаратистских настроений в стране. Она стимулировала так называемый парад суверенитетов, имевший не только сугубо национальный характер.

*Действительность такова, что сегодня всем регионам Сибири, включая Алтай, катастрофически не хватает населения. К примеру, в сопредельной китайской провинции Большого Алтая – Синьцзяне – проживает больше 24-х миллионов человек, а на территории Русского Алтая – чуть больше 2-х миллионов, то есть на целый порядок меньше. Демографическая «черная дыра» возникла **в центре страны** (а Западная Сибирь это и есть центральная часть России, ее «хартлэнд», по терминологии британского историка Х. Макиндера), вовсе не случайно. Де факто все политические режимы, которые когда-либо правили в России, за крайне редким исключением, сознательно или бессознательно, препятствовали свободному хозяйственному освоению русским народом земель и ресурсов евразийской сердцевины страны. Государственная власть проводила в ее отношении крепостническую политику так называемой штрафной колонизации. В Сибирь ссылались все неугодные властям подданные империи по принципу «дальше едешь, тише будешь!». По преимуществу такими вот репрессивными мотивами руководствовалась имперская бюрократия. Похожим образом действовала и правившая в СССР коммунистическая номенклатура, создавая колоссальный по всем стандартам каторжный ГУЛАГ. Дозировано выпуская какую-то малую часть подвластного народа в Сибирь, правители Российской империи и Советского Союза, унаследовавшего от своих предшественников те же самые принципы региональной политики, вряд ли задумывались о возможных будущих негативных ее последствиях: демографических, социально-экономических и внешнеполитических.*

1.7.2. Китай как экзистенциальная угроза национально-региональной безопасности

Конечные результаты недалёковидной в социально-демографическом смысле государственной политики «центра» по отношению к азиатским регионам России предвидели русские мыслители-патриоты. Сошлюсь, к примеру, на давний прогноз одного из них – Михаила Бакунина. Еще в 1873-м году, напоминая русской общественности о соседнем Китае с его территориальной стесненностью и сотнями миллионов нищих жителей, он предостерегал соотечественников о том, что рано или поздно все эти «массы **могут двинуться, наконец, на север и северо-запад**». И что же произойдет в таком случае? «**Тогда в одно мгновение ока Сибирь**, весь край, простирающийся от Татарского пролива до Уральских гор и до Каспийского моря, – предсказывал М.А. Бакунин, – **перестанет быть русской**». Китайцы, по его прогнозу, «не только наводнят всю Сибирь –...но перевалят и через Урал», а затем даже выйдут «**к самой Волге**» (выделено мной – В.Д.). В этом состоит, с точки зрения всемирно известного философа-интернационалиста, стратегический экзистенциальный характер китайской «желтой угрозы».

Вместе с тем Бакунин предвидел, например, и будущее неминуемое военное столкновение двух империй – Германской и Российской, которое впоследствии стало прелюдией к Первой мировой войне. Об этом неизбежном, по его же оценке, глобальном конфликте он писал задолго до кровавой развязки, еще в 1873-м году. Хотя на тот момент российская верховная власть в лице императора Александра II проводила внешнюю политику, между прочим, абсолютно прогерманскую. «Существование двух огромных империй друг подле друга, – замечал М.А. Бакунин, – влечет за собой войну, которая не может кончиться иначе, как разрушением или одной, или другой». И я бы не советовал просто так отмахиваться от подобного рода прогнозов лишь потому, что Бакунин, дескать, это же «анархист», «великий путаник», «противоречивый теоретик» и т.п. Данный сомнительный образ, не имеющий ничего общего с действительной ролью этого человека в отечественной и мировой истории, надо полагать, специально внедрен коммунистической пропагандой в национальное сознание. Потому что как раз именно

Михаил Бакунин, который являлся главным идеологическим оппонентом и политическим соперником Карла Маркса в общеевропейском рабочем движении 1840-х – 1870-х гг., поставил точный и даже в мельчайших деталях сбывшийся диагноз реально вредной и опасной для всего человечества доктрине основоположника «государственного коммунизма». Некоторым прогнозам, вероятнее всего, суждено сбываться далеко не сразу, а по прошествии длительного исторического времени.

Если экстраполировать прогностический смысл вышеупомянутых высказываний Бакунина на историю военного конфликта находившихся опять же «друг подле друга» нацистской Третьей Империи (по-немецки, Третьего Рейха) и Красной империи Сталина, то нетрудно заметить, что теоретический подход русского мыслителя к данной теме снова оправдался на сто процентов. Думаю, что Вторая мировая война в том виде, в котором она сегодня известна, вряд ли стала бы возможной, если бы между Германией и Советским Союзом продолжало существовать буферное Польское государство. Но как только этот буфер был уничтожен ими же самими, никакой договор «о дружбе и границах» 1940 года уже не мог удержать вчерашних партнеров по торговле и сотрудничеству от решающей тотальной схватки. Вдумаемся только: а какая мировая война вообще-то возможна без исторической России? В настоящее время место распавшейся Красной империи – Советского Союза успешно занял коммунистический Китай. Сегодня между этим государством тоталитарного типа с его тысячелетним имперским прошлым, с одной стороны, и Российской Федерацией, авторитарная верховная власть которой сохранила вековые имперские амбиции, с другой, никакого ведь буфера тоже нет. Значит, если прав был Бакунин, столкновения между ними не избежать.

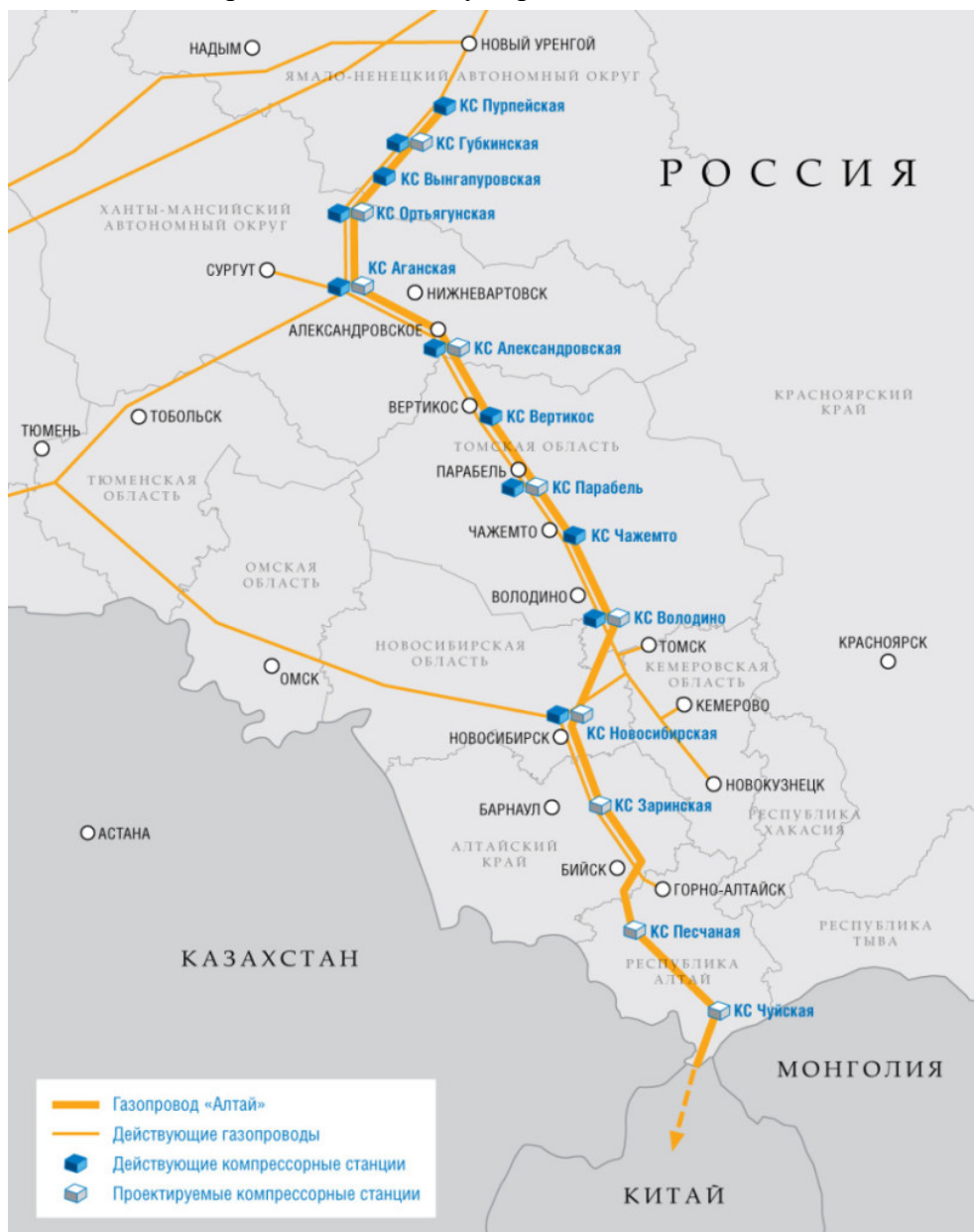
Можно, разумеется, официальным СМИ сколько угодно убеждать нас в том, что никакой китайской «желтой угрозы» национальной безопасности России вовсе не существует. К примеру, на своем недавнем брифинге в январе 2020 г. пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков заявил собравшимся журналистам: «Китай является нашим союзником, стратегическим союзником, нашим партнером, партнером и в политическом, и в торгово-экономическом плане. Мы дорожим нашими отношениями». Но так ли прекрасно на самом деле все обстоит сейчас?

Многие отечественные эксперты-политологи считают, что союзнические, партнерские взаимоотношения Китая с Россией имеют временный и тактический характер. Причем это касается обеих сторон, задействованных в новой многоаспектной и сложной «большой игре», которая разворачивается в трансграничном пространстве Центральной Азии. Решающий удельный вес набирает здесь КНР, а не Россия. Правда, пока что руководители Китая не демонстрируют открыто своих имперских амбиций и вроде бы даже не вмешиваются в политику государств Центральной Азии. Такая гибкая внешнеполитическая линия мотивирует многих российских экспертов-синологов к тому, чтобы характеризовать данный курс как «мирное возвышение» Китая в Центральной Азии. Отсюда – критика меньшинства исследователей, которые придерживаются иной позиции, утверждая, что по доктринальной природе своей коммунистический пекинский режим латентно экспансионистский, что рано или поздно Китай станет в открытую выступать с имперскими территориальными претензиями к ближайшим соседям. Признаюсь, лично я принадлежу ко второй группе. Тем более, что реалии свидетельствуют в пользу такой немодной нынче позиции.

Насколько мне известно, в КНР давно массовым тиражом издаются географические карты для общеобразовательных школ, на которых все южные территории Сибири, включая Алтай, обозначены как «великая Северная целина» или «временно утраченные китайские территории». Иначе говоря, так или иначе, но Пекин планирует все же форсированную «китаизацию» богатых разнообразными природными ресурсами сибирских просторов, хотя бы экономическую, по крайней мере. Интересует руковод-

ство КНР, конечно же, и весь Большой Алтай как сопредельный регион Центральной Азии, который в Пекине давно считают зоной своих «национальных» (имперских, в действительности) геополитических интересов. Причем великодержавные амбиции усиливаются, аппетиты растут не по дням, а по часам.

Главная проблема национальной безопасности региона сегодня состоит, на мой взгляд, в том, что уничижительное отношение к Русскому Алтаю засело где-то в глубине подкорки столичной чиновной номенклатуры. Не об этом ли свидетельствуют исходившие от нынешней государственной власти «масштабные» проекты: возведения целого каскада ГЭС на Катунь, строительства центра игорного бизнеса, а вот, наконец, и магистрального газопровода «Алтай» с широкой автострадой в коммунистический Китай. Последняя из вышеперечисленных инициатив «центра» заслуживает пристального внимания со стороны общественности. Вообще-то необходимо, с учетом исторических реалий и в контексте современной геополитики, декодировать скрытый смысл этого проекта. Пора назвать вещи своими именами. Было бы правильнее говорить о планируемом строительстве прокладке **транс-евразийской автомагистрали**, ведущей отнюдь не из России в Китай, а, наоборот, **из Китая** вглубь российской части Большого Алтая.

По максимуму данный проект выгоден именно китайским «союзникам» для дальнейшего расширения транспортной инфраструктуры, призванной облегчить **товарно-экономическую экспансию**. Уже сегодня ее масштабы должны вызывать серьезные опасения. Не секрет, что в торговых сетях края, да, пожалуй, и всей Сибири по объемам рыночных продаж доминирует продукция китайской, а вовсе не отечественной промышленности. «Не за горами», как говорится, и социально-демографическая экспансия, которая предполагает растущее воспроизводство соответствующих коммуникационных возможностей!

Для России создание Таможенного союза, а затем и ЕАЭС являлось одним из механизмов сдерживания экономической активности бурно развивающегося Китая в Центральной Азии, этом большом регионе мира. Кроме того, московскую власть беспокоит и другой крупный игрок на международной геополитической авансцене в лице Турции. Поскольку дальнейшее политическое и экономическое усиление этого в прошлом также имперского государства на постсоветском пространстве действительно представляет угрозу срыва повторной интеграции стран, входивших ранее в Советский Союз. Тем более, что долгосрочные перспективы участия такой крупной страны как Казахстан в новом союзе теперь довольно туманны. И никто сейчас не может гарантировать, что в будущем новый президент Республики Казахстан в какой-то момент окончательно не переориентируется в сторону более тесного сближения или с Китаем, или с Турцией, или с другими тюркоязычными мусульманскими странами. Ведь проект «Великого Туркестана» продолжает оставаться в багаже стратегических замыслов казахстанской правящей верхушки.

Сегодня постсоветские независимые государства Центральной Азии, все больше и больше склоняются к так называемой многовекторной внешней политике. Однако все они официальной Москвой рассматриваются в качестве уязвимого «мягкого подбрюшья» российской державы. Поэтому экономическое присутствие Китая, его немалые инвестиции в энергетическую сферу экономики Центральной Азии объективно усиливают позиции центральноазиатских республик во взаимоотношениях с правительством России, владевшим ранее традиционной монополией на транспортировку энергоносителей из этого региона. Но и для Москвы отношения со странами Центральной Азии являются, безусловно, по-прежнему приоритетными. Россия привыкла рассматривать данную территорию как сферу собственных интересов, связанных с экономическим сотрудничеством, обеспечением безопасности, с необходимостью противодействия растущему наркотрафику и т.п.

Недаром, считая взаимодействие с республиками Центральной Азии крайне важным, Китай стремится заранее обезопасить свои северо-западные районы, а, прежде всего, Синьцзян, где преобладает мусульманское и тюркоязычное население. Здесь в последние годы при финансовой поддержке центральной пекинской власти упрещающими темпами развиваются экономика, инфраструктура, образование. Также логичным представляется тот факт, что краеугольным камнем китайско-российского взаимодействия являются, во-первых, нефтегазовые ресурсы, а, во-вторых, торговые и транспортные коммуникации. Китай испытывает своеобразный «энергетический голод», поскольку потребности растущей экономики требуют притока извне новых и новых дополнительных ресурсов.

В свое время решение о строительстве транзитного магистрального газопровода «Алтай» по заповедному горному плато Укок с одновременной прокладкой широкополосной автострады в КНР было принято высокопоставленными московскими чиновниками, которые, по сложившейся традиции, не приучены размышлять о возможных последствиях и для региона, и для страны в целом. Понять смысл подобных действий государственного «центра», полагаю, все-таки можно. Только рассматривать длинную

их вереницу надо в общем историческом контексте региональной политики отечественной государственной власти, проводившейся на протяжении десятилетий и даже столетий.

1.7.3. Проект «Желтороссия» в историческом контексте

В 80-е годы прошлого века, работая с документами в одном из московских архивов, я обнаружил весьма любопытную переписку чиновников иркутской региональной администрации. В этих письмах, которые относятся к началу 1860-х гг., четко артикулировалась идея инкорпорации новых дальневосточных территорий в состав Российской Империи, в том числе Маньчжурии, Монголии, а также Кореи. Тогда, в 1860-х гг., все три окраинные области Китайской империи находились еще под властью маньчжурской (северо-восточной, монгольской по своему этническому происхождению) династии Цин. Один из чиновников с понятной ностальгией вспоминал о нашумевших и, действительно, грандиозных внешнеполитических успехах генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. В 1850-е гг. он смог решить без особой поддержки со стороны официального Петербурга, не прибегая к военной силе, достаточно сложную внешнеполитическую задачу. «Граф Мурафу», как его называли маньчжурские партнеры по приграничным переговорам 1857–1859 гг., сумел с ними договориться и, взяв на вооружение позаимствованную у тех же китайцев дипломатию «мягкой силы», мирным путем добился присоединения к России на Дальнем Востоке гигантского по своей площади (1,5 млн. кв. км) незаселенного территориального пространства. Ныне это современные Амурская область, Хабаровский и Приморский края Российской Федерации. Так вот, автор одного из писем, адресованных преемнику графа Муравьева-Амурского, генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову советовал ему поразмышлять о возобновлении перспективного проекта.

Для будущей провинции было придумано весьма оригинальное название – «Желтороссия» (по ассоциации с другими «украинами» – Малороссией и Новороссией). Обосновывая реалистичность самой идеи, чиновник ссылаясь на то, что маньчжуры, дескать, это ведь те же монголо-татары. Значит, согласно такой логике, они – «наши» для России, являющейся прямой наследницей монголо-татарской державы – Золотой Орды. Поскольку все другие бывшие ордынские подданные со своими землями входят уже в состав Российского государства, постольку должна наступить очередь и до последних, самых восточных татар, т.е. маньчжуров.

При всей кажущейся фантастичности такого плана у него, между прочим, нашлось немало сторонников. Самым известным и наиболее влиятельным из них был А.М. Безобразов, который в молодости какое-то время служил в Иркутске. Здесь, вероятнее всего, с проектом создания дальневосточной Желтороссии он и познакомился. Это ведь ему, главарю «безобразовской шайки», принадлежит авторство печально знаменитого, растиражированного тезиса о «желтой угрозе» со стороны Японской империи. «Чего уж нам бояться этих макак, – говорил он, – мы их шапками закидаем!». Другим активным сторонником данного проекта являлся тогда князь Э.Э. Ухтомский. «Азиатские народы, которые не будут разбужены нами, – утверждал он в своей брошюре 1900 года «К событиям в Китае. Об отношении России и Запада к Востоку», – станут для России опасностью еще большей, чем враги с Запада».

Правда, авантюрным замыслам тогдашних российских имперцев не суждено было впоследствии сбыться. Помешали многие факторы, главным из которых являлся резко углубившийся в ходе проигранной русско-японской войны 1904–1905 гг. системный политический кризис отечественной власти. На память об этом нереализованном

проекте в топонимике Дальнего Востока сохранилось странное и неуместное, казалось бы, географическое название. Имеется в виду Татарский пролив на тихоокеанском побережье современной России.

Финал попытки осуществления данного геополитического проекта, впрочем, оказался далеко не триумфальным. С российской стороны создать Желтороссию в свое время не удалось. Однако теперь на наших глазах все четче прорисовывается перспектива возобновления той же идеи, но уже с другой, противоположной китайской стороны. Насколько мне известно, в КНР массовым тиражом издаются географические карты для общеобразовательных школ, на которых все южные территории Сибири обозначены как «Великая Северная целина» или «временно утраченные китайские территории». Иначе говоря, Пекин планирует начать форсированную «китаизацию» богатых разнообразными ресурсами сибирских просторов²⁸. А весь опыт мировой истории свидетельствует о том, что внешняя экспансия любой сверхдержавы начинается с прокладки вместительных и удобных дорог, ведущих к объекту предстоящего захвата. Не следует забывать, что российская государственная власть в период существования великой континентальной империи действовала в отношении намеченных к аннексии сопредельных территорий аналогичным образом. Имеется в виду, конечно, строительство знаменитой КВЖД в начале XX века, когда на Дальнем Востоке всерьез планировалось поглощение Россией части провинций соседней империи. Похоже, что теперь «бумеранг» старой великодержавной политики возвращается к нам с удвоенной силой!

Не следует, по-видимому, недооценивать и вполне реальную опасность предоставления гипотетической «интернациональной помощи» российскому народу вооруженными силами «братской» китайской компартии. Причем она может быть принята и поддержана в России потенциальной «пятой колонной». В определенных обстоятельствах у будущих оккупантов могут быть в России активные пособники. Не будем забывать о том, что коммунисты представляют собой достаточно серьезную силу не только в Китае, но и в нашей стране. Нынешние руководители КПРФ с нескрываемой симпатией обращают внимание на «китайский пример» успешной модернизации экономики страны, подчеркивая его принципиальную альтернативность российскому варианту «либеральных» реформ.

1.7.4. Экологический аспект национальной безопасности региона

Как часть страны русский Алтай до сих пор обладает поистине уникальным биосферно-рекреационным потенциалом, который мог бы принести немалую пользу всем российским гражданам независимо от их места жительства. Прекрасными условиями для восстановления здоровья и жизненных сил, полноценного отдыха край, как говорится, не обделен. Но, к сожалению, сегодня этот наиболее ценный природный ресурс используется далеко не в полной мере. Истоки нерачительного, мягко говоря, отношения со стороны власти к биосферному богатству региона коренятся в не столь уж отдаленном прошлом.

Именно в период своего тотального господства правящая верхушка компартии превратила русский Алтай в экологически неблагоприятную для жизни территорию. Так, бездумным размещением вблизи «жемчужины Сибири» сразу двух очагов загрязнения – Семипалатинского ядерного полигона и площадки для запуска сверхмощных космических ракет (Байконур) – коммунистический тоталитарный режим нанес непоправимый вред национальной безопасности, коренным народам края и самой Природе.

²⁸ Завадский М. Россия на закуску: О том, как меняются общественные настроения в КНР и что собой представляет современный китайский национализм // Эксперт. 2009. № 16. 27 апреля. С. 65–67.

Семипалатинский испытательный полигон, где проводились первые и последующие взрывы ядерных устройств, был размещен в пространстве на 175 км с севера на юг и на 115 км – с запада на восток. Расстояние от самого полигона до южной границы Алтайского края составляло приблизительно 150 км.

Вначале, с 1946 по 1962 годы, проводились надземные и воздушные взрывы в атмосфере. С 1963 года ядерные бомбы начали закладывать под землей. Уже на начальном этапе данный военно-технический эксперимент привел к радиационному воздействию на население и к радиоактивному загрязнению территории Алтайского края. Так произошло все потому, что первые испытания проводились без учета метеорологических условий: радиоактивные облака летели, как правило, на север в сторону Алтая и прилегающих районов Кемеровской и Новосибирской областей.

На Алтайский край успели оказать свое радиоактивное воздействие 48 взрывов. По официальным данным, опубликованным правительственной комиссией под научным руководством профессора-медика Я.Н. Шойхета, особенно пострадали Угловский, Рубцовский и Локтевский районы. Каждый из них подвергался вредоносному воздействию радиации больше 16 раз.

Но этими данными не исчерпывается ужасная картина последствий военно-технического эксперимента. Исследователи данного вопроса забывают упомянуть еще об одном источнике радиоактивного заражения территории Алтая. Имеется в виду аналогичный китайский полигон в Синьцзяне, располагавшийся на высохшем солёном озере Лобнор. Там также испытывались образцы ядерного оружия массового поражения. При этом, как «по секрету» мне рассказывали томские гляциологи Томского университета, ученики лидера научной школы профессора В.С. Ревякина, совсем недавно умершего авторитетного специалиста в этой области знаний, на китайском полигоне цинично рассчитывали «розу ветров» таким образом, чтобы в атмосфере после взрыва радиоактивные облака неслись в сторону тогдашнего «врага № 2», т.е. опять же в направлении южно-сибирских регионов Советского Союза. Пробы льда в Алтайских горах, по рассказам уважаемых коллег-томичей, выглядели по тогам спектрального их анализа наподобие слоеного пирога и содержали радиоизотопные следы и лобнорских, и семипалатинских ядерных испытаний.

Благодаря финансируемой правительством научно-исследовательской программе «Семипалатинский полигон – Алтай» специалисты выявили, что эти испытания повлияли на развитие заболеваний эндокринной системы, крови и кроветворных органов, а также повлекли за собой прогрессирующий рост числа злокачественных образований у жителей пострадавших территорий. Неудивительно, что в последние годы Алтайский край является своего рода «рекордсменом» по числу больных с онкологией. Только в 2017-м году на территории края были зарегистрированы в медицинских учреждениях 253,4 тысячи граждан, заболевших раком в той или иной форме. Среди российских регионов Алтайский край занимает первое место по данному показателю. Только в 2017-м году на территории края было зафиксировано 253,4 тысячи граждан, заболевших раком в той или иной форме. Одним из главных факторов феноменально высокого уровня онкологической заболеваемости, по оценке экспертов, безусловно являются последствия ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне.

Руководителей страны, которые принимали такие поистине людоедские решения, давно нет в живых. Однако последствия региональной политики «центра», увы, остались и населению от них скрыться некуда. Реальность, увы, такова, Русский Алтай и вся Сибирь в целом ослаблены жестокой и несправедливой региональной политикой «центра». В первую очередь, проблема сохранения и оптимального использования биосферного богатства края в интересах народа не решается из-за того, что в масштабах всей страны остается не преодоленным давно уже ставший традиционным, застарелый

кризис государственной власти, никак не желающей наконец-то модернизоваться. В сегодняшней России сформировалось новое поколение российской бюрократии, такое же беспощадно циничное по отношению к народу. И, как говорится, «до Бога высоко, а до Москвы далеко!». Причем существующие угрозы национально-региональной безопасности особо актуальны в отношении алтайских трансграничных территорий. Поэтому столь важно понять историческую подоплеку давно сложившейся в крае ситуации, в будущем чреватой, по-видимому, еще более трагичными последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно концепции английского историка и философа, А. Дж. Тойнби, административно-политические центры «универсальных империй» мигрируют в определенный период своей истории, меняя дислокацию в направлении приграничного источника внешней угрозы. Выбор национальной властью нового места для столицы или «ставки» зависит от достоверности стратегии в уточнении координат наиболее вероятного будущего противника. Крайне важно при этом не ошибиться в геополитической идентификации «врага № 1». Например, такой выбор приходилось делать верховному правителю России в тот момент, когда началась ее трансформация в государство имперского типа. Сначала Петр I планировал, как известно, разместить новую столицу на южных рубежах (Таганрог в Приазовье) в связи с предстоящей войной против Османской империи. Впоследствии же местоположение ставки центральной верховной власти сдвинулось на север (будущий Санкт-Петербург), поближе к Швеции, верховный правитель которой Карл XII также мечтал стать императором объединенной Европы²⁹. Думаю, что если мы хотим, чтобы Алтай и Сибирь остались российскими (русскими), а не стали вдруг китайскими, то необходимо позаботиться об этом уже сейчас.

Впрочем, в фонетически созвучной паре этнонимов «Алтай» и «Китай» русский народ, скорее всего, зашифровал сокровенное понимание неразрывности исторических судеб двух больших географических регионов мира. Какими они станут в будущем – дружественными, союзными или, напротив, открыто враждебными, предсказать сложно. Хотя, по всей вероятности, вариантов здесь много, наверное, даже целый веер альтернативных возможностей.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Научные источники

Должиков В.А. Проект «Желтороссии»: прошлое, настоящее и гипотетическое будущее? // Актуальные проблемы безопасности Алтая и Сибири: геополитика, энергетика, экология, социальные отношения. Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай – 21 век», 2007. С. 46–53.

Должиков В.А. Региональная политика «центра» в отношении Русского Алтая периода империи (общее и особенное) // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов: В 2-х ч. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Ч. 1. С. 193–197.

Должиков В.А., Протасов А.В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / материалы XXXVII международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 2014 г.). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 22–25.

²⁹ Завадский М. Россия на закуску: О том, как меняются общественные настроения в КНР и что собой представляет современный китайский национализм // Эксперт. 2009. № 16. 27 апреля. С. 367.

Завадский М. Россия на закуску: О том, как меняются общественные настроения в КНР и что собой представляет современный китайский национализм // Эксперт. 2009. № 16. 27 апреля. С. 65–67.

Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств // Современные международные. отношения. 2009. № 6. С. 35–42.

Макарьев И.В. Геополитический аспект дискуссии о возможном строительстве дороги в Китай через плато Укок // Известия Алтайского государственного университета. Т.4. 2008. № 4 (60). С. 201–205.

Растов Ю.Е. Перспектива объединения Алтайского края и Республики Алтай в оценках их жителей // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2007. С. 166–168.

Савинов Л.В. Вызовы региональной этнополитики: газовый транзит «Россия – Китай» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 30–32.

Шайхутдинов М. Региональная и глобальная безопасность в XXI веке: концептуальные подходы и реальность // Казахстан в глобальных процессах. 2008. № 3 (17). С. 11–16.

Интернет-ресурсы

Иноземцев В. Как замедление Китая может ударить по России [Электронный ресурс] URL: https://www.ridl.io/ru/kak-zamedlenie-kitaja-mozhet-udarit-po-rossii/?fbclid=IwAR0dJuVJZeALd4wdR9lNH97-E6sAgNshVIOVqK4M3_6LUt7i1S6DCuAEISY.

Ростовский М. «Великая дружба» России и Китая: что происходит на самом деле [Электронный ресурс] URL:<https://www.mk.ru/politics/2018/11/08/velikaya-druzhba-rossii-i-kitaya-chto-proiskhodit-na-samom-dele.html>.

Ядерные испытания и ядерное оружие Китайской Народной Республики. Глава 3 // Ядерные испытания СССР. Ядерное оружие. Военно-политические аспекты. В 3-х томах. Т. 3. / Под ред. В.Н. Михайлова. Аналитический центр по проблемам нераспространения. Институт стратегической стабильности Росатома. – Саров: Типография РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000. URL: http://www.iss-atom.ru/sss3/3_3.htm.

Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные конфликты: типология и диагностика

Тема 2.1. Основные характеристики межнациональных и межконфессиональных конфликтов: анализ и диагностика

сост. Нагайцев В.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ При диагностике конфликтов используются методы социологии, психологии, политологии и других наук. Диагностика конфликта – система интеллектуальных, исследовательских операций, связанных с получением подробной информации о конкретном конфликте, тщательном осмыслении полученной информации. Существуют правила диагностики конфликтов. Необходимость соблюдать последовательность исследовательских операций в процессе анализа конфликта. Точность диагностики конфликта является обязательным условием его оптимального решения.
- ✓ Специфика диагностики межнациональных и межконфессиональных конфликтов заключается в выяснении социальных характеристик конфликтующих сторон. Обязательность выяснения при этом: 1) всех участников конфликта, их ролей в конфликте; 2) мотивировок конфликтеров; 3) их интересов; 4) их целей в данном конфликте; 5) степени соответствия целей интересам; 6) системы причин конфликта; 7) его повода (предлога); 8) установок конфликтеров на определённую стратегию конфликтного поведения; 9) всех ипостасей психологического фона конфликта (когнитивный, эмоциональный, иррациональный и др.); 10) возможностей нормализации эмоционального фона конфликта; 11) стадии конфликта; 12) знака и формулы конфликта; 13) его функций относительно социальной системы и всех участников; 14) вероятных его последствий; 15) оптимальной модели его решения.

2.1.1. Понятие и правила диагностики социального конфликта

Термин «*диагностика*», обозначающий «*распознавание*», указывает в социальных науках на специальный метод исследования социальных явлений и процессов. Этот метод впервые стал широко использоваться в медицине и психологии. Необходимо отметить отличие метода диагностики от прогнозирования. В диагностическом исследовании центральной становится задача «*распознавания*» сути предмета анализа, т.е. его описание и фиксация наиболее существенных характеристик, а не пролонгация его как вполне сложившегося явления с целью предвидения изменений в будущем, т.е. его прогноз. Нам в процессе изучения процессов управления конфликтом весьма полезно осмысление всего того, что предложено в этом плане как в зарубежной, так и в отечественной конфликтологии, обществоведении в целом.

Проблема диагностики социального конфликта в отечественной литературе представлена не достаточно широко, и в основном носит характер постановки проблемы. Обращаясь к схемам анализа конфликта, отраженным в литературе, можно обнаружить определенное сходство в представлениях специалистов. Так, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов, авторы междисциплинарного обзора по конфликтологической проблематике, приходят к выводу, что анализ конфликта может строиться на основе следующих групп основных понятий: сущность конфликта; его генезис; эволюция конфликта;

классификация; структура; динамика; функции; личность в конфликте; предупреждение; разрешение; методы изучения конфликта. Л.А. Петровская, предложившая первую в отечественной литературе понятийную схему социально-психологического анализа конфликтов, включает в нее четыре основные категориальные группы: структура конфликта, его динамика, функции (конструктивные и деструктивные последствия) и типология.

В процессе решения задач, касающихся выбора основных категорий описания явления, принципиальным становится вопрос об основаниях выделения тех или иных понятий в качестве необходимых и достаточных. Дело не сводится к тому, чтобы обозначить наибольшее число рубрик описания или добиться максимальной дифференциации. В качестве существенных характеристик конфликта практически всегда выделяются субъекты конфликта, предмет конфликта, динамика конфликта, что соответствует общеметодологическим принципам конфликтологии. Мы ограничимся этими примерами, так как обращение к работам других авторов фактически не вносит ничего принципиально нового в понимание содержания структурно-динамических характеристик конфликта: имеющиеся в данной области представления достаточно однородны. Диагностика конфликта основана на следующих принципах: объективность и целесообразность; детерминированность; комплексность; сравнимость; научная обоснованность и подтверждаемость результатов. В качестве исходного методологического положения в анализе социальных конфликтов может являться представление о том, что конфликт – постоянно присутствующий, неподдающийся устранению тип социальных взаимоотношений в обществе.

Диагностика социального конфликта подразумевает не только перечисление всех основных характеристик, элементов и причин данного социального явления, что позволяет определить основные задачи исследования, но и предполагает рассмотрение динамики развития социального конфликта, т.е. проведение диагностического анализа его характеристик на различных этапах развития конфликта в целях выявления особенностей меняющихся характеристик явления, позволяющих определить степень влияния конфликта на изменения в развитии всего социума. Таким образом, диагностика социального конфликта – система интеллектуальных, исследовательских операций, связанных с получением подробной информации о конкретном конфликте, а также последующим осмыслением полученной информации.

Основные правила диагностики социального конфликта.

В процессе диагностики конфликт, прежде всего, необходимо:

1. Убедиться, что мы имеем дело именно с конфликтом, а не с явлением, похожим на него (например, ложный конфликт, псевдоконфликт, дискуссия, спор, конкуренция, демонстративное игнорирование, конкурс, спортивная игра и др.).
2. Начинать диагностику конфликта с анализа полного состава его участников, а не с выяснением причин конфликта.
3. Соблюдать определенную последовательность диагностических исследовательских операций.
4. Придерживаться в процессе диагностики равного отношения к сторонам конфликта.
5. Максимально полно использовать базовые принципы и конкретные технологии конфликтологии, применяя как можно больше методов сбора информации о конфликте (опрос, качественные методы, экспертная оценка, наблюдение; альтернативные источники информации и пр.).
6. Не давать рекомендации по разрешению конфликта до полного завершения всего процесса диагностики. Не навредить своим исследованием сторонам конфликта.

Последовательность операций при диагностике конфликтов.

В процессе диагностики конфликта автором рекомендуется следующая последовательность исследовательских операций:

1. Определение полного состава участников (основных и косвенных субъектов) конфликта и их роли в конфликте.
2. Фиксация пространственных границ и зоны конфликта.
3. Выявление предмета конфликта.
4. Выяснение всех ресурсов сторон конфликта и баланса их сил.
5. Определение типа данного конфликта исходя из различных оснований классификации социальных конфликтов.
6. Выявление истоков конфликта – его повода, предлога, мотивировок конфликтантов (представлений сторон о ситуации), совокупности причин и первопричину.
7. Выяснение интересов каждого из конфликтантов и меры их несоответствия.
8. Определение мотивов поведения конфликтеров, их соотношение с интересами. Определение целей конфликтеров, степени их противоположности и меры соответствия интересов сторон их целям в конфликте.
9. Определение содержания реальных конфликтных действий сторон конфликта, форм поведения конфликтеров.
10. Выяснение общего психологического фона конфликта (степень остроты конфликта, враждебности и агрессивности конфликтеров, уровень их конфликтогенности, способность конфликтеров контролировать свое поведение и т.д.).
11. Выяснение установок сторон на конкретный результат конфликта.
12. Определение актуальной стадии развития данного конфликта и рассмотрение всей динамики конфликта. Определение временных границ конфликта – расчет его длительности.
13. Выяснение цены и знака конфликта. Составление формулы конфликта.
14. Выбор оптимального способа (модели) решения конфликта.

Таким образом, диагностика социального конфликта – это детальный анализ отдельно взятого конфликта, предполагающий нахождение ответов на целую серию вопросов об основных характеристиках изучаемого конфликта и прежде всего его причинах и способах его решения.

2.1.2. Основные характеристики социального конфликта, выясняемые в процессе его диагностики

Структурные характеристики конфликта представляют собой его составные элементы. Они отражают элементы конфликта, без которых его существование невозможно: «изъятие» любого такого элемента из описания конфликта либо сводит конфликт на нет, либо существенно меняет его характер. Для того чтобы проанализировать всю структуру социального конфликта с помощью предлагаемой диагностической технологии, рассмотрим подробнее несколько составляющих ее элементов.

Участники (субъекты) социального конфликта

Прежде всего, конфликт характеризуется конфликтующими сторонами и предметом их противоборства. Эти два определяющие элемента конфликта лежат в основе его структуры. Участники конфликта обычно обозначаются в терминах их социальных ролей и позиций. В процессе диагностики необходимо установить *полный состав участников конфликта и их роль в конфликте*. Участниками (субъектами) социального

конфликта в зависимости от его типа выступают отдельные индивиды, социальные группы, организации, классы, этнические общности, государства, содружества государств. В реальном конфликте действительные оппоненты (субъекты) далеко не всегда сразу выявляют себя, а зачастую скрываются за другими участниками противоборства или же стремятся представить себя в качестве таких субъектов конфликта, которые лишь косвенно связаны с предметом конфликта.

Участники конфликта – все социальные субъекты, которые осуществляют в конфликте хоть какую-нибудь деятельность. В конфликте участвуют, как минимум, *два* (бывают и *многосторонние* конфликты – между тремя и более сторонами) *конфликтующих субъекта («конфликтанта»)*:

а) конфликтующие стороны – это социальные субъекты, непосредственно противодействующие друг другу в конфликте. В литературе их также называют основными участниками, конфликтёрами, конфликтантами, оппонентами, противоборствующими сторонами, реже – конкурентами, противниками или соперниками. Иногда их именуют даже врагами или супостатами, что обычно относится к конфликтам, протекающим в острой форме, где взаимодействие участников действительно представляет собой борьбу антагонистов;

б) третья сторона в конфликте – это социальные субъекты, внешние по отношению к непосредственному противодействию сторон, не принимающие непосредственного участия в конфликте, но оказывающие определённое влияние на его возникновение или развитие, заинтересованные, таким образом, в смягчении, разрешении или, наоборот, в возникновении и обострении конфликта (*организаторы, провокаторы, подстрекатели, сочувствующие, союзники («члены партии конфликтера»)*, *наблюдатели («болото конфликта»)*, *примирители, посредники, невинные жертвы* и др.). В сущности, они могут рассматриваться как такие же участники конфликтного противостояния сторон. В процессе диагностики конфликта крайне важно выяснение конкретной роли каждого субъекта из числа основных участников и третьей стороны конфликта. В процессе анализа участников социального конфликта необходимо также учитывать и влияние внешней среды на развитие конфликта. К представителям внешней среды, которые могут оказать воздействие на развитие конфликта, относятся средства массовой информации, общественное мнение, гражданское общество, какие-то иные инстанции, реклама и другие группы социального влияния.

Зона и предмет конфликта.

Зона конфликта – пространственные пределы конфликта (территория, на которой происходит конфликт). *Предмет конфликта* – конкретная дефицитная материальная (ресурс), социальная (власть) или духовная (идея, принцип, норма) ценность, к обладанию или использованию которой стремятся посредством конфликта оба оппонента. Предмет конфликта (иногда его в литературе также называют объектом конфликта) – это то, что явилось «яблоком раздора», что не смогли поделить конфликтанты (деньги, власть, авторитет, общественное признание, симпатии ближних, конкретный объект (например, вполне материальный предмет), конкретная возможность (одна путевка в санаторий) и т.д.

Конфликт возникает только тогда, когда есть разногласия сторон по вопросу предмета конфликта. Предмет конфликта не всегда легко распознаваем. Нередко участники конфликта сами не очень четко ее представляют. Бывает, что им кажется, что весь «сыр-бор» разгорелся из-за какого-то пустяка, в котором стоит только одному из спорщиков уступить, и конфликт будет исчерпан. А на самом деле оказывается, что этот пустяк является лишь внешним выражением более глубоких расхождений в отношении весьма реального материального предмета. Предмет конфликта – это именно то, из-за чего спорят, все то, чего хочется всем людям, чего им всегда не хватает и что

невозможно разделить так, чтобы все были довольны. Узнав предмет конфликта, мы делаем большой шаг к выяснению его причин. Предмет конфликта, как правило, связан с целями и интересами конфликтующих сторон (или, по меньшей мере, с целью одной из них), однако не все их цели и интересы в конфликте связаны именно с предметом конфликта.

Ресурсы конфликтеров – материальные и нематериальные силы, которые конфликтеры применяют или могли бы применять в конфликте. Под силой конфликтера здесь может пониматься ум, образование, должность, объем информации, финансовые возможности, волевые способности, социальный статус, авторитет и др. *Баланс сил сторон* – соотношение ресурсов конфликтеров. Как правило, выигрывает сторона, у которой их больше. Нередко при этом стороны блефуют, создавая видимость силы, которой у них на самом деле нет. Распространено мнение, что такие ресурсы, как физическая мощь, богатство, связи, высокая должность и т.п., автоматически обеспечивают непреодолимое превосходство в конфликте. Однако это не всегда так. Одним из эффективных средств, с помощью которых можно противостоять этим силам, является информация и известность (узнаваемость) участника конфликта. Примерами здесь могут служить многие случаи, когда с помощью компрометирующей информации («компромата») обеспечивалась победа участнику конфликтной ситуации. Информация – это, безусловно, огромная сила в конфликте. Баланс сил в ходе конфликта может меняться. Одним из направлений конфликтной борьбы являются действия, нацеленные на подрыв сил противной стороны. Исход конфликта во многом определяется тем, как конфликтанты используют перевес сил в свою сторону.

Тип социального конфликта.

Типов конфликтов, как уже отмечалось ранее, очень много. Конфликты различаются по причине возникновения, длительности, интенсивности развития и т.д. Выбор той или иной классификации определяется тем, что интересует исследователя в данном конкретном конфликте. Таким основанием могут быть: состав участников конфликта, его содержание, длительность, причины, степень его интенсивности, остроты или силы, формы протекания, способы решения и пр. Наиболее распространенное их основание – это различение типов конфликта с точки зрения «сторон» конфликтной ситуации, которыми могут быть группы, отдельные люди или большие социальные образования. По этому основанию выделяются следующие типы конфликтов: межличностные конфликты; внутригрупповые и межгрупповые конфликты; конфликты между личностью и группой; конфликты между личностью и организацией; конфликты между группой и всей организацией; межорганизационные конфликты; межэтнические конфликты; межгосударственные конфликты и конфликты между сообществами государств. Иногда в эту типологию конфликтов включают и внутриличностные конфликты на том основании, что они представляют собой противодействие нескольких структур личности, а потому являются фактом социального противодействия сторон.

Основанием другой типологии выступают уровни субъектов конфликта в обществе. В зависимости от того, между кем происходят конфликты, они делятся на следующие: межгосударственные; межэтнические; межклассовые; межпрофессиональные; межотраслевые; межколлективные (между коллективами в рамках одной организации); внутриколлективные; семейные, в которых различают: супружеские; межпоколенные (между родителями и детьми); в) братско-сестринские. Противодействие людей происходит во всех сферах жизнедеятельности общества. Поэтому различают: экономические, социальные, политические, духовные, экологические конфликты, а также такие их разновидности, которые случаются в межсферных областях, т.е. социально-экономические, социально-политические, идейно-политические, социально-экологические и другие конфликты.

Типологию конфликта можно производить и по другим основаниям:

- по результатам для сторон конфликта в достижении их целей и удовлетворению интересов конфликты могут быть успешными и неуспешными;
- по способу выражения конфликты могут быть прямыми (забастовки, пикеты, отказ от участия в выборах) и опосредованными (обращения в органы власти, в суд; письма в средства массовой информации и т.д.);
- по показателям массовости участников конфликты делятся на индивидуальные и коллективные;
- по характеру и форме протекания конфликты могут быть организованными и стихийными, мирными и насильственными, открытыми и скрытыми; цивилизованными и нецивилизованными;
- по длительности конфликты можно делить на долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные;
- по степени остроты конфликты делятся на острые и вялотекущие;
- по сложности решения конфликты можно разделить на практически нерешаемые, трудноразрешимые и легко разрешаемые и конфликты.

В рамках каждого типа возможна дальнейшая классификация. По уровням субъектов относительно социальной системы конфликты могут быть вертикальными (начальник – подчиненный, вышестоящая организация – предприятие, предприятие – учредитель) и горизонтальными (противодействия руководителей одного уровня, специалистов между собой). Каждый конфликт имеет и свою степень выраженности. Открытыми считаются конфликты, в которых столкновение явно выражено через ссору, скандал оппонентов. Скрытыми признаются конфликты, в которых отсутствуют внешние агрессивные действия, но присутствуют косвенные способы проявлений конфликта. Чаще это происходит из-за отсутствия жизненных сил у конфликтёров для ведения открытых конфликтных действий. В жизни чаще всего встречаются конфликты не в чистом виде, а в смешанном, когда один конфликт вытекает из другого и накладывается на третий. Различные типы конфликтов также взаимосвязаны между собой. В ходе развития конфликты одного типа могут переходить в конфликты другого типа (например, внутриличностные – в межличностные, межличностные – в межгрупповые).

Истоки конфликта.

Проблему возникновения конфликтов относят к сложным и весьма запутанным категориям конфликтологии. Каждое социальное действие влечет за собой шлейф разнообразных событий. И порой конфликт порождает действие индивида или группы, которое напрямую не связано с противоборствующими сторонами. И в этом случае очень трудно или даже невозможно определить все факторы, которые могут рассматриваться как необходимые или достаточные для возникновения конфликта. Но если мы ставим задачу анализа подлинных причин конфликта, то необходимо изучить всю линию взаимосвязей между событиями и людьми. Однопричинных конфликтов не бывает. У любого конфликта есть объективные, не зависящие от конфликтеров, и субъективные, порожденные их сознанием, волей, стилем мышления и поведения, особенностями психики и другим, причины. Эти разноплановые причины теснейшим образом переплетаются, образуя сложный клубок истоков конфликта. В возникновении социальных конфликтов, как правило, существенную роль играют и субъективные факторы, связанные с людьми. Причины возникновения конфликта связаны с какими-то конкретными действиями участников ситуации или возникшими новыми обстоятельствами. Какие бы проблемы в их общении ни существовали, какие бы объективные ситуации ни возникали, вступают в конфликт, в конечном счете, конкретные люди. Выявить причину конфликта – это значит понять, что именно в действиях или поведении участников привело к переходу их взаимодействия в конфликтные формы.

Генезис развития конфликта (от греч. Γένεσις – происхождение, возникновение, зарождение конфликта).

Повод для конфликта – любое событие, ситуация, обстоятельство, которое сильно способствует возникновению конфликта, становится объяснением и основанием для чьего-либо действия в конфликте, не обязательно единственного и необходимого. Повод обычно предшествует началу открытого столкновения конфликтеров. Казус бёлли (лат. casus belli – «событие (для) войны», «инцидент») – формальный повод для объявления войны. Триггер – это некое событие, запускающее конфликт. Повод может возникнуть случайно, а может создаваться искусственно, «специально».

Предлог к конфликту – специально подстроенный кем-либо повод для конфликта. Это ситуация, обстоятельство, которое было использовано как повод для конфликта. Повод и предлог часто не являются причиной социального конфликта. Причина – явление, обстоятельство, служащее основанием для появления чего-нибудь, обуславливающее появление другого явления. *Причина конфликта* – противоречия, возникшие в интересах сторон. Соответственно, лучший путь разрешения конфликта – устранение указанных противоречий. Если сформулировать объективные причины конфликтов, то можно выделить следующий ряд:

- ограниченность ресурсов, которые подлежат распределению;
- столкновение целей сторон;
- проблемы распределения ответственности;
- неудовлетворительные коммуникации в организации.

Ресурсы, которые предстоит делить, всегда ограничены (будь то какие-то материалы, финансы или кадры). Люди всегда стремятся получить больше, а не меньше, и это является причиной возникновения конфликтов. Столкновение интересов (форм проявления потребности) связано с установкой человека на противоборство за их удовлетворение. Удовлетворение интереса не ведет к его угасанию, а вызывает новые интересы, которые так же требуют своего удовлетворения. Чаще всего интересы прямо не ассоциируются с материальными благами, а могут появляться из профессиональных, личных, культурных и других устремлений. В итоге, какие бы причины ни лежали в основе конфликта, они всегда упираются в несовместимые или противоположные интересы оппонентов. Вора интересуется чужое имущество, собственник это имущество защищает. Между мужем и женой ссора по поводу денег: оба стремятся распоряжаться ими по своему усмотрению, и каждый прав, отстаивая свои интересы.

Интересы конфликтеров – во-первых, выражают базовые и другие, необходимые для жизни человека, потребности; во-вторых, это направленность поведения на удовлетворение жизненно необходимой в данной ситуации для субъекта конкретной потребности, жизненно важные установки в поведении; в-третьих, интерес предполагает определенную степень осознанности своих потребностей, на основе чего формируется мотивационная база субъекта, а так же ориентации и цели действий. У каждого человека складывается свой комплекс установок, потребностей, интересов, мнений, идей и т.д., на основе которого он воспринимает и оценивает все, с чем сталкивается.

Исследуя причины конфликтов, следует уделить особое внимание их мотивам. *Мотив конфликтера* – это побуждение к действию, связанное с удовлетворением потребностей субъекта, это совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность. Такая побудительная обстановка имеется в действиях каждого участника конфликта. Мотивы могут быть как осознанными, так и неосознанными. Мотивы поведения участников конфликта могут не совпадать и даже быть противоположными. Узнав мотивацию противоборствующих сторон, мы поймем основной смысл противостояния.

Представления сторон конфликта о ситуации (мотивировки конфликтеров) – те объяснения причин конфликта, которые дают непосредственно противодействующие субъекты и которые, как правило, не адекватны истинным причинам конфликта. Каждый из участников конфликта составляет свое *представление о ситуации конфликта*. Эти представления, очевидно, не совпадают.

Цель конфликтера в конфликте – мысленно представляемый результат конфликта, которого субъект хотел бы в данной ситуации достичь или задача, которую конфликтер ставит перед собой в конфликте. Бывает, что человек формирует реально недостижимые цели в конфликте. Цель также не равна интересу. Цели сторон конфликта всегда в той или иной степени не совпадают.

Существует три варианта соответствия целей и интересов отдельного конфликтера:

- Цель в полной мере соответствует интересу стороны конфликта.
- Цель прямо противоположна интересу стороны.
- Цель конфликтера никак не связана с его интересом, безразлична по отношению к интересу.

В конфликтных ситуациях стороны иногда даже не предпринимают никаких действий к тому, чтобы понять поведение (мотивы, интересы, цели) своих оппонентов. Для понимания причин конфликта и определения методик его преодоления важно как можно точнее зафиксировать как весь набор позиционных установок, так и все отличия в них. В конфликтных ситуациях стороны иногда даже не предпринимают никаких действий к тому, чтобы понять поведение (мотивы, интересы, цели) своих оппонентов. Из-за вспышки агрессивности люди вполне доброжелательные мотивы склонны видеть амбициозными.

Поведение сторон в конфликте. Важным структурным компонентом социального конфликта, без которого он бы просто не мог существовать, являются действия его участников. В совокупности они образуют то, что и называется социальным конфликтом. Противонаправленность и взаимообусловленность действий участников вынуждает говорить не столько о действиях отдельных социальных субъектов, сколько об их противодействии. Вспомним классическое описание развития противоречия, принадлежащее Гегелю: «Действие начинается, собственно говоря, лишь тогда, когда выступила наружу противоположность, содержащаяся в ситуации. Но так как сталкивающееся действие нарушает некоторую противостоящую сторону, то этим разладом оно вызывает против себя противоположную силу, на которую оно нападает, и вследствие этого с акцией непосредственно связана реакция». Конфликтное противодействие сторон является основным содержанием социального конфликта. В массовых конфликтах, например, это выражается в таких формах противоборства, как забастовка, бунт, мятеж, волнения, война.

Действия каждой стороны мешают другой стороне достичь своей цели, поэтому они оцениваются последней как враждебные или, по меньшей мере, как некорректные. В свою очередь, эта другая сторона предпринимает противодействие, которое у первой точно так же получает негативную оценку. В таком столкновении направленных друг против друга действий и заключается реальное протекание конфликта. Когда конфликт в полном разгаре, то первое, что открывается взору наблюдателя, – это действия конфликтеров.

Основными видами действий одной из конфликтующих сторон, которые другая оценивает как конфликтные, направленные против нее, являются:

- создание прямых или косвенных помех для осуществления планов и намерений другой стороны;
- невыполнение своих обязанностей и обязательств;
- захват или удержание того, что находилось во владении другой стороны;

- нанесение вреда имуществу или репутации другой стороны (например, распространение порочащих слухов);
- унижающие человеческое достоинство действия (в том числе словесные оскорбления);
- угрозы, шантаж и другие принуждающие действия, физическое насилие и др.

При этом те, чьи действия воспринимаются как конфликтные, могут сами так не считать и даже не подозревать, что действуют «неправильно». Им эти действия могут казаться вполне обычными и справедливыми. В конфликтной ситуации действия одной стороны оказывают существенное влияние на другую сторону. Поведение одного конфликтера вызывает соответствующие изменения в поведении другого. Таким образом, конфликтующие стороны так или иначе воздействуют друг на друга. Взаимное влияние оппонентов может принимать разнообразные формы: заражения, подражания, игнорирования и др.

В конечном счете, модели конфликтного поведения обобщаются в следующие виды: достижение одним субъектом своих целей и интересов за счет другого; уступка одним субъектом своей позиции другому; взаимное удовлетворение интересов обоих конфликтных субъектов и достижение какой-то общей цели; взаимное неудовлетворение интересов сторон и стремление прекратить отношения.

В исследовании форм социального конфликта в современном обществе необходимо также учитывать «нецивилизованные формы» конфликтных действий: пьянство, стихийные бунты, суицид, расхитительство, саботаж, преднамеренные поджоги, террористические акты и некоторые виды преступлений. Конфликт зачастую становится источником таких форм поведения работников как апатия, уход в себя, мистицизм, а также агрессивность, стремление к насилию. Кроме того, необходимо упомянуть о таких социальных явлениях, как массовые волнения, беспорядки, восстания, бунты и мятежи. Самой же высшей формой выражения общесоциального конфликта в обществе выступает социальная революция.

Психологический фон конфликта. Важным моментом анализа и диагностики социального конфликта считается измерение его психологического фона. Конфликт обуславливает появление самых различных негативных эмоциональных и поведенческих реакций конфликтёров, которые могут спровоцировать отрицательное развитие конфликта. На этом этапе диагностики конфликта необходимо выяснить такие характеристики конфликта, как накал страстей, рост влияния деструктивных лидеров, характеристики поведения людей (манера разговаривать, используемые речевые обороты, самоорганизованность конфликтёров, отсутствие упорядоченных и четко построенных действий, несоблюдение общепринятых норм человеческого общения), невербальные реакции (резкие движения и жесты, интонация, покраснение или побледнение и т.д.), ослабление общей консолидации субъектов в социуме. Даже само настроение конфликтёров – также важный момент развития конфликтов. Ведущими факторами здесь являются не рациональные, а иррациональные, эмоциональные факторы поведения людей.

С психологической точки зрения каждый конфликт можно характеризовать исходя из нескольких параметров – эмоциональность поведения участников конфликта, корректность, личная совместимость, психологическая напряженность. Нередки ситуации, когда конфликт достигает такой точки, когда обе стороны уже не в состоянии контролировать своё поведение, главным образом из-за их эмоциональной возбужденности. Острый и эмоциональный конфликт так порой захватывает участников, что выйти из него без посторонней помощи они уже не в состоянии. Если психика конфликтёров находится на пределе, тем более выходит за пределы нормы, никакие рациональные способы примирения уже не срабатывают. В таких случаях необходимы специальные «стоп-техники» и методики снижения накала эмоций.

Выделяют конфликты с повышенным и нормальным психофоном. Повышенный психологический фон конфликта – это следствие неудовлетворённости конфликтёров существующим положением дел и развитием ситуации вокруг конфликта, ростом противоречий, обострением конфликтной ситуации. Трудно себе представить социальный конфликт с пониженным психологическим фоном, хотя условно смоделировать такую ситуацию, наверное, возможно.

Говоря о психологической стороне конфликта, стоит обратить особое внимание на *конфликтность участников* и *агрессивность поведения конфликтёров* – действия оппонентов, которые причиняют или намерены причинить серьёзный ущерб друг другу.

В связи с этим в процессе диагностики конфликта необходимо:

- измерение негативного психологического состояния конфликтёров;
- измерение удовлетворённости жизнью конфликтёров;
- измерение общего социального самочувствия конфликтёров.

Установки сторон на результат конфликта. Завершение конфликта как структурный элемент представляет собой не столько результат, сколько идеальный образ этого результата, имеющийся у участников конфликтного противодействия. В конфликтном противодействии участники преследуют цели, связанные с предметом конфликта, действием друг на друга, «сохранением лица» и т.д. Далеко не всегда они полностью осознаются участниками ситуации и тем более формулируются в терминах достижения конкретных результатов. Вместе с тем образ желательного результата конфликта становится регулятором конкретных действий участников в конфликтной ситуации. С практической точки зрения существенным представляется рассмотрение действий участников в контексте их установок на результат конфликта. Существуют четыре подобных установки на результат конфликта: «выигрыш-выигрыш»; «проигрыш-выигрыш»; «проигрыш-проигрыш»; «выигрыш-выигрыш».

Участники конфликта обычно считают его завершение удачным или неудачным для себя в зависимости от того, насколько удалось им добиться целей, ради которых они вступили в конфликт. Логика борьбы заставляет их оценивать удачный результат разрешения конфликта как свою победу, выигрыш, а неудачный – как свое поражение, проигрыш. При этом возникает впечатление, что если один из них выиграл, то другой проиграл. Содержательная трактовка сочетаний выигрыша и проигрыша строится на том, что для каждой конфликтующей стороны возможны различные подходы к разрешению конфликта. В одних случаях конфликтующая сторона уверена в силе своей позиции и ориентируется на выигрыш; но при этом можно стремиться как к тому, чтобы противник оказался в проигрыше, так и к тому, чтобы он тоже был в выигрыше. Получаются, таким образом, два варианта: «выигрыш – проигрыш» и «выигрыш – выигрыш». В других случаях конфликтующей стороне своя позиция представляется слабой, и она заранее настраивается на проигрыш; тут, однако, также есть два варианта – что противник выиграет («проигрыш – выигрыш»), и что он тоже проиграет («проигрыш – проигрыш»). Рассмотрим особенности получающихся четырех подходов к результату конфликта.

а) *«выигрыш – проигрыш»*. Конфликтующая сторона считает, что ее выигрыш должен быть достигнут за счет проигрыша ее оппонента. Она хочет стать победителем в конфликте, а его поставить в положение побежденного. Конфликт рассматривается ею как битва между врагами. Для достижения этой цели часто оказывается необходи-

мым прибегнуть к различным формам социального давления, а то и к прямому насилию. Не секрет, что встречаются люди грубые, агрессивные, которым мало удовлетворения своих интересов – надо еще насладиться страданиями противника;

б) *«проигрыш – выигрыш»*. Конфликтующая сторона настроена пораженчески. Она видит в своем оппоненте слишком сильного врага, борьба с которым обречена на неудачу. Такую позицию часто занимают люди слабовольные, неуверенные в себе, чувствующие себя неудачниками. Для противника, имеющего установку «выигрыш – проигрыш», конфликт с оппонентом, настроенным на «проигрыш – выигрыш», – это сплошное удовольствие. Один хочет своей победы, другой готов согласиться со своим поражением. Однако проигравшая сторона, даже если она покоряется победителю и старается подавить в себе чувства своей неполноценности, беспомощности и униженности, испытывает напор этих сдерживаемых эмоций. И это может привести ее к самым уродливым формам мщения за свое унижение;

в) *«проигрыш – проигрыш»*. Этот подход к завершению конфликта предполагает, что конфликтующая сторона идет на проигрыш, но вместе с тем ставит и своего оппонента в положение проигравшего. Подобная установка – не такое уж редкое явление. Иногда она обусловлена объективным положением дел. Пойдя на конфликт (даже, может быть, вызванный с неизбежностью какими-то обстоятельствами), обе стороны обрекают себя на «проигрыш – проигрыш». Иногда же обоюдно невыгодные результаты разрешения конфликта возникают потому, что конфликтеры, не видя иной возможности, решают расстаться, хотя и понимают, что это будет иметь последствия для обоих. Так, например, бывает, что ссора двух работников, которые хотели бы помириться, но не находят путей к этому, ведет к развалу их общего дела, и хуже становится обоим. «Проигрыш – проигрыш» случается и при решении крупнейших социальных и политических проблем. Наглядный пример тому – распад СССР: соображения временной конъюнктуры, сложившиеся в 1991 г., взяли верх над реальными потребностями экономического и культурного развития бывших советских республик и народов Советского Союза, и в результате проведения хозяйственно-политических реформ ситуация всюду только усугубилась;

г) *«выигрыш – выигрыш»*. При этом подходе конфликтующая сторона стремится к такому выходу из конфликта, который даст выигрыш не только ей, но и другой стороне. Она предлагает другой стороне сотрудничество в разрешении конфликта. Зона разногласий для нее – не поле битвы с врагом, а площадка для совместного поиска взаимовыгодных решений.

Динамика развития конфликта. Динамическим характеристикам конфликта уделяется обязательное внимание практически во всех работах по конфликтологии. Очевидно, это связано с тем, что именно *происходящее* в конфликте оказывает решающее влияние на его результат, на разрешение конфликта и на его последствия. Во всяком случае, вопросы, связанные с динамикой конфликта, рассматриваются в конфликтологической литературе значительно чаще, чем другие его структурные характеристики. Анализ динамических характеристик конфликта предполагает описание того, как и когда возник конфликт и как теперь происходит само конфликтное противодействие. Динамика конфликта – развитие, изменение конфликта под влиянием действующих на него факторов и условий. В процессе своего развития конфликт, даже самый кратковременный, как правило, проходит несколько стадий. Продолжительность стадий конфликта складывается по-разному. Но их последовательность в конфликтах практически одна и та же.

Скрытый конфликт (латентная стадия конфликта) – первый этап развертывания социального конфликта, на котором формируются противоречия между потребностями, интересами и целями социальных субъектов, что в скором будущем создает

конфликтную ситуацию, а затем открытое противодействие сторон. Подобное положение дел может сохраняться довольно долго. Поэтому его еще называют потенциальным, или латентным конфликтом. Устранение наметившихся на стадии латентного конфликта противоречий предотвращает дальнейшее развитие конфликта. Латентному конфликту присуще, с одной стороны, наличие объективных причин, предопределяющих конфликт, а с другой – отсутствие открытого противодействия сторон.

Конфликтная ситуация – вторая стадия социального конфликта, характеризуется осознанием конфликтными сторонами ситуации как конфликтной – наличия объективно существующих между ними противоречий в их потребностях, интересах и целях, а также выбором ими той или иной стратегии поведения в дальнейшем. В целом, анализируя содержание, вкладываемое разными авторами в понятие «конфликтная ситуация», можно сказать, что она в основном интерпретируется как совокупность объективных обстоятельств и условий, провоцирующих возникновение и развитие открытого столкновения сторон. Это положение дел накануне открытого конфликта. На этой стадии уже существуют какие-то предпосылки конфликтного противодействия. Конфликтеры начинают расходиться по разным сторонам противостояния, т.е. уже складываются и субъективные факторы их последующего открытого столкновения. Нерешенность конфликта на стадии конфликтной ситуации предопределяет инцидент конфликта. Бывает, что на этой стадии уже имеется достаточно сильная напряженность в отношениях сторон, но она остается подспудной и еще не выливается в открытые столкновения. Заметим, что данное понятие (*конфликтная ситуация*) нельзя отождествлять с конфликтом, ибо им следует обозначать лишь один из этапов последнего.

Конфликт, находящийся на двух первых стадиях, называют *доинцидентным* и расценивают в качестве легко разрешаемого. Если он обнаруживается, то с помощью несложных конфликтологических методик можно прекратить его дальнейшее развитие. Если же этого не сделано, то он закономерно перерастает в третью фазу конфликта.

Инцидент конфликта – третья стадия социального конфликта. С него и начинается открытое столкновение сторон, т.е. различного рода ссоры, драки, восстания, войны и т.п. На этой стадии резко возрастает эмоциональный фон конфликта. Конфликтное действие второго субъекта возникает не само по себе, а представляет собою ответную реакцию на предшествующие действия (или бездействие) первой стороны. Инцидент – это явная стычка конфликтеров. Он выступает как завязка конфликта. Если в стадиях скрытого конфликта и конфликтной ситуации конфликт находился в «эмбриональном», «утробном» состоянии, то теперь он появляется на свет. Нередко инцидент возникает как будто по случайному поводу, но на самом деле такой повод является последней каплей, которая переполняет чашу терпения сформировавшихся сторон конфликта. Любой мельчайший повод, как искра, зажигает пламя инцидента конфликта.

Конфликт на стадии инцидента может вместе с ним и закончиться. В одних случаях так происходит потому, что конфликтеры расстаются и больше не встречаются (например, после перебранки пассажиров в городском автобусе). В других случаях конфликт исчерпывается инцидентом, так как конфликтерам удается в ходе инцидента разрешить свои разногласия. Особый случай – острый конфликт, представляющий собою стычку незнакомых людей, в которой один грозит другому физической расправой и даже смертью (например, нападение бандита или захват террористами заложников). Такой конфликт может завершиться в инциденте потому, что приведет к гибели одной из сторон. Но при «обычном» ходе развития конфликта после инцидента, как правило, наступает следующая его стадия. Естественно, что с конфликтом, дошедшим до стадии инцидента, справиться сложнее, чем на предыдущих и последующем этапах. Имея дело с инцидентами конфликтов, нужно стремиться к тому, чтобы содействовать скорейшему их переходу в четвертую фазу конфликтирования.

Личная конфронтация сторон – такой этап конфликта, при котором конфликтеры обвиняют друг друга в нарушении моральных норм и отсутствии нравственности. Теперь конфликт продолжается не только по тем поводам, по которым он начался, но и по новым субъективным факторам – уверенности конфликтеров в морально-нравственных грехах друг друга. Происходит эскалация конфликта (на латинском *scala* – *лестница*). В фазе конфронтации конфликт «шагает по ступенькам», реализуясь в серии отдельных актов – психологическое противостояние конфликтующих сторон, демонстрация ненависти и неприязни друг к другу, навешивание «ярлыков» (характерных прозвищ или оскорблений оппонента), но отсутствие открытого противодействия. Конфронтация может *быть непрерывной* – с постоянно возрастающей степенью психологической напряженности отношений и силы обвинений, которыми обмениваются конфликтеры; *и волнообразной*, когда напряженность отношений то усиливается, то спадает, периоды активной конфронтации сменяются затишьями и временным замораживанием отношений. Конфронтация также может быть *крутой*, быстро доходящей до крайне резких проявлений враждебности, и *вялой*, медленно разгорающейся, а то и долго держащейся примерно на одном уровне. В последнем случае имеет место *затяжной конфликт*, который надолго задерживается на этой стадии. На этом этапе конфликт является трудноразрешимым. Поэтому целесообразно ускорить его перерастание в следующую фазу, открывающую новые возможности для его преодоления.

Первая апелляция – пятая стадия развития конфликта. На этой стадии происходит обращение конфликтеров (или одного из них) за советом или поддержкой своей позиции к третьей стороне – посреднику, к «третьей стороне». В качестве последних могут выступать разные люди (родители, друзья, руководители трудовых коллективов, психологи, конфликтологи и др.), а также организации (редакции газет и других СМИ, органы милиции, прокуратуры, суда, иные структуры государственной власти и общественные формирования). Если третья сторона конфликта (конкретный человек или организация) со вниманием отнесется к проблемам конфликтеров, обстоятельно проанализирует причины конфликта, верно диагностирует его и на этой основе предложит приемлемый сторонам выход из создавшегося положения, то конфликт на этом и завершится. Но если этого не будет, то наступит следующая фаза конфликта.

Групповая конфронтация сторон – это вторая форма конфронтации. Здесь происходит демонстрация ненависти и неприязни со стороны каждого конфликтера ко всем социальным группам, в которые включен его оппонент. *Групповая конфронтация* характеризуется расширением фронта борьбы конфликтеров. На этой фазе они представляются друг другу нехорошими в идейном отношении. Дойдя до этой стадии, конфликтеры порой забывают то, из-за чего произошел инцидент, но намерены бороться дальше потому, что их «супостаты» оскверняют дорогие им идеалы и духовные ценности. Конфликт на этом этапе практически неразрешим. Как правило, долгая идейная конфронтация, дополняемая неэффективными результатами повторной апелляции, заводит конфликт *в тупик*, из которого сами конфликтеры не видят выхода.

Повторная апелляция (стадия второй апелляции) – седьмая стадия конфликта. На этом этапе конфликтеры обращаются за помощью в решении конфликта к третьим сторонам (посредникам) – защитникам, судьям, консультантам, руководителям, но уже выше рангом, чем это было на стадии первой апелляции. Конфликт на этой стадии становится легко решаемым. На стадии второй апелляции конфликт достигает такого накала, что обеим или по крайней мере одной из сторон становится ясно, что продолжать его больше не следует. Ситуация непосредственно подводит стороны к осознанию необходимости прервать как дальнейшее обострение отношений, так и усиление враждебных действий и искать выход из конфликта на каких-то иных путях. Повторная апелляция всех или хотя бы одного конфликтера в различные организации и инстанции

может привести к преодолению конфликта, а может и усугубить его. Итог этого этапа конфликтования зависит от конфликтологической грамотности тех людей, которые представляют данные инстанции, принимая те или иные решения от их имени. Если повторные апелляции (их может быть несколько) не дают устраивающего конфликтеров результата, наступает качественно новый этап конфликта.

Если конфликт не разрешается на стадии второй апелляции, то происходит новый круг конфликта – *стадия «порочного круга»*, т.е. возвращение конфликта на этап ещё одного инцидента, сразу на третью стадию. Она обычно выражается в каком-то новом «взрывном» эпизоде (конфликтном действии) или нескольких следующих подряд эпизодах конфликтной борьбы, только более серьезных и разрушительных для сторон (как правило, по другому поводу, а часто и просто предлогу). Дальше конфликт развивается как бы по кругу. После повторного инцидента происходит очередная конфронтация, затем – очередная апелляция и т.д. При этом происходит *эскалация конфликта*, т.е. расширение его предмета и усиление его остроты на каждом новом круге развития.

Порочно-круговые конфликты – самые сложные для решения. Но и они преодолимы, правда, при условии модернизации (обновления) или разрушения той социальной системы, где этот конфликт сложился и развился. Порочно-круговые супружеские конфликты, например, разрешаются путем развода супругов. Нередко третьи стороны в конфликте начинают предпринимать меры по разрешению конфликта, не дожидаясь, пока он дойдет до стадии «порочного круга». Ситуация «порочного круга» имеет тенденции к саморазрушению социальной системы. Выход из нее может быть найден только на путях радикального пересмотра сложившейся ситуации по принципу «все или ничего». Как правило, это связано со сменой лидеров конфликтующих сторон.

В затяжном конфликте момент его разрешения долго не наступает. В одних случаях конфликт при этом постепенно угасает. Но в других случаях оттяжка решения обходится очень дорого: в процессе затянувшегося конфликтования накапливается высокий «потенциал» негативных эмоций и опыта. Выброс всей этой энергии способен произвести самые ужасающие разрушения для сторон в будущем. Завершение конфликта иногда достигается и просто потому, что конфликтеры устают враждовать, привыкают друг к другу и приспособляются к сосуществованию. Проявив достаточную терпимость, они, если контакты между ними неизбежны, постепенно приучаются не придавать особого значения неприятным чертам поведения другой стороны, не наступать ей на «больную мозоль», находя вместе с тем способы отстаивания своих основных интересов. На каждом этапе конфликт решается разными способами. Поэтому, имея дело с конкретным конфликтом, обязательно нужно выяснять, до какой фазы своего развития он дошел.

Постконфликтная ситуация.

Конфликт редко проходит совершенно бесследно. Влияние прошедшего конфликта на возникшую после его завершения ситуацию в отношениях сторон называется *последствием конфликта*. Это последствие может быть деструктивным, негативным, отрицательно сказывающимся на жизни и деятельности конфликтеров, сообществ или организаций, членами которых они были во время конфликта, а может быть и конструктивным, позитивным, способствующим перемене дел к лучшему, введению полезных инноваций, выявлению и разрешению существенных проблем, ранее оставшихся в тени. Чаще всего, однако, последствие конфликта бывает одновременно и тем, и другим. В зависимости от того, какого рода последствия преобладают, конфликт в целом называют деструктивным либо конструктивным. Любой конфликт легче всего решается на доинцидентных стадиях и стадиях апелляций. Нерешенность конфликта на стадиях апелляций заводит его в тупик («порочный круг»), характеризующийся повто-

рениями инцидентов. Труднее всего решить конфликт на стадиях инцидента, конфронтаций, «порочного круга». Часто завершения конфликта удается достичь только посредством специальных усилий посредников, направленных на его разрешение. Формы и методы посредничества конфликта рассматриваются нами далее.

Цена, знак и формула конфликта. Говоря о цене конфликта, необходимо ввести два понятия: *цена сохранения конфликта* и *цена выхода из конфликта*. Цена конфликта (Ц) для каждой из конфликтующих сторон складывается из суммы трех величин: 1) затраты психологической энергии, времени и сил на конфликтную деятельность (Э); 2) ущерб, наносимый действиями другой стороны (У); 3) потери, связанные с ухудшением отношений с третьей стороной (С) (потеря клиентов, развал общего дела из-за плохого взаимодействия сторон и т.д.). Формула расчета цены сохранения конфликта выглядит так: $Ц = Э + У + С$. Цену конфликта в принципе можно перевести в денежное выражение, но обычно она выступает как некое абстрактное понятие. Цена выхода из конфликта (ЦВ) – это разность между утратами (У), с которыми сопряжен выход из конфликта (утрата каких-то приобретений, статуса, уважения, сторонников; затраты на реорганизацию, уступки другой стороне и т. п.) и приобретениями (П), которые даст выход из конфликта (освобождение поля деятельности; открытие новых возможностей и пр.).

Формула расчета цены выхода из конфликта выглядит так: $ЦВ = У - П$. Если приобретения (П) больше, чем утраты (У), то выгода от прекращения конфликта очевидна. Однако приобретения обычно представляются неясными и гипотетичными, что значительно снижает их оценку, тогда как утраты отчетливо зримы и поэтому оцениваются высоко. Вот почему гораздо чаще встречается иной вариант: утраты представляются больше приобретений. В этом случае выход из конфликта кажется сторонам слишком дорогой ценой, а попытки продолжить конфликтную борьбу имеют экономический смысл. На самом деле практически всегда, наоборот, «дешевле» прекратить конфликт, чем постоянно расходовать средства на его продолжение и развертывание. Таким образом, сравнение цены сохранения конфликта и цены выхода из него позволяет рационально решить вопрос: стоит ли продолжать конфликт, учитывая дальнейшее возрастание его цены, или же выгоднее прекратить его. Для принятия окончательно решения надо еще учесть важное обстоятельство. Цена выхода из конфликта обычно меньше, если он разрешается собственными силами конфликтующих сторон. Она увеличивается, когда к разрешению конфликта привлекаются другие люди, и возрастает тем больше, чем больше сотрудников организации и чем выше ранг руководителей, вынужденных заниматься этим. Если конфликт выносится за пределы организации – в вышестоящие инстанции, суд, арбитраж, то цена разрешения его может оказаться очень высокой. Однако цена продолжения конфликта может быть еще выше, а потому рано или поздно приходится идти на любые издержки, чтобы как-то его завершить. Самое лучшее – разрешать конфликт вовремя, пока он не разросся. Как правило, «дешевле» всего – вообще предотвратить социальный конфликт.

Знак конфликта – значимость для конфликтеров сохранения социальной системы, элементами которой они выступают, и *значимость действий конфликтеров для самой системы*. Существует три типа знака конфликта: «плюс-плюс», когда оба конфликтера стремятся к сохранению системы взаимодействия и своих отношений; «плюс-минус», когда один из конфликтеров желает развала системы взаимодействия и прекращения отношений, а другой – нет; «минус-минус», когда оба желают разрушения социальной системы и отношений. Важно определить знак не только актуального этапа конфликта, т.е. того, до которого он дошел к моменту диагностики, но и всех предшествовавших ему фаз, включая инцидент. *Сочетание знаков конфликта в процессе развития конфликта называют формулой конфликта*. Определение этой формулы крайне необходимо, так как от нее во многом зависит выбор модели разрешения конфликта. У

каждого конкретного конфликта существуют дополнительные методики диагностики. Приведенная схема диагностики конфликта удобна для анализа, главным образом тех типов конфликта, с которыми на практике чаще всего приходится иметь дело – межличностных и межгрупповых. Заканчивается диагностика конфликта определением оптимального способа его решения.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Герасименко И.Я., Юсупов Р.М. Социометрия конфликта. СПб., 2014.

Решетникова К.В. Методы и проблемы диагностики конфликтов // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. № 2 (30). – С. 167–187.

Крылова Э.В. Социальная диагностика как основа разрешения межнациональных конфликтов в России. Москва, 2005. – 146 с.

Нагайцев В.В. Диагностика социального конфликта: сущность и содержание // Конфликтология. 2009. № 3. – С. 197–202.

Исмаилова Г. Диагностика, функции и последствия конфликтов // Научная перспектива. 2015. № 8. – С. 72–76.

Тема 2.2. Психодиагностика конфликтов

сост. Черепанова М.И.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Конфликт – столкновение противоречивых или несовместимых сил, противоречие, возникающее между людьми, коллективами в процессе их совместной трудовой деятельности из-за непонимания или противоположности интересов, отсутствия согласия между сторонами.
- ✓ Бытует мнение, что конфликт – это явление всегда нежелательное, приводящее к снижению эффективности совместной трудовой деятельности и свертыванию межличностных отношений. Однако это не так. Конфликты выполняют как негативные, так и позитивные функции.
- ✓ Межнациональный конфликт является одной из разновидностей социальных конфликтов наряду с такими их формами, как классовый конфликт, религиозный, расовый, межгосударственный и другие, и в то же время, как и всякий социальный конфликт, является конфликтом политическим. Современная конфликтология опирается на тезис о том, что межнациональный конфликт, как, впрочем, и любой другой, рассматриваемый данной наукой, является совершенно нормальным состоянием общества или особой формой деятельности и поведения личности. При этом поведение сторон является одним из наиболее четких критериев, позволяющих произвести научную типологию конфликтов.
- ✓ Для достижения оптимального уровня диагностики в процессе этнопсихологического исследования необходимы не только отдельные методики, но и целостная программа – комбинация методов. Среди основополагающих принципов конкретной методики эмпирической этнопсихологической программы можно выделить следующие: культурная адаптация методики; сочетание вербальных и невербальных техник, направленных на изучение одного и того же феномена или связи; опросники должны быть доступны, наглядны и не утомительны.

2.2.1. Сущность и этиология конфликта

Конфликт – столкновение противоречивых или несовместимых сил, противоречие, возникающее между людьми, коллективами в процессе их совместной трудовой деятельности из-за непонимания или противоположности интересов, отсутствия согласия между сторонами.

Конфликт, возникающий в организации, называют организационным.

Бытует мнение, что конфликт – это явление всегда нежелательное, приводящее к снижению эффективности совместной трудовой деятельности и свертыванию межличностных отношений. Однако это не так. **Конфликты выполняют как негативные, так и позитивные функции.**

Позитивные функции конфликтов:

- в процессе конфликта происходит разрядка напряженности между конфликтующими сторонами;
- становится известной ранее скрытая информация о субъектах конфликта и причинах его возникновения, что в конечном счете повышает управляемость конфликта;

- происходит сплочение коллектива организации при противоборстве с внешним врагом;
- конфликт стимулирует организацию к изменению и развитию, поскольку его разрешение невозможно без соответствующих прогрессивных перемен;
- снимается синдром покорности у подчиненных, развивается производственная демократия;
- проводится диагностика возможных оппонентов для предупреждения конфликтов.

Негативные функции конфликтов:

- конфликт несет с собой большие материальные, эмоциональные затраты на участие в нем всех участников конфликта;
- часто происходит увольнение сотрудников, снижение дисциплины, ухудшение социально-психологического климата в коллективе;
- формируется представление о побежденных группах или личностях как о врагах;
- чрезмерное увлечение процессом конфликтного взаимодействия в ущерб работе;
- после завершения конфликта часто происходит уменьшение степени сотрудничества между частью сотрудничества вплоть до свертывания деловых контактов;
- сложное восстановление деловых конфликтов («шлейф конфликта»).

Конфликт может быть **функциональным**, т.е. полезным для членов трудового коллектива и организации в целом, и **дисфункциональным (деструктивным)**, снижающим производительность труда, личную удовлетворенность и ликвидирующим сотрудничество между членами коллектива.

Конфликт – это развивающийся процесс, состоящий из нескольких этапов.

1 этап – возникновение конфликтной ситуации. В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоположные позиции сторон по какому-либо вопросу, либо противоположные цели или средства их достижения, либо несовпадение интересов, оппонентов. Таким образом, конфликтная ситуация включает субъектов и объекты конфликта. Чтобы конфликт начал развиваться, необходим инцидент, когда одна из сторон, начинает действовать, ущемляя интересы другой.

2 этап – развитие конфликта, которое зависит прежде всего от субъективных обстоятельств, в том числе и от личности участвующих в нем. Объективно возникшая конфликтная ситуация может закончиться путем устранения объекта, обусловившего ее появление.

3 этап – кризис и разрыв отношений между оппонентами. Этот этап в свою очередь состоит из двух фаз: конструктивной и деструктивной. В рамках конструктивной фазы сохраняется возможность совместной деятельности, и оппонентов еще можно посадить за стол переговоров. На деструктивной – никакое сотрудничество уже невозможно: оппоненты теряют самоконтроль, и их необходимо разъединить.

4 этап – завершение конфликта различными способами и методами.

Виды конфликтов

По отношению к отдельному субъекту конфликты бывают внутренними и внешними. К первым относятся внутриличностные конфликты, ко вторым межличностные, между личностью и группой, межгрупповые.

Внутриличностный конфликт обусловлен противоречием человека с самим собой. Чаще всего он порождается, когда человек сталкивается с несовпадением внешних требований и внутренних позиций и мотивации (неудовлетворенность трудом, не-

возможность реализации своего трудового потенциала), либо когда встает проблема выбора одного из нескольких возможных и желаемых вариантов (ролевой конфликт).

Межличностный конфликт. Наиболее распространен, вовлекает двух или более индивидов, если они воспринимают себя как находящиеся в оппозиции друг к другу с позиций целей, ценностей или поведения (проблемы распределения ресурсов в коллективе, споры за вакантное рабочее место, несовпадение взглядов и др.). Для руководителя такие конфликты представляют наибольшую трудность.

Конфликты между личностью и группой. Они в основном обусловлены несовпадением индивидуальных и групповых норм поведения. Тот, кто не воспринимает их, становится в оппозицию, рискует остаться в одиночестве и быть непризнанным коллективом.

Межгрупповые конфликты, т.е. между группами (формальными и неформальными), а также между профсоюзами и администрацией. Такие конфликты обычно носят активный характер и вовлекают большое число сотрудников, что затрудняет их разрешение.

В зависимости от организационных уровней, к которым принадлежат стороны, конфликты делятся на:

- горизонтальные – между отдельными направлениями деятельности в организации, между формальными и неформальными коллективами и т.п.;
- вертикальные – между различными уровнями иерархии, их большинство, около 70–80%;
- смешанные, содержащие элементы как вертикальных, так и горизонтальных конфликтов.

По сфере возникновения и развития конфликты можно разделить на:

- деловые, связанные с официальной деятельностью человека, с выполнением деловых обязанностей;
- личные, затрагивающие неофициальные отношения.

По распределению между сторонами потерь и выигрышей конфликты делятся на:

- симметричные, с распределением поровну результатов конфликта;
- ассиметричные, когда одни теряют или выигрывают значительно больше, чем другие.

По степени проявления конфликты делятся на:

- скрытые, обычно затрагивающие двух человек, которые до поры до времени стараются не показывать вида, что конфликтуют. Скрытые конфликты часто развиваются в форме интриги, под которой понимается намеренное нечестное действие, выгодное инициатору, которое вынуждает коллектив или личность к определенным поступкам и этим наносит коллективу и личности ущерб;
- открытые, находящиеся под контролем руководства, поэтому они менее опасны для организации.

По характеру конфликты принято делить на:

- объективные, связанные с реальными проблемами и недостатками, возникающими в процессе функционирования и развития организации, т. е. имеют деловую основу;
- субъективные обусловлены различием индивидуальных оценок тех или иных событий, отношений между людьми. Они всегда эмоциональны и часто являются результатом психологической несовместимости людей, их непонимания и нежелания понять друг друга.

По своим последствиям конфликты бывают:

- конструктивными, способствующими развитию организации. Однако любой конструктивный конфликт, если его своевременно не преодолеть, превращается в деструктивный;
- деструктивными, наносящими организации ущерб. Важно знать, что деление конфликтов на виды условно.

Причины возникновения конфликтов

Каждый конфликт имеет свою причину (источник) возникновения. Причины, порождающие конфликты, можно разделить на три группы: возникающие в процессе труда, вызываемые психологическими особенностями человеческих взаимоотношений, обусловленные личностными особенностями сотрудников организации.

К первой группе относятся:

- недостаточная согласованность и противоречивость целей отдельных групп и работников, обусловленные неясностью постановки цели и задач каждого подразделения и работника, плохой организацией трудового процесса;
- взаимозависимость заданий, где один человек или группа зависят при выполнении задачи от другого человека или группы;
- усталость организационной структуры, нечеткое распределение прав и обязанностей, порождающее двойное или тройное подчинение исполнителей. В результате подчиненный вынужден либо сам ранжировать поступающие приказы по степени их важности, либо требовать этого от своего непосредственного руководителя, либо хвататься за все подряд;
- ограниченность ресурсов, а выделение большей доли ресурсов одним будет означать недополучение их другими членами коллектива, что вызовет недовольство и приведет к конфликтам;
- неудовлетворительная коммуникационная связь. Работники, не обладающие достоверной информацией, не могут понять ситуацию или точку зрения других;
- недостаточный уровень профессиональной подготовки, в результате такому работнику не доверяют выполнение отдельных видов работ, поэтому одни работники перегружены работой, а другие перегружены ею;
- неблагоприятные физические условия, такие, как посторонний шум, жара или холод, неудачная планировка рабочего места;
- неопределенность перспектив роста, при этом работник работает без энтузиазма, а трудовой процесс становится для него тягостным и бесконечным.

Ко второй группе относится психологический феномен человека, проявляющийся в чувстве обиды и зависти; взаимных симпатиях и антипатиях людей.

Третья группа включает такие причины возникновения конфликтов, как противоречия между функциями, входящими в круг должностных обязанностей работника, и тем, что он вынужден делать по требованию руководителя, если руководитель склонен к бюрократическим процедурам; необоснованное публичное порицание одних и незаслуженная похвала других сотрудников; различия в манере поведения и жизненном опыте. Встречаются агрессивные и враждебные люди, не умеющие контролировать свои эмоции. Различия в жизненном опыте, ценностях, образовании, стаже, возрасте и социальных характеристиках снижают степень взаимопонимания и сотрудничества в трудовом коллективе; недостаточность благожелательного внимания со стороны менеджера, его нетерпимость к критике, невнимание к нуждам и проблемам подчиненных и т.п.

Причины только тогда являются причинами конфликтов, когда делают невозможным личности или группе реализовать свои потребности, задевают личные и групповые интересы. Реакция индивида во многом определяется социальной зрелостью личности, допустимыми для нее формами поведения, принятыми в коллективе социальными нормами и правилами. В определенных ситуациях источником возникновения конфликта становится сам руководитель, менеджер, особенно если он склонен вносить в принципиальную борьбу мнений много мелочного, и позволяет себе личные выпады, злопамятен и мнителен, не стесняется публично демонстрировать свои симпатии, антипатии.

Причинами конфликта могут быть такие характеристики руководителя, как беспринципность, ложное понимание им единоначалия как принципа управления, тщеславие и чванство, резкость и грубость в общении с подчиненными.

Межличностные стили урегулирования конфликтов

Существует несколько тактических приемов разрешения конфликтов, они лежат в плоскости межличностных отношений и могут быть представлены пятью основными стилями.

Стиль ухода или уклонения от конфликта. Он связан с отсутствием личной настойчивости и желанием кооперироваться с другими по его разрешению. Если конфликт имеет объективные причины, данный подход благоприятен, т. к. дает им возможность успокоиться, осмыслить ситуацию и прийти к выводу, что для противостояния нет оснований и его продолжение бессмысленно. Если конфликт объективен, то тактика ухода от конфликта ведет к проигрышу как его участников, так и организации в целом, поскольку затягивается время, а причины, вызвавшие конфликт, не только сохраняются, но могут и усугубляться.

Стиль сглаживания (приспособления). Используется, когда одна из сторон в предмете конфликта не заинтересована, ранг ее оказывается более высоким, и она предоставляет другой стороне возможность получить то, что для нее важнее, а сама остается без выигрыша, но и не проигрывает. Этот стиль ослабляет накал страстей, позволяет осмыслить ситуацию и сохранить хорошие отношения. Однако обладатели такого стиля хоть и оцениваются окружающими положительно, но часто воспринимаются другими как слабые натуры, легко поддающиеся чужому влиянию.

Стиль принуждения (решения конфликта силой в свою пользу). Характеризуется большой личной вовлеченностью и заинтересованностью в устранении конфликта, однако без учета позиции другой стороны. Заставить принять свою точку зрения любой ценой. Для применения данного стиля необходимо обладать властью или физическими преимуществами, поэтому он часто сопровождается недозволенными силовыми приемами, запугиванием, шантажом и т.п.

Недостатками этого метода являются: подавление инициативы подчиненных, возникновение вероятности того, что не будут учтены все важные факторы, поскольку представлена и главенствует лишь одна точка зрения. При этом у окружающих складывается неблагоприятное мнение об индивиде, использующим этот стиль.

Стиль компромисса заключается в таком поведении в ходе разрешения межличностного конфликта, которое умеренно учитывает интересы каждой из сторон. Поскольку при этом обе стороны оказываются не в проигрыше, такой стиль широко используется на практике, но оптимального решения при этом принять, как правило, не удается, т.к. сама проблема остается нерешенной. Компромисс позволяет сохранить отношения и что-то приобрести вместо того, чтобы все потерять. По мнению специалистов в области управления, выбор стратегии компромисса – оптимальный путь к ликвидации противоречий. Однако использование компромисса на ранней стадии кон-

фликта, возникшего в связи с решением важной проблемы, может помешать поиску альтернатив.

Стиль решения проблемы (окончательного разрешения конфликта). Предполагает признание различия во мнениях и готовность ознакомиться с иными точками зрения, чтобы понять причины конфликта и найти курс действий, приемлемый для всех сторон. Использование такого стиля выгодно всем. Во-первых, оппоненты становятся партнерами, а следовательно, улучшается ситуация в организации. Во-вторых, проблема разрешается и перестает существовать. В-третьих, приобретаемые сторонами выгоды, даже если они и распределяются неравномерно, все равно превышают те, которые могут быть получены при использовании любого другого стиля. В основе этого стиля лежит отношение к конфликту как к нормальному явлению, которое тем не менее необходимо преодолеть и изжить.

Конкретное использование того или иного стиля зависит от характера поведения участников конфликта.

Управление конфликтом

Управление конфликтом – это целенаправленное воздействие по устранению (минимизации) причин конфликта или по коррекции поведения участников конфликта, изменению их целей.

Менеджер должен не устранять конфликт, а управлять им и эффективно его использовать. Первый шаг в управлении конфликтом состоит в понимании его источников. Менеджеру следует выяснить: это простой спор о ресурсах, недоразумение по какой-то проблеме, разные подходы к системе ценностей людей или это конфликт, возникший вследствие взаимной нетерпимости, психологической несовместимости. После определения причин возникновения конфликта он должен минимизировать количество его участников, т. к. чем меньше лиц участвует в конфликте, тем меньше усилий требуется для его разрешения.

Существуют три точки зрения на конфликт:

1) менеджер считает, что конфликт не нужен, наносит только вред организации, поэтому его нужно устранить любым способом;

2) конфликт – нежелательный, но распространенный побочный продукт любой организации, и менеджер должен устранить конфликт, где бы он ни возникал;

3) конфликт не только неизбежен, но и необходим и потенциально полезен, и это вполне нормальное явление. В зависимости от точки зрения на конфликт, которой придерживается менеджер, будет зависеть процедура его преодоления. В связи с этим выделяют две большие группы способов управления конфликтами:

- педагогические (беседа, просьба, убеждение, разъяснение требований к работе и неправомерных действий конфликтующих);
- административные (силовое разрешение конфликта, разрешение по приказу).

Для разрешения организационных конфликтов используются структурные методы управления конфликтами внутри организации, связанные с использованием изменений в структуре организации и направленные на снижение интенсивности конфликта.

В группу этих методов входят:

- разъяснение требований к работе, т.е. того, какие результаты ожидаются от каждого сотрудника и подразделения в рамках делегирования полномочий и ответственности, четко сформулированной политики и определенных правил поведения в организации;
- применение координационных и интеграционных механизмов. Первый, самый распространенный, представляет собой последовательное применение цепи команд, которая упорядочивает взаимодействие людей в рамках уста-

новленной иерархии полномочий. Для осуществления интеграции используется создание специальных служб, целевых групп для осуществления связи между функциями в рамках управленческой структуры;

- установление общеорганизационного комплекса целей, для осуществления которых требуются совместные усилия двух или более сотрудников либо отделов. Важно, чтобы каждый из участников четко понимал свое место и роль в общем процессе;
- использование системы вознаграждения, которую можно использовать для оказания положительного влияния на поведение людей в том случае, если руководитель видит, что отдельные сотрудники эффективно помогают в достижении общеорганизационных целей и стараются подойти к решению проблем комплексно. Система вознаграждений не должна поощрять неконструктивное поведение отдельных лиц и групп. Систематическое использование системы поощрения помогает людям быстрее понять основные правила поведения в коллективе и конфликтных ситуациях. Таким образом, **конфликтные ситуации в трудовых коллективах организаций управляемы**. В сложных ситуациях, когда разнообразные походы и точная информация являются существенными факторами, влияющими на принятие решений, менеджеры должны своевременно выявлять зарождающиеся конфликты и их разрешать, а в отдельных случаях поощрять возникновение ситуаций и управлять ими для разрешения проблем.

2.2.2. Сущность межэтнических конфликтов

Сущность межэтнических конфликтов заключается в том, что каждый этнос считает, что защитить свою культуру, самобытность и духовное единство он сможет только с помощью создания собственного государства.

Межэтнический конфликт – это любая конкуренция (соперничество) между группами, от противоборства за обладание ограниченными ресурсами до социальной конкуренции, во всех тех случаях, когда противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности её членов.

Причины межэтнических конфликтов:

- 1) экономические причины – борьба этносов за обладание собственностью, материальными ресурсами (земля, недра);
- 2) социальные причины – требования гражданского равноправия, равенства перед законом, в образовании, в оплате труда, равенстве при приёме на работу, особенно на престижные места в органах власти;
- 3) культурно – языковые причины – требования сохранения или возрождения, развития родного языка, сплывающего этнос в единое целое.
- 4) концепция «столкновения цивилизаций» Хантингтона объясняет современные конфликты конфессиональными, религиозными различиями.
- 5) исторические прошлые взаимоотношения народов.
- 6) этнодемографические – быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграции и различий в уровне естественного прироста населения.

Типы межэтнических конфликтов:

1) конфликты стереотипов (этнические группы четко не осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «нежелательного соседа», армяно-азербайджанский конфликт);

2) конфликт идей: выдвижение тех или иных притязаний, обоснование «исторического права» на государственность, на территорию (Эстония, Литва, Татарстан, в своё время идея Уральской республики);

3) конфликт действий: митинги, демонстрации, пикеты, принятие институциональных решений, открытые столкновения.

Способы разрешения:

1) отсечь наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, более склонные к компромиссам; важно исключить любые факторы, способные консолидировать конфликтующую сторону (угроза применения силы, например);

2) применение широкого спектра санкций – от символических до военных. Следует учитывать, что санкции могут работать на экстремистские силы, усиление и ожесточение конфликта. Вооруженное вмешательство допустимо только в одном случае: если в ходе конфликта, принявшего форму вооруженных столкновений, имеют место массовые нарушения прав человека;

3) перерыв конфликта, в результате меняется эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, ослабевают консолидации сил в обществе;

4) разделение глобальной цели на ряд последовательных задач, которые решаются последовательно от простых к сложным;

5) предупреждение конфликтов – сумма усилий, направленная на то, чтобы не допустить событий, приводящих к конфликтам.

Обострение этнических проблем во всём мире усилило внимание к методологическим и концептуальным поискам в сфере этнических конфликтов. «Межнациональные конфликты как социальное явление есть столкновение интересов разного уровня и содержания и представляет собой проявление сложных глубинных процессов в отношениях между отдельными этническими общностями, группами людей, протекающих под влиянием множества социально-экономических, политических, исторических, психологических, территориальных, сепаратистских, языково-культурных, религиозных и иных факторов», – считает М.Д. Давитадзе. Это означает существование национальных противоречий и проблем, вызывающих межнациональные конфликты, что, в свою очередь, порождает необходимость изучения причин их возникновения. Авторы труда «Социология межнациональных отношений в цифрах» выделяют следующие факторы, оказывающие влияние на межнациональные конфликты:

1) национальный состав региона конфликта (выше его вероятность в смешанных регионах);

2) тип поселения (вероятность выше в большом городе);

3) возраст (крайние полюсы: «старшие-молодые» дают более высокую вероятность конфликта);

4) социальное положение (выше вероятность конфликта при наличии маргиналов);

5) уровень образования (корни конфликта гнездятся в массе невысокого уровня образования, однако, следует помнить, что идеологами его всегда выступают отдельные представители интеллигенции);

6) политические взгляды (конфликты значительно выше у радикалов).

7) Какими бы причинами ни вызывались межэтнические конфликты, они приводят к массовому нарушению законов и прав граждан. Объективными причинами обострения межэтнической напряженности могут быть:

- во-первых, последствия серьёзных деформаций национальной политики, накопившаяся за долгие десятилетия неудовлетворенность, выплеснувшаяся наружу в условиях гласности и демократизации;
- во-вторых, результат серьёзного ухудшения экономического положения в стране, которое также порождает недовольство и вражду у различных слоёв населения, причём эти негативные настроения канализируются прежде всего в сфере межнациональных отношений;
- в-третьих, следствие заострившейся структуры государственного устройства, ослабления тех основ, на которых создавалась свободная федерация советских народов.

Немаловажны и факторы субъективного порядка. Межнациональные конфликты по причине и характеру происхождения могут быть:

- социально-экономическими (безработица, задержки и невыплаты зарплаты, социальных пособий, не позволяющие большинству граждан удовлетворять необходимые потребности, монополия представителей одного из этносов в какой-либо сфере услуг или отраслей народного хозяйства, и т.д.);
- культурно-языковыми (связанными с защитой, возрождением и развитием родного языка, национальной культуры и гарантированных прав национальных меньшинств);
- этнодемографическими (сравнительно быстрое изменение соотношения численности населения, т.е. увеличения доли пришлого, иноэтнического населения в связи с миграцией вынужденных переселенцев, беженцев);
- этнотерриториально-статусными (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов, требование малых народов о расширении или приобретении нового статуса);
- историческими (взаимоотношения в прошлом – войны, бывшие отношения политики «господство – подчинение», депортации и связанные с ними негативные аспекты исторической памяти, и т.д.);
- межрелигиозными и межконфессиональными (включая различия в уровне современного религиозного населения);
- сепаратистскими (требование создать собственную независимую государственность или же воссоединение с соседним «материнским» или родственным с культурно-исторической точки зрения государством).

Причиной возникновения межэтнических конфликтов могут стать и любые недобудуманные или заведомо провокационные заявления политиков, национальных лидеров, представителей духовенства, СМИ, происшествия бытового характера, случаи. Фактически этнонациональные организации не являются силами межнационального согласия и предотвращения конфликтов. Наоборот, в ряде случаев они выступают с деструктивных позиций, как это имело место с осетинской организацией «Стыр Ныхас» по отношению к усилиям североосетинских и ингушских властей преодолеть последствия конфликта.

Конфликты по поводу национальных ценностей, важнейших жизненных установок в сфере межнациональных отношений входят в число наиболее сложно разрешаемых, именно здесь наиболее остро может стоять проблема обеспечения и защиты гражданских, социально-культурных прав индивидов, представителей тех или иных этнических групп. По мнению А.Г. Здравомыслова, источником конфликта является мера и форма распределения властных полномочий и позиций, имеющихся в иерархии властных и управленческих структур. Собственно, это - политологический подход, в котором первоочередное внимание уделяется трактовке роли национальной элиты в моби-

лизации чувств в процессе межнациональной напряженности и её эскалации до уровня открытого конфликта.

Именно вопросы власти, роли местных национальных элит, стремящихся к её обладанию, связи властных органов и процессов распределения правомочий, экономических ресурсов, материальных благ, обладание определенными привилегиями – являются исходной основой для понимания причин роста межнациональной напряженности и, как её следствие, конфликтов, ущемления прав личности, интересов конфликтующих сторон.

Формы межнациональных конфликтов

Существуют цивилизованные и нецивилизованные формы межнациональных конфликтов:

- локальные войны (гражданские, сепаратистские);
- массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, грубыми и многочисленными нарушениями прав и свобод личности;
- религиозный фундаментализм.

В зависимости от мотивов (причин), особенностей субъективного состава, межнациональные конфликты могут быть представлены следующим образом:

1) национально-территориальные конфликты. Во многих случаях данные конфликты содержат попытки решения проблем «исторической родины» (исконные территории проживания или воссоединения разных этнических общностей);

2) конфликты, связанные со стремлением национальных меньшинств реализовать право на самоопределение;

3) конфликты, источником которых является стремление депортированных народов восстановить свои права;

4) конфликты, основанные на столкновении правящих национальных элит в экономической и политической сферах;

5) конфликты, связанные с дискриминацией какой-либо нации, этноса, нарушением её прав либо прав, свобод и законных интересов её представителей;

6) конфликты, обусловленные принадлежностью (по национальному признаку) к разным религиозным общинам, течениям, т.е. на конфессиональной почве;

7) конфликты, имеющие в своей основе расхождения и столкновения национальных ценностей (правовых, лингвистических, культурных и др.).

О важности исследования и предотвращения конфликтов на этнической, межнациональной основе свидетельствуют и такие цифры: по некоторым неофициальным источникам, в период с 1991 по 1999 г. число погибших в межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве составило более одного миллиона человек.

За проявлениями межнациональных противоречий во многих случаях реально стоят экономические проблемы. Например, в Карачаево-Черкессии не созданы элементарные механизмы рыночных отношений. Не решив экономические проблемы, вряд ли удастся решить межнациональные противоречия.

Состояние межнациональных отношений в России во многом определяется характером, тенденциями и перспективами развития русской нации. Полная картина, по мнению А.И. Доронченкова, даёт основание сделать заключение о том, что русская нация оказалась сегодня в состоянии кризиса и что в её развитии выявились следующие негативные тенденции:

1. Началась депопуляция русской нации. В 1991 г. смертность русских впервые, если не считать годы войны, превысила их рождаемость.
2. Углубилось хаотическое состояние хозяйства.
3. Аполитическое развитие массового сознания русских.

4. Наблюдается своеобразный духовный вакуум. Под видом объективной необходимости пересмотра ценностных ориентаций произошёл обрыв исторической памяти народа, фальсифицировано подлинное её содержание, антипатриотизация дегероизма великого подвига русского народа».

На характере межэтнических отношений может сказываться и так называемая модернизация страны (а в действительности – ее разрушение), всё более явное неравномерное социально-экономическое развитие территорий. Различия по заработной плате между регионами достигают сегодня 9–10 раз, по прожиточному минимуму – 4 раза, по уровню зарегистрированной безработицы – 20 раз. Эти диспропорции на фоне социально-экономического кризиса могут провоцировать глубокие социальные конфликты, которые в полиэтничных регионах обретают этнополитическую окраску. И, по мнению В.Н. Иванова, в анализе федеративных отношений мы не должны сбрасывать со счетов влияние внешнего фактора. Ещё в 1992 г. стали достоянием гласности «Американские прогнозы развития геостратегической ситуации в мире в конце XX – начале XXI вв.».

По данным исследований, проведенных Центром социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН, существует совокупность факторов, детерминирующих напряженность в межнациональных отношениях. Причём представления об этом отличаются в различных этнических группах. Так, если русские в первую очередь отмечают ухудшение экономической ситуации, политические кризисы, то для представителей титульных наций на первое место выходят такие признаки, как неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей, ошибки в национальной политике. Поэтому остаётся актуальной задача разработки и реализации более эффективной национальной политики. Невысокое мнение сложилось у населения относительно тех решений, которые принимает руководство Российской Федерации по урегулированию проблем в межнациональных отношениях. Решения эти часто запаздывают, а порой сами являются причиной конфликтов. Поэтому необходимо оптимизировать процесс принятия решения в сфере межнациональных отношений.

Психологические факторы межэтнических конфликтов

Как известно, поведение представителей того или иного народа характеризуется национально-этническими стереотипами, которые человек усваивает с детства и которые в дальнейшем функционируют преимущественно на подсознании.

Отсюда этническим конфликтам свойственны такие особенности бессознательного поведения, как эмоциональность, алогичность, символизм и слабая обоснованность рациональными доводами совершаемых действий.

В силу этих особенностей возникновение, развитие и разрешение межэтнических конфликтов в любой сфере жизнедеятельности общества и на любом уровне имеет свою специфику.

В зарождении и развитии межэтнического конфликта значительную роль играет завышенная самооценка «своих» и необъективно заниженная самооценка «чужих», а также «мифологическое мышление», суть которого заключается в том, что память сохраняет различные факты прошлого (победы и поражения, обиды и образы врага), а интеллект «дорабатывает» возможные варианты успешных деталей: в результате создается модель того, что могло бы быть, а, возможно, и было. Созданная таким образом «фантомная модель» может превратиться в программу действий для разжигания ненависти в межэтническом противостоянии.

В силу перечисленных особенностей межэтнические конфликты отличаются остротой противоборства и жестокостью форм ведения борьбы.

Какие же психологические факторы лежат в основе межэтнических конфликтов?

К ним мы относим прежде всего характер семейного воспитания, характер межгруппового взаимодействия и социальную категоризацию. Отношение к чужим группам (этносам) находится в прямой зависимости от амбивалентности эмоциональных отношений в семье. У человека, воспитанного в семье, где царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, т.е. на внешние группы. Заменителем ненавидимого отца часто становится представитель другой национальности, отношение к которому проявляется как в предрассудках, так и в действиях вплоть до геноцида. Результаты отдельных психологических исследований показали, что у людей, придерживающихся антисемитских взглядов, ярко выражены предубеждения и против других этнических общностей: когда испытуемых просили высказать свое отношение к двум не существующим в реальности народам, именно антисемитам не нравились эти группы-химеры. Для них была характерна общая тенденция неприятия всех чужих групп и завышение оценки собственной группы.

Что касается следующего выделенного фактора (характера межгруппового взаимодействия), то, раскрывая его, следует выделить прежде всего несовместимость групповых интересов, когда только одна из взаимодействующих групп может стать победительницей, причем в ущерб интересам другой. Конкуренция, возникающая между этническими группами на почве несовместимых интересов, непосредственно ведет к враждебности, которая проявляется в негативных стереотипах и социальных установках, а также в росте сплоченности внутри своей группы. А все вместе приводит к враждебным действиям против другой группы.

Социальная категоризация как психологический фактор межэтнического конфликта связана с обеспечением индивидов системой ориентаций в мире, определением их места в обществе. Она проявляется, во-первых, в том, что члены одной группы воспринимаются как более похожие, чем они есть на самом деле, что приводит к деиндивидуализации, выражающейся в чувстве собственной анонимности и недифференцированном отношении к отдельным представителям чужой группы. Деиндивидуализация же облегчает осуществление агрессивных действий по отношению к «врагам». При исследовании традиционных культур было обнаружено, что чем больше сходных элементов оформления внешности (одежда, прическа, раскраска лица и тела), способствующих деиндивидуализации у членов племени, тем более оно агрессивно.

Отсюда и сегодня единая форма в армиях как элемент, увеличивающий деиндивидуализацию, безусловно, облегчает проявление агрессивности по отношению враждующих сил. Во-вторых, социальная категоризация может проявляться и тогда, когда члены двух групп воспринимаются как более отличающиеся друг от друга, чем они есть на самом деле, т.е. речь идет о межгрупповой дифференциации, протекающей в форме противопоставления своей и чужой групп: большинство противопоставляется меньшинству, христиане – мусульманам, коренное население – чужакам и т.п.

Межэтнические конфликты – одни из самых остро протекающих конфликтов, их полное разрешение психологическими методами, конечно же, невозможно. Однако учет вышеназванных психологических факторов, а также установление эмоциональных связей между людьми через идентификацию как достижение общности чувств, личное знакомство людей разных национальностей, доброжелательность отношений между родителями и детьми в семье, выработка общих целей, имеющих равную привлекательность для разных этносов в какой-то мере могут способствовать снижению агрессии против другого народа, а значит, предупреждению или локализации межэтнического конфликта.

Особенность межгосударственного конфликта. Основные направления предотвращения государственных конфликтов.

Специфика межгосударственных конфликтов определяется следующим:

- их субъектами выступают государства или коалиции;
- в основе межгосударственных конфликтов лежит столкновение национально-государственных интересов конфликтующих сторон;
- межгосударственный конфликт является продолжением политики государств-участников;
- современные межгосударственные конфликты одновременно локально и глобально влияют на международные отношения;
- межгосударственный конфликт сегодня несет опасность массовой гибели людей в странах-участницах и во всем мире.

Во всех межгосударственных конфликтах одну из ведущих ролей играют социально-экономические интересы сторон.

Особенностью межгосударственного конфликта является его взаимосвязь с внутривнутриполитическими конфликтами. Она может проявляться в различных вариантах:

Переход внутривнутриполитического конфликта в межгосударственный.

В этом случае внутривнутриполитический конфликт в стране провоцирует вмешательство в ее внутренние дела других государств или вызывает напряженность между другими странами по поводу этого конфликта.

Влияние межгосударственного конфликта на возникновение внутривнутриполитического конфликта.

Выражается в обострении внутренней обстановки в стране в результате ее участия в международном конфликте.

Межгосударственный конфликт может стать одной из причин временного урегулирования внутривнутриполитического конфликта.

Основные направления предотвращения межгосударственных конфликтов определяются исходя из принципов демократического развития мира (А. Богдонов, А. Глухова).

1. Интернационализация жизни мирового сообщества в хозяйственно-экономической, политической и культурной сферы. Свидетельство тому – существующие уже десятилетия и вновь создаваемые экономические союзы, сообщества, совместные предприятия.

2. Строгое соблюдение всеми сторонами и народами принципа мирного сосуществования. Главное в содержании этого принципа – признание всеми субъектами международных отношений права каждого народа на свободный выбор пути развития и недопустимости его навязывания любому государству или обществу, а также признание объективно существующей многовариантности общественного развития.

3. Снижение уровня военного противостояния – непрерывное, последовательное и равномерное сокращение вооружений, прежде всего оружия массового поражения. Во-первых, разоружение должно быть взаимное, равномерное и равноценное для всех конкурирующих сторон. Во-вторых, недопустимость монополии одной из стран в разработке нового оружия, в том числе имеющего оборонительный характер. В-третьих, в современных условиях, когда невозможен абсолютный контроль за процессами разоружения и разработкой нового оружия, необходимо развитие доверия и сотрудничества в этих областях.

4. Усиление роли международных межправительственных организаций, таких, как ООН, СБСЕ и другие, в области правового регулирования взаимоотношений между странами. Главная задача этих организаций в контексте рассматриваемой проблемы –

возглавить строительство системы международной региональной и всеобщей безопасности.

Проблема предотвращения применения военной силы во внешнеполитической практике – сегодня одна из самых актуальных. Решение ее гарантирует общий цивилизационный прогресс и способствует предотвращению конфликтов во внутривнутриполитической жизни государств.

2.2.3. Межконфессиональные конфликты

Межконфессиональные конфликты: природа, специфика и причины

Отличительной чертой межконфессиональных (религиозных) конфликтов является то, что они возникают в духовной сфере жизни общества и касаются вопросов веры и духовных ценностей. Таким образом, их следует относить к *конфликтам ценностей*, поэтому объектом анализа является религиозное сознание, религиозные представления и формы религиозной жизни социокультурных объединений людей. В то же время не вызывает сомнений, что по своим характеристикам религиозные конфликты являются *социальными*, поскольку сама религия выступает духовной основой человеческого общества.

Наиболее классическое определение религиозного конфликта рассматривает его как столкновение и противодействие между носителями религиозных ценностей (от отдельных носителей, т.е. верующих, до конфессий), обусловленное различиями в их мировоззрении, представлениях и отношении к Богу, разным участием в религиозной жизни.

Межконфессиональные конфликты – явление сложное и многоаспектное, в нем, в частности, выделяют политический, идеологический и исторический аспекты.

Политический аспект связан с тем, что нации, как правило, формировались на основе общей религии. Большинство современных конфликтов европейских и азиатских государств возникли из-за стремления национально-религиозных меньшинств этих стран к политической и религиозной независимости. Чисто религиозных конфликтов сегодня не существует: но своему содержанию они скорее национально-религиозные или религиозно-политические.

Идеологический аспект выражается в разных взглядах на взаимосвязь между религией и политикой. Среди многообразия различных взглядов по данному вопросу можно выделить три основных подхода. Первый подход заключается в отсутствии точек пересечения религии и политики. Второй подход предполагает, что ключевая роль религии есть сплочение людей для отражения внешней угрозы либо преодоления внутренних проблем. Сторонники третьего подхода полностью отождествляют религию с политикой.

Исторический аспект позволяет точнее разобраться с генезисом конфликтов, а также с границами конфликтов и динамикой их протекания. Например, существуют так называемые *возрастные конфликты* между церковью и государством, между религиями, которые продолжаются на протяжении всего периода существования этих верований во всех странах мира. Есть конфликты, которые имеют конкретную границу, например, конфликт, связанный с расколом церковью в 1054 г. Любая религия имеет исторический характер.

Религиозным конфликтам присущи также **психологические характеристики**. Во-первых, любой конфликт как многомерное психологическое явление требует духовных и физических сил, а иногда и жертв. Во-вторых, типы поведения людей в конфликте могут быть различными: от агрессии до стремления избегать конфликтной

ситуации. Наиболее опасен *религиозный фанатизм*, т.е. нетерпимое, враждебное отношение к другим вероисповеданиям, мыслям и действиям, которые могут таить угрозу для определенной религии. Фанатизм опасен и для самой религии, поскольку насаждение веры путем насилия дискредитирует ее духовную сущность.

Объективными причинами религиозных конфликтов нужно считать те, которые возникли на противостоянии интересов верующих различных конфессий; взаимоисключающих формах организации религиозной жизни; обострении проблем между церковью и государством. **Внутренние, субъективные причины** необходимо рассматривать через мотивы, которые определяют действия каждого участника конфликта.

Анализируя причины противостояния разных конфессий, часто можно заметить, что они сводятся к удовлетворению интересов соответствующих общественных групп, которые связаны с конкретными формами религиозных организаций и отношениями между священнослужителями и мирянами. В разных церквях накопились определенные различия, которые объективно вступают в противоборство и могут быть решены только через конфликт (см. рисунок).

Догматические различия заключаются в том, что православные соблюдают в неизменном виде Символ веры, провозглашенный I и II Вселенскими соборами, т.е. догмат о природе Христа, догмат о равенстве и единосущное Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном. Католики же добавили в свое вероучение утверждение о происхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына, приняли догматы о чистилище, непорочном зачатии и вознесения Девы Марии, о непогрешимости папы в делах церкви и вероучения. Не может быть принятым для православия и протестантский догмат о спасении собственной верой, который устраняет церковь и духовенство как посредника между человеком и Богом.

Рисунок. Основные межконфессиональные различия

Церковно-организационные различия связаны с отказом считать папу наместником Христа на земле. Единственным главой церкви является сам Господь. Непримирым является отказ протестантов от иерархии священников, где каждый верующий может проводить богослужения. Православие не признает светской власти за епископами и монашеские ордена. У протестантов нет монашества.

Обрядовые различия заключаются в том, что, кроме католиков, во всех конфессиях богослужение проводится на национальных языках.

Миссионерские различия состоят в том, что православие не приветствует насильственные способы привлечения в свою веру.

Политические различия сводятся к тому, что православие не претендует на светскую власть, не участвует самостоятельно в политической борьбе.

Моральные различия заключаются в том, что православие обращается к свободному человеческому сердцу, а католицизм апеллирует к покорности и слепому послушанию.

Что касается типологии, то в зависимости от характера ценностей и взглядов, которые сталкиваются в религиозных конфликтах, различают антагонистические и неантагонистические, явные и тайные, внешние и внутренние конфликты. Кроме того, типология религиозных конфликтов включает следующие принципиальные их виды:

- «индивид – индивид»;
- «индивид – социальная группа»;
- «индивид – общество»;
- «общественные институты – религиозные нетрадиционные организации»;
- «государство – церковь».

Поскольку религиозные конфликты отличаются один от другого, то достаточно проблематично говорить о стандартизированных способах их решения.

Раздел 3. Управление конфликтами: коммуникативные компетенции в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия

Тема 3.1. Основы межкультурной коммуникации в современной России

сост. Лукашевич Е.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Понятия «диалог культур», «толерантность», «межнациональное / межкультурное взаимодействие» и т.п. актуальны для всех сфер деятельности человека. В значительной степени они политкорректно обозначают проблемы современного мира: конфликты культур, различные проявления нетерпимости к другим культурам, народам, языкам.

«Смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур».

Гер-Минасова С.Г., 2008

Понятие межкультурной коммуникации является междисциплинарным, основывается на взаимодействии языка и культуры. Под межкультурной коммуникацией в широком смысле понимают взаимодействие людей, которые относятся к разным культурам и родные языки у них разные. При таком понимании за основу принимаются различия, лакуны, которые осознаются коммуникантами и создают коммуникативные барьеры во взаимодействии.

Выделяется два основных подхода в межкультурной коммуникации. Первый акцентирует культурные различия и неудачи в межкультурных отношениях. В его основе – конфликт культур. Второй подход строится на стремлении к интеграции, конструктивном поиске общего у представителей разных культур. Полилог / диалог культур строится на желании коммуникантов поделиться знаниями о своей культуре, представить ее ценности, нормы, модели поведения и т.п. В этом случае как чужая, так и своя культура, с одной стороны, выступают объектом наблюдения, познания, а с другой – служат инструментом, механизмом понимания, интерпретации чужой (а возможно, и своей) культуры.

Достижение взаимопонимания представителей разных народов, культур, политика «мягкой силы», межкультурная коммуникация и обмен культурным наследием стали приоритетом развития в современном мире.

«Межкультурный диалог понимается как открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни».

«Белая книга» по межкультурному диалогу, 2008. С. 13

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обучение основам межкультурной коммуникации позволяет развивать когнитивную гибкость у представителей разных культур. Специалисты по межкультурной коммуникации считают, что в этом случае коммуниканты признают право представителей чужой культуры на «чужеродность» / «инаковость», развивают способность воспринимать незнакомые ценности, нормы, традиции, социальные и коммуникативные практики, не рассматривают этнические предубеждения и этноцентризм в качестве единственных установок в межкультурной коммуникации.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- «Белая книга» по межкультурному диалогу. Страсбург: Совет Европы, 2008.
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для вузов. М. : Академия, 2007.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с. Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/intercult/mkk.htm> (дата обращения: 18.06.2020).
- Рябова М.В. Культура и язык как фундаментальные составляющие межкультурного общения. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/75.html> (дата обращения: 18.06.2020).
- Садохин А.П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2004.
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие. М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2007.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html> (дата обращения: 12.02.2020).
- Шаваева М.О., Эфендиев Ф.С. Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия. Нальчик, 2005.

Тема 3.2. Конфликт vs. диалог культур

сост. Лукашевич Е.В.

ДЕЛОВАЯ ИГРА «ВОЙНА И МИР ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: ВЕКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА»

ЦЕЛЬ: определение проблемных зон диалога культур, возможностей интеграции и сотрудничества, выявление фильтров внимания, культурных стереотипов, характеризующих разные лингвокультуры.

ТЕМЫ: культурные стереотипы, межкультурная коммуникация, возможности интеграции и сотрудничества.

Рассматриваются следующие вопросы:

1. Почему важен диалог культур в современной России?
2. О каких особенностях вашей культуры вы можете рассказать представителям других культур?
3. О каких особенностях коммуникативного поведения в вашей культуре вы посчитали бы необходимым предупредить?

Размер группы – 25 человек. Микрогруппы выделяются в зависимости от этнокультурной принадлежности слушателей. При необходимости в помощь модератору выделяются 2-3 супервизора для наблюдения за коммуникативным поведением участников деловой игры.

Время – 60 минут.

Материалы: флипчарт, маркеры, ручки, бумага для работы слушателей.

Инструкция:

1. Выступление модератора. Подготовка слушателей к работе, объяснение последовательности действий и фиксации результатов. Представление слайда презентации, на котором определены этапы, время выполнения.
2. Попросить слушателей разбиться на микрогруппы по признаку этнокультурной принадлежности. Желательно получить не менее 3 групп. Раздать бумагу, ручки
3. Дать 15–20 минут для обсуждения предложенных вопросов и подготовки групповой презентации. Форму презентации определяет группа, но обязательна фиксация записи на флипчарте.
4. Каждая микрогруппа презентует свою лингвокультуру, обозначает установленные в результате мозгового штурма культурные стереотипы, отвечает на вопросы слушателей.
5. Затем обсуждаются результаты. Выступают слушатели, дают оценку своей и коллективной работы, обмениваются мнениями о том, какие культурные стереотипы связаны с презентованной лингвокультурой. Супервизоры делятся впечатлениями об организации групповой работы, о коммуникативном поведении слушателей программы в межкультурной коммуникации.
6. Модератор подводит итог групповой работы и акцентирует внимание на 2–3 векторах межкультурного диалога.

Тема 3.3. Тренинг управления межнациональными и межконфессиональными конфликтными ситуациями

сост. Черепанова М.И.

Психодиагностика конфликтов

Методики диагностики и прогнозирования межэтнических конфликтов.

Известен тезис о том, что каждый метод есть всего лишь один из способов приближения к истине. Для достижения оптимального уровня этнопсихологического исследования необходимы не только отдельные методики, но и целостная программа – комбинация методов.

Среди основополагающих принципов конкретной методики эмпирической этнопсихологической программы можно выделить следующие:

1. Главной частью программы является блок психологических методик, адаптированных с учетом культурной специфики.

2. При подборе методик необходимо стремиться к сочетанию вербальных и невербальных техник, направленных на изучение одного и того же феномена или связи. И поэтому взаимно дополняющих друг друга.

3. Одним из главных антропологических принципов является требование проводить исследование «в поле». Следовательно, опросники должны быть доступны, наглядны и не утомительны.

Проведение эмпирических исследований в ситуациях межэтнической напряженности требует от исследователя особого отношения. Его важнейший долг – не спровоцировать дальнейший рост напряженности, не дать дополнительных поводов для роста взаимной неприязни между народами. Если исследование осуществляется на этапе конфликтной напряженности, необходимо ограничить вопросы и приемы наиболее нейтральными в эмоциональном отношении.

Этнопсихологические программы конструируются с целью изучения межэтнических отношений через отдельную личность. Данные методики дают возможность анализировать межэтнические отношения, определять уровень межэтнической напряженности и прогнозировать конфликты.

Главными элементами этнопсихологического анализа явились эмоционально-оценочные, когнитивные и поведенческие компоненты этнической идентичности.

Создание оригинальных методов исследования – очень сложный и длительный процесс. Поэтому в данной работе будут представлены только четыре оригинальные и завершенные методические разработки:

- 1) диагностический тест отношения;
- 2) методические разработки на выявление типов этнической идентичности и степени этнической толерантности;
- 3) методические разработки на выявление этноаффилиативных тенденций;
- 4) методические разработки на выявление ценностных ориентации.

Кроме того, представлена комплексная методика ЮНЕСКО.

Стимульный материал к трем последним разработкам подготавливался в 1989–1994 гг. группой сотрудников сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН. Разработки прошли широкую апробацию в массовых этносоциологических исследованиях, дипломных и аспирантских работах психологического факультета МГУ.

ДТО разрабатывался для исследования эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа. Он широко используется психологами в исследовании межгрупповых и межличностных отношений. Это оригинальная модификация метода се-

мантического дифференциала (СД). Создавая эту методику, авторы исходили из того, что особенность восприятия этнических групп по шкале «нравится – не нравится», как правило, состоит в том, что одни и те же качества, приписываемые и своей, и другой общности, могут интерпретироваться по-разному. В случае расположения этнических групп на противоположных полюсах данной шкалы, добродетель одной группы («мы – экономны, бережливы») рискует превратиться в порок другой («они – жадны, скупы»). То, что применительно к собственному народу определяется как настойчивость, твердость характера, применительно к «чужаку» может называться упрямством.

Это определило подбор шкал по следующему принципу. Из двух антонимов типа «щедрый – жадный» выбиралось только негативное качество «жадный», а в качестве противовеса – «золотая середина»: «экономный».

На основе такого принципа подбора авторы и получены шкалы, полюса которых различаются по эмоциональным параметрам, в то время как их смысловые значения могут расцениваться как достаточно близкие. Пары качеств выбирались из массива личностных характеристик, наиболее часто приписываемых представителям собственной и других этнических групп и рассматривались как стереотипные в отечественных и зарубежных социально-психологических исследованиях. Учитывались их частотные характеристики (Частотный словарь русского языка, 1977), исключались метафоры, архаизмы, вульгаризмы, синонимы. Диаметральность характеристик в выделяемых парах качеств оценивали эксперты – профессиональные психологи. Для качеств каждой пары эксперты должны были найти определенную позицию на шкале «привлекательный – непривлекательный». Данная ось оценки выступила в качестве фильтра, дифференцирующего пары признаков с наиболее расходящимися эмоциональными значениями.

Полный вариант ДТО представляет набор 20 пар качеств, размещенных на одной карточке. Второй сокращенный вариант, чаще применяемый исследователями, включает 12 пар качеств. На стандартном бланке ДТО обычно представлено 4 карточки.

Инструкция испытуемому. Оцените последовательно по предложенным характеристикам себя, «идеал», «типичного» представителя своей национальности и т.д. Оценку каждого качества вписывайте в соответствующую клетку. Качества оцениваются по 4-балльной шкале: 1 – данное качество отсутствует, 2 – качество выражено слабо, 3 – качество выражено средне, 4 – качество выражено в полной мере.

Бланк ДТО

дипломатичный	навязчивый	гордый	общительный	высокомерный	лицемерный
активный	бесхарактерный	остроумный	покладистый	ехидный	агрессивный
экономный	упрямый	находчивый	настойчивый	хитрый	жадный
темпераментный	педантичный	осторожный	аккуратный	трусливый	вспыльчивый

На карточке полюса шкал размещены по определенному принципу:

+ – + + – –

+ – + + – –

+ – + + – –

+ – + + – –

Здесь «–» соответствует негативному полюсу шкалы, а «+» – «золотой середине». В каждой строке пары качеств, например, «дипломатичный – лицемерный» соответственно представлены порядковыми номерами: 1–6; 2–4; 3–5.

ДТО позволяет измерить следующие параметры этнических стереотипов: амбивалентность, выраженность и направленность. Их количественные показатели рассматриваются как индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Амбивалентность характеризует степень эмоциональной определенности стереотипа. Высокая неопределенность и, следовательно, высокий коэффициент амбивалентности (А) будут зафиксированы в случае низкой поляризации оценок противоположных качеств каждой пары, когда респондент не отдает четкого предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки.

Общий коэффициент амбивалентности определяется с учетом коэффициентов амбивалентности всех 20 пар как их среднее арифметическое. Знак эмоциональной определенности – «позитив» или «негатив» – можно установить на основе соответствующих коэффициентов выраженности и направленности.

Выраженность (интенсивность) стереотипа отражает силу стереотипного эффекта. Вычисление коэффициента выраженности 5 основано на подсчете числа четко поляризованных пар качеств. Коэффициент по одной паре качеств будет тем выше, чем больше расстояние между парами качеств. Подсчет коэффициента выраженности производится с учетом знака оценок. В результате этого выявляется не просто интенсивность стереотипа, но и его позитивная или негативная направленность.

Общий коэффициент выраженности данного стереотипа определяется с учетом коэффициентов выраженности всех пар качеств как их среднее арифметическое.

Направленность стереотипа характеризует знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту. Числовое значение диагностического коэффициента О близко числовому значению коэффициента выраженности, но «более чувствительно» к изменению знака стереотипа.

Подходы к интерпретации результатов, полученных на основе ДТО, могут быть дополнены вспомогательными показателями. Речь идет не об абсолютных значениях коэффициентов, а о соотносительных. Так, если требуется оценить уровень самооценки с помощью ДТО, обычно пользуются абсолютным показателем диагностического коэффициента образа «Я». Однако при одном и том же значении этого показателя у двух испытуемых уровень самооценки может быть проинтерпретирован в одном случае как высокий (в случае, если диагностический коэффициент образа «Я» равен или даже превышает аналогичный показатель для образа «Идеал»), а в другом – как очень низкий (если дистанция между диагностическими коэффициентами образов «Я» и «Идеал» будет значительной). Поэтому для анализа самооценки корректнее использовать показатель, в числовом выражении представляющий собой разность между диагностическими коэффициентами образа «Идеала» и образа «Я».

Аналогичный подход возможен и при выделении иных вспомогательных показателей, в частности, показателя этнических предпочтений. Удобной моделью системы этнических предпочтений может служить степень совпадения образов этнических групп с образом «Идеал». В числовом выражении данный показатель представлен разностью между диагностическими коэффициентами образа «Идеал» и образа типичного представителя какой-либо национальности. Проранжировав результаты сопоставления образа «Идеал» с типажамы различных этнических групп, исследователь получит информацию об общей системе этнических предпочтений данного респондента.

Удобной моделью для анализа этнической идентификации и межэтнической дифференциации служит степень совпадения образа «Я» с образами различных этнических групп. В числовом выражении показатель этнической идентификации рассматривается как разность между диагностическими коэффициентами, с одной стороны, образа «Я» и, с другой, автостереотипами и гетеростереотипами. Очевидно, что чем ближе к

нулю будет величина данного показателя, тем более схожи по направленности эмоционально-ценностные компоненты образа «Я» и групповых образов, а значит, тем выше уровень этнической идентификации (при сравнении с автостереотипом) и ниже уровень межэтнической дифференциации (при сравнении с гетеростереотипами). Чем более отличной от нуля будет величина данного показателя, тем более чуждой ощущает респондент ту или иную этническую группу. Важное значение, как и в других показателях, имеет его знак, то есть воспринимает ли он себя в качестве более (в случае положительного значения) или менее (при отрицательных значениях) достойного человека по сравнению с типичными представителями данной национальности. При сопоставлении образа «Я» с типажам различных этнических групп можно получить целый ряд показателей этнической идентификации, проранжировав и, сопоставив которые, исследователь будет иметь информацию о том, с какой этнической группой испытуемый идентифицирует себя в наибольшей степени, а с какой – в наименьшей.

Главная задача **методической разработки «Типы этнической идентичности»** – определение тенденций трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности. Одной из форм кризисных трансформаций этнической идентичности является рост этнической нетерпимости. Толерантность – нетолерантность, главная проблема межэтнических отношений в условиях роста межэтнической напряженности, явилась ключевой социально-психологической характеристикой при конструировании данного опросника. Степень этнической толерантности оценивалась на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности были выделены на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, до национального фанатизма – апофеоза нетерпимости и высшей степени негативизма по отношению к другим этническим группам.

В результате серии экспертных оценок и пилотажных исследований были отобраны 30 суждений-индикаторов, интерпретирующих конец фразы: «Я такой человек, который...». Индикаторы отражают отношение к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического воздействия.

Инструкция испытуемому.

Ниже приводятся высказывания различных людей по вопросам национальных отношений, национальной культуры. Подумайте, насколько ваше собственное мнение совпадает с мнением этих людей. Определите свое согласие или несогласие с данными высказываниями.

БЛАНК «ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ».
Я – ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ

	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
1. предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам					
2. считает, что межнациональные браки разрушают народ					
3. часто ощущает превосходство людей другой национальности					
4. считает, что права нации всегда выше прав человека					
5. считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения					
6. предпочитает образ жизни только своего народа					
7. обычно не скрывает своей национальности					
8. считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности					
9. часто испытывает стыд за людей своей национальности					
10. считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа					
11. не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную					
12. нередко чувствует превосходство своего народа над другими					
13. любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов					
14. считает строго необходимым сохранять чистоту нации					
15. трудно уживается с людьми своей национальности					
16. считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей					
17. безразлично относится к своей национальной принадлежности					
18. испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь					
19. готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия					

20. считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов					
21. часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности					
22. считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами					
23. считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории					
24. раздражается при близком общении с людьми других национальностей					
25. всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре					
26. считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур					
27. не уважает свой народ					
28. считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу					
29. никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам					
30. считает, что его народ не лучше и не хуже других народов					

Методическая разработка «Этническая аффилиация»

Цель разработки – исследование этнических эмоциональных тенденций. В качестве эмпирических оснований изучения использовались три критерия, среди них подчинение индивидуальных целей групповым, выраженная идентификация со своей этнической группой, восприятие себя как части группы, а группы как продолжения самого себя.

Инструкция испытуемому: Ниже приводится ряд высказываний. Нас интересует Ваше мнение относительно этих суждений. Укажите, пожалуйста, согласны Вы с ними или нет.

БЛАНК «ЭТНИЧЕСКАЯ АФФИЛИАЦИЯ»

Варианты ответов: «Согласен», «Не согласен», «Не знаю».

1. Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа.
2. В своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем какими-либо другими, в том числе и национальными.
3. Взаимопонимание в семье совершенно не зависит от того, к какой национальности принадлежат члены этой семьи.

4. Каждый человек несет в себе долю вины за ошибки, совершенные его народом.

5. Современному человеку его национальность должна быть безразлична.

6. В жизни необходимо придерживаться норм и правил, выработанных в культуре своего народа.

7. Народам, исповедующим одну и ту же религию, легче понять друг друга.

8. В жизни необходимо жить своим умом без опоры на нормы и правила поведения, принятые у того или иного народа.

9. Интересы народа должны быть важнее, чем проблемы и интересы отдельной личности.

10. Взаимопонимание между народами не зависит от того, какую религию они исповедуют.

11. Если в семье появляется человек другой национальности, то это скорее всего осложнит взаимопонимание.

12. Человеку необходимо ощущать себя частью какого-либо народа.

13. Никогда нельзя сказать, что отдельный человек несет в себе характерные черты своего народа.

14. Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа.

15. Человек всегда должен помнить о своей национальности.

16. Отдельный человек не может отвечать за дела своего народа.

17. Народные обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному человеку.

18. За национальностью человека всегда можно увидеть его народ.

Индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности: 1, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 18. Индикаторы, отражающие низкую потребность в этнической принадлежности: 2, 3, 5, 8, 10, 13, 14, 16, 17.

Цель методики – измерение в пределах психологической универсалии «индивидуализм – коллективизм» групповых ценностных ориентации в четырех сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения.

Шкала «ориентация на группу – ориентация на себя» рассматривается на основе таких параметров, как внутригрупповая поддержка (взаимовыручка – разобщенность), подчиненность группе (подчинение – самостоятельность) и традиционность (верность традициям – разрушение традиций). Ориентация на изменения рассматривается в диапазоне «открытость переменам – сопротивление переменам» по параметрам: открытости – закрытости культуры (открытость – замкнутость), ориентации на перспективу (устремленность в будущее – устремленность в прошлое), степени риска (склонность к риску – осторожность). Ориентация друг на друга – в диапазоне «направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия» по параметрам: толерантности – интолерантности (миролюбие – агрессивность), эмоциональности (сердечность – холодность) и мотивации достижения (уступчивость – соперничество). Ориентация на власть – в диапазоне «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» по параметрам: подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность – своеволие, законопослушность – анархия) и значимость авторитета (уважение власти – недоверие к власти).

Инструкция испытуемому: Как Вы считаете, насколько характерны данные качества для Вашего народа (для другого народа)? Качества оцениваются по 4-балльной шкале: 1 – данное качество отсутствует, 2 – качество выражено слабо, 3 – качество выражено средне, 4 – качество выражено в полной мере.

Взаимовыручка 4321 1234 Разобщенность
Замкнутость 4321 1234 Открытость
Дисциплинированность 4321 1234 Своеволие
Агрессивность 4321 1234 Миролюбие
Верность традициям 4321 1234 Разрушение традиций
Осторожность 4321 1234 Склонность к риску
Уважение власти 4321 1234 Недоверие к властям
Сердечность 4321 1234 Холодность
Подчинение 4321 1234 Самостоятельность
Устремленность в прошлое 4321 1234 Устремленность в будущее
Законопослушность 4321 1234 Анархия
Уступчивость 4321 1234 Соперничество

Помимо выявления ценностных ориентации в различных культурах, на основе данных ДТО и КЦД вычисляются также показатели адекватности, близости, отличительности и совпадения взаимных ожиданий. Они отражают степень совпадения содержания образов этнических групп.

Процедура математической обработки представляет следующую последовательность:

1. Вычисление степени выраженности отдельного качества. Степень выраженности качества определяется через коэффициент выраженности, принимающий значение от 0 до 100. Выраженность качества, получаемая на основе опроса мнения и выражаемая четырьмя категориями, приводится к коэффициенту выраженности посредством следующей формулы:

$$K = 1/6 * [300 - 3*k_1 - k_2 + k_3 + 3*k_4],$$

где k_1 – «качество не выражено», k_2 – «качество выражено слабо», k_3 – «качество выражено средне», k_4 «качество выражено в полной мере».

При этом очевидно, что (а) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 1-й категории ответа («качество не выражено»), равном 100%, значение коэффициента выраженности равно 0; (б) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 2-й категории («качество выражено слабо»), равном 100%, значение коэффициента выраженности равно 0,33; (в) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 3-й категории («качество выражено средне»), равном 100%, значение коэффициента выраженности равно 0,66; (г) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 4-й категории («качество выражено в полной мере»), равном 100%, значение коэффициента выраженности равно 100. При каком-либо распределении предпочтений опрошенных между этими четырьмя категориями значение коэффициента выраженности изменяется пропорционально предпочтениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные научные данные говорят о том, что этническая (национальная) принадлежность является продуктом политической, культурной, религиозной и языковой истории общества, его традиций, обычаев, а иногда и мифов, а не общего происхождения. Этническая принадлежность и борьба за национальное самоопределение сыграли в истории двойственную роль: а) ведущего фактора в падении империализма, тоталитаризма и утверждении прав и свобод личности, б) причины разрушительных конфликтов, унесших жизнь миллионов и причинивших огромный ущерб, а также оправдания ущемления прав и свобод личности «во имя нации» и установления деспотических режимов.

Нет особой нужды указывать на примеры (трагедия народов бывших республик Югославии, народов Ближнего Востока, Чечни и т.д.). Нет никакой гарантии того, что этнические конфликты не охватят и регионы России. Все это требует внимательного анализа рекомендуемых теорией мер по профилактике и преодолению этнических конфликтов.

Источником этноконфликта могут выступать дискриминация, этноцентризм, социальная паранойя. Разрешение конфликта выступает как движение от конфликтных форм взаимодействия к сотрудничеству или конкуренции, т.е. к конструктивному взаимодействию.

Во избежание конфликта властям следует:

- укреплять принцип единого и полного гражданства для всех жителей. Недостаточно принять законы – надо вовлекать национальные меньшинства в процесс принятия и исполнения законов (т.е. снять подозрения в несправедливости);
- вновь образованным государствам надо начинать с нулевого варианта гражданства, т.е. все живущие на территории государства должны получить гражданство. Это требование нарушено в некоторых государствах по отношению к русским, что чревато этнической напряженностью;
- осуществлять социально-экономическую политику, направленную на улучшение жизни и повышение статуса групп, ранее подвергавшихся дискриминации (однако учитывать, что «положительная» дискриминация может дать и негативные результаты, т.е. вызвать негативное отношение большинства к меньшинству); – реализовывать принципы федерализма, «распыления власти», «функционального» федерализма, например, в сферах образования и полномочий местной власти, культурно-языковой автономии, способствуя тем самым этнополитической стабильности в обществе;
- включать в программы учебных заведений знания об опасностях этнических предрассудков, в том числе и в собственном сознании (это положение начинает реализовываться в ряде стран, например, в Англии);
- повышать ответственность журналистов (вплоть до уголовного преследования), пишущих на этнические темы: формулировки этнических процессов должны быть точными, без угроз и обозначения врага; необходимо гласно обсуждать конкретные вопросы без подстрекательства и агрессивности. Главное требование к прессе – поддерживать поликультурность государства.

Особая роль принадлежит международным организациям: необходимо соблюдать объективность в освещении и оценке событий, сборе данных о поджигателях этнических войн для предания их со временем суду Международного трибунала.

Этническая напряженность не всегда переходит в состояние войны. Война – прямое следствие пренебрежения мерами, необходимыми в латентный период конфликта. Социолог может установить приближение к насильственной стадии по следующим сигналам: усилению взаимных обвинений в злонамеренности, ссылкам на этнические стереотипы-предрассудки в общественных дискуссиях и политических акциях, появлению сообщений о зверствах, чинимых какой-либо этнической группой, требованиям чрезвычайных мер на благо и защиту этнических меньшинств либо для ограничения свободы тех, кто им угрожает. Здесь возможны провокации со стороны фанатиков. Не следует упускать из виду и миграцию населения по этническому признаку: такая перегруппировка создает напряженность и конкуренцию на новых местах расселения, что усиливает конфликтность. Пассивная позиция властей может быть понята как «зеленый свет» для накопления оружия, создания отрядов.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. В 2 ч. Ставрополь, 2012.
- Вилков Л.Л. Политическая конфликтология и этноконфликтология: теория и практика. Саратов, 2015.
- Дуглас М. Джонсон. О программе разрешения межнациональных конфликтов // Кентавр – 2012. – март-апрель.
- Дауткиреев Х.С. Политико-правовая основа регулирования этноконфессиональных отношений в Российской Федерации (на примере Северного Кавказа). М., 2002.
- Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. Ростов-н/Д., 2000.
- Джуссоев Р.И. О национальной идентификации осетин // Социс, 2005. № 9.
- Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы). // Социально-политический журнал, 2017. № 1.
- Евстигнеев Ю.А. Российская Федерация. Народы и их подразделения: Краткий этнологический словарь справочник. СПб., 2003.
- Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.
- Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.
- Информационно-аналитический сборник. Владикавказ, Назрань, 2000. № 9.
- Карпов Ю.Ю. Исторические и этносоциальные предпосылки «чеченской революции». // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможности и границы совместимости / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2004.
- Костоев Б. Кавказский меридиан. К вопросу русскоосетино-ингушских отношений и чеченского урегулирования: М., 2003.
- Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. Владикавказ, 2004.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2004.
- Ляшенко О.В. Фактор управления историей в осетино-ингушском конфликте. Ставрополь, 2003.
- Максаков И. Шариатское право по-чеченски // Независимая Газета. 29 февраля 2000 года.
- Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа // Моск. Центр Карнеги. М., 2001.
- Мальгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика. Диссертация на соискание докторской степени. М., 2005.
- Малькова В.К. Образы этносов в современных российских СМИ // Тезисы научно-практической конференции: Средства массовой информации в современном мире. СПб., 2001.
- Мальсагов А. Ингуши, история и века родословий. Нальчик, 2003.
- Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учебное пособие для вузов. М., 2004.
- Перевалов С.М. Актуальная проблема современного алановедения. // Гуманитарная мысль Юга России, 2006. – № 1.
- Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб., 2002.
- Расовый смысл Русской идеи. / Сборник статей. Издание второе исправленное. М., 2000.
- Российский статистический ежегодник. М.:1. Госкомстат, 2004.
- Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов)/ Под ред. Е.И. Степанова. М., 2001.

- Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 годов. // РАН ИЭА им. Миклухо-Маклая, 2005.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Тузов Н.В. Северный Кавказ: этнос, религия, политика. Российское образование, 2003. № 12.
- Умаев У.М. Этнический состав Северного Кавказа. Проблемы толерантности в России. // Материалы VII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Выпуск 33. СПб., 2004.
- Федорович А. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2001. № 2.
- Хож-Ахмед Нухаев. Чечня и Россия: одно ценностное пространство – две общественные системы // Звезда, 2003. № 4.
- Шаповалов А. Северный Кавказ: ваххабизм не нашел массовой поддержки среди местного населения. // Россия и мусульманский мир, 2002. № 1.
- Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов-н/Д., 2012.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 2007.
- Овчинников В. С. Политические конфликты и кризисные ситуации // Социал-полит. науки. –2012. – № 10. – С. 58.

Тема 3.4. Тренинг «Ты – это ты. А я – это я. И если нам случилось встретиться друг друга – это прекрасно»

сост. Трофимова Ю.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Конфликт сложное явление и детерминируется разными причинами. В исследованиях М. Дойча показано, что установка на взаимодействие (кооперацию) порождает сотрудничество как внутри группы, так и межгрупповом взаимодействии, тогда как установка на соревновательность (конкурентные интересы) приводят к конфликтам. Кооперация, по мнению автора, способствует конструктивному решению конфликта, конкуренция переводит конфликт в режим разрушительного. Сила установок на взаимодействие или конкуренцию детерминируют различные стратегии, тактики преодоления конфликта, различные процессы коммуникации и влияния, а также определяют потенциальный исход конфликта.
- ✓ Одним из наиболее часто встречающихся механизмов возникновения конфликтов является механизм, объясняющий зависимость конфликта от конфликтогенов. Конфликтоген – это любое слово или действие, могущие привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в конфликт (С.М. Емельянов). Данный механизм развития конфликта основывается на отрицательном восприятии и негативной реакции личности, против которой применен конфликтоген, что может приводить к эскалации, нарастанию конфликтного взаимодействия.
- ✓ Обобщая разные взгляды на природу конфликтогенов можно отметить, что конфликтоген возникает как нарушение баланса равенства, сотрудничества. Принято выделять несколько групп конфликтогенов: 1) прямое негативное отношение (приказы, угрозы, замечания, насмешки, сарказм и др.), 2) хвастовство (рассказы о своих достижениях), 3) снисходительное отношение (унизительное утешение, унизительная похвала, упреки, подшучивание и др.), 4) менторское отношение (навязывание своего мнения, советов, категоричные оценки, нравоучения и др.), 5) нечестность (утаивание информации, обман или попытка обмана, использование манипуляций, принижении значимости его роли, неискренность в суждениях и др.), 6) нарушение этики (прерывание, перебивание высказываний собеседника, повышение голоса, некорректность цитирований, перекладывание ответственности, акцентировании внимания на различиях между собой и собеседником не в его пользу и др.), 7) регрессивное поведение (наивные вопросы, ссылки на других при получении справедливого замечания, пререкания и др.).
- ✓ Важными мерами профилактики таких форм конфликта является: отказ от употребления конфликтогенов и отказ отвечать конфликтогеном на конфликтоген. Именно поэтому важно уметь различать и выделять конфликтогены во взаимодействии, так как своевременное «опознание» конфликтогенов позволяет ограничить их воздействие, а значит и избежать разрушительных последствий для общения.
- ✓ Синтонное поведение рассматривается как антипод конфликтному. Синтон – термин практической психологии, введенный А.П. Егидесом. «Син» – вместе, «тон» – звук, «синтон» – созвучие, гармония. «Синтонный» – «созвучный», «гармоничный». Синтоны, представляют собой коммуникативные акты, которые помогают установить контакт, способствуют взаимопониманию, улуч-

шают взаимоотношения, создают положительный эмоциональный настрой и психологический контакт. К синтонам обычно относят: знаки внимания, приятия и уважения, одобрение, психологическую поддержку, похвалу, комплименты, вежливость, готовность к компромиссу, соблюдение этических норм общения и др.

- ✓ Именно эти идеи лежат в основе проектирования тренинга «Ты – это ты. А я – это я. И, если нам случилось встретиться друг друга, – это прекрасно». На первом игровом этапе за счет игровых заданий необходимо усилить внутригрупповую кооперацию и межгрупповую конкуренцию. На втором этапе, создав условия сотрудничества внутри группы и конкуренции между игровыми группами, следует организовать межгрупповую коммуникацию, где обязательно начнут проявляться конфликтные явления, такие как конфликтогены. Акцент на конфликтогенах и их обсуждение, позволяет составить свод правил, которые лежат в основе профилактики конфликтов, в том числе и межгрупповых, к которым относятся и межнациональные конфликты.
- ✓ В качестве формы организации встречи рекомендуется использовать социально-психологический тренинг, как один из методов активного обучения и психологического воздействия, осуществляемого в процессе интенсивного группового взаимодействия и направленного на повышение компетентности в сфере общения. Именно такая форма организации взаимодействия участников позволит углубить опыт анализа ситуаций общения, скорректировать и развить установки, необходимых для успешного общения и анализа ситуации группового взаимодействия.

Содержание тренинга «Ты – это ты. А я – это я. И если нам случилось встретиться друг друга – это прекрасно»

Предварительная подготовка:

Ведущему следует изучить материал о роли конфликтогенов в возникновении конфликтов, виды конфликтогенов, правила синтонного поведения, принципы поведения социально-психологического тренинга.

Материалы:

1. Два стола, стулья по количеству участников, малярный скотч, ножницы, маркеры, флипчарт.
2. Игровые атрибуты: метафорические карты «Persona», листы формата А4 с названием островов, монетки.

Ход тренинга

Участники рассаживаются по кругу, на груди крепится малярный скотч, на котором маркером участник пишет ту форму имени, которая допустима в процессе тренинга.

Упражнение «Знакомство»

Участникам тренинга предлагается из набора метафорических карт выбрать две (при их отсутствии можно предложить участникам ответить на вопросы): Первая карта должна отражать ваше отношение к себе в процессе общения. Выбор легче будет сделать, если вы постараетесь ответить на вопрос «Какой я в общении с другими? Какое послание другим людям я несу через свое общение?».

Вторая выбранная карта должна отражать ожидание участника от других, от процесса общения. Задайте себе вопрос «Что я жду от других людей, от общения с ними?», найдите метафорический ответ на него.

После того как участники выбрали свои карты, они возвращаются в круг и по очереди показывают карты, рассказывают о себе, о своем послании другим людям и своих ожиданиях от общения с ними.

В завершении предлагается ответить утвердительно или отрицательно на вопрос: «Есть ли участники, которые вас заинтересовали на этапе знакомства?», «Есть ли участники, чьи послания себе и к миру, совпадают (хотя бы частично) с вашим?».

Модификация игры «Острова»³⁰

Раскладываем на полу листы бумаги, на которых написано название острова (чертим мелом/ обозначаем цветной самоклеющейся лентой очертания островов). Участникам были предложены 5 островов: «Остров старейшин», «Остров традиций», «Остров творчества», «Остров культуры», «Остров развлечений».

Разметив игровое пространство «островами», ведущий просит членов группы «заселить» острова-страны. Перед выбором острова для заселения рекомендуется пройти рядом с каждым, подумать, решить на какой пяточок земли сойти, т.е. поставить свой стул и сесть вокруг листа с названием. Размещение стульев задает очертание острова.

На следующем этапе предлагается островитянам пообщаться друг с другом, рассказать о причинах, побудивших их заселить именно этот остров. После этого ведущий просит жителей каждого острова обсудить вопрос «Что между ними общего? Что их объединяет?» и составить список из не менее 10 характеристик.

После того как списки составлены, созывается «межостровная» конференция, цель которой познакомиться с жителями соседних островов. Представитель каждого острова, зачитывает список ответов на вопрос «Что между нами общего? Что нас объединяет?». Здесь же можно задать соседям – островам интересующие их вопросы.

После знакомства представители островов возвращаются и получают следующее задание.

Жителям островов ведущий предлагается обсудить вопрос «Что вас отличает от жителей других островов?». Результаты обсуждения предлагается сформировать в список (не менее чем 10 характеристик), который начинается так «Мы в отличие от других...»

Пока группы обсуждают и выполняют задание, ведущий каждому острову раздает по 10 монеток (банкнот).

Далее ведущий созывает очередную «межостровную» конференцию, на которой представители каждого острова обозначают свои отличительные черты.

На этом этапе, ведущий игры, не обсуждая с островитянами, начинает оценивать поведение всех игроков по использованию ими конфликтогенов, и за каждый конфликт-оген остров, чей представитель его допустил, штрафуются на одну монетку.

Перед островитянами кроме задачи выступить с докладом на межостровной конференции появляется задача понять правила начисления штрафов и учесть их.

Дискуссия

Каждому острову предлагается течение 15 минут составить список конфликтогенов (слов, действий) с которыми они сталкивались в общении и правила, способствующее их недопущению.

³⁰ За идею взята игра «Мои острова» М. Книпис.

Затем участникам предлагается систематизировать конфликтогены, выделить виды конфликтогенов. Результаты фиксируются на доске (флипчарте).

На втором этапе обсуждения ведущий предлагает участникам составить правила синтонного общения, используя которые удастся минимизировать использование конфликтогенов, а значит усилить ориентацию на сотрудничество.

Для составления правил синтонного общения предлагается работать с таблицей:

Конфликтоген	Коммуникативная потребность собеседника	Нейтральное действие	Синтонное действие

На этапе обсуждения ведущему следует напомнить участникам, что конфликтоген – коммуникативное действие, нарушающее удовлетворение коммуникативной потребности собеседника, и повышающее конфликтную напряженность, Синтонное действие – противоположность конфликтогену, коммуникативное действие, активно удовлетворяющее коммуникативную потребность собеседника, повышающее комфортность общения, снижающее конфликтную напряженность. Нейтральное действие – общение в рамках общепринятых норм вежливости и этикета, не нарушающее коммуникативной потребности собеседника, но и не способствующее активно ее удовлетворению, не влияющее заметным образом на конфликтную напряженность.

Результатом работы над сводом правил является голосование жителями всех островов за готовность придерживаться данного свода правил.

Завершение. Рефлексия.

Предлагается обсудить следующие вопросы:

1. Что для вас значит название вашего острова? Почему именно этот остров был выбран?
2. Влияла ли первичная информация человека о себе, о своих ценностях (в виде посылка к себе, к миру) на выбор острова для заселения? Если да, то как?
3. Какая информация об островитянах (об их сходстве, о различиях с вами) была более полезной лично для вас? Что она вам дала?
4. С жителями, каких островов, вам захотелось познакомиться поближе? Как вы думаете почему?
5. К жителям, какого острова, возникла настороженность? Как вы думаете почему?
6. Легко ли вам было понять правила «штрафов»? Что эти правила значат для вас лично? Как вы их используете в отношениях с другими людьми, с представителями других этносов?
7. Какое отношение у вас возникло к своду правил для общения с жителями других островов? Насколько применимы эти правила к общению в межнациональной среде?
8. Какой вывод вы смогли вынести из игры?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный тренинг ориентирован на расширение коммуникативной и конфликтологической компетентностей в сфере межнационального общения. Тренинг помогает актуализировать имеющийся опыт общения, проанализировать его и трансформировать, расширив репертуар способов синтонного общения.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Научные источники

Егидес, А.П. Психология конфликта: учебное пособие / А.П. Егидес. – Электронные текстовые данные. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. – 320 с.

Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 400 с.

Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления и гуманитарно-социальным специальностям / В.П. Ратников, И.К. Батурин, В.Ф. Голубь [и др.] ; под ред. В.П. Ратников. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 543 с.

Цветков, В.Л. Психология конфликта: от теории к практике : учеб. Пособие / В.Л. Цветков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА. – 2015. – 183 с.

Шапиро, Д. На эмоциях: как улаживать самые болезненные конфликты в семье и на работе. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 584 с.

Раздел 4. Технологии предупреждения и профилактики конфликтов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений

Тема 4.1. Существующие традиционные и альтернативные способы решения, возникающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов в локальных социумах

сост. Нагайцев В.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Способы, применяющиеся при разрешении конфликтов, складываются на основе имеющихся в обществе культурных и правовых установок по отношению к конфликту, поощряющих или запрещающих тот или иной способ поведения при разрешении конфликта. Зависимость выбора модели решения конфликта от итогов его диагностики. Технологии разрешения любого конфликта строятся на применении различных способов.
- ✓ Силовые способы разрешения конфликта, по сути, ведут к уничтожению или полному подавлению одной из сторон конфликта. При этом используются разнообразные средства принуждения, от психологических до физических. Часто это способ переноса вины и ответственности на слабейшую сторону и применения по отношению к ней принудительных санкций. Условия конструктивного применения «силовой модели», ее возможности и ограничения. Обязательность легитимности и/или харизматичности посредника при использовании «силы».
- ✓ Компромисс как модель решения конфликта. Главное преимущество мирного разрешения конфликта – это нахождение моментов согласия (компромисса), введение конфликта в конструктивные рамки и налаживание переговорного процесса. Критика идеи безграничных возможностей компромисса. Разъединение сторон как возможный способ прекращения конфликта.
- ✓ Интегральная модель разрешения конфликтных ситуаций. Культурные, ментальные и социально-психологические предпосылки использования интегрального способа разрешения конфликтов. Универсальность, эффективность и сложность использования интегральной модели. Современная конфликтология как наука о «третьем варианте поведения конфликтеров». Интегральная модель решения конфликта как самое важное открытие XX века в области общественных институтов. Взаимосвязь моделей решения конфликтов со стратегией и тактикой поведения конфликтеров.

4.1.1. Решение социального конфликта

Разрешение социального конфликта – это преодоление основного противоречия в интересах сторон, устранение конфликта на уровне его причин. Решение конфликта может быть достигнуто самими конфликтующими сторонами без помощи каких-либо посторонних лиц, либо путем подключения к его урегулированию с помощью третьей стороны (посредника). Это далеко не случайно выбранный способ, а непосредственно зависящий от показаний проведенной диагностики конкретного конфликта. Модели, применяющиеся при разрешении конфликтов, складываются на основе имеющихся в обществе культурных и правовых установок по отношению к конфликту, поощряющих или запрещающих тот или иной способ разрешения противоречий в интересах сторон.

Существуют пять принципиальных способов, посредством которых конфликтующие стороны могут решить противоречия в своих интересах и выйти из состояния конфликта. Первый – *силовой способ (одностороннее доминирование)*, второй – *разводный способ (разъединение сторон)*, третий – *компромисс*, четвертый – *дипломатический способ (интегральная модель)*, пятый – *консервативный способ (отложенное решение)*. Возможна и определенная комбинация названных способов конфликтотрешения (*симбиозная модель*).

4.1.2. Силовой способ решения конфликта

Одностороннее доминирование (силовой способ) – способ конфликтотрешения, предполагающий удовлетворение интересов только одной из конфликтующих сторон за счет интересов другой. Силовые способы разрешения конфликта, по сути, ведут к уничтожению или полному подавлению интересов одной из сторон конфликта. При этом используются разнообразные средства принуждения, от психологических до физических. Часто это способ переноса вины и ответственности на более слабую сторону. Таким образом, подменяется подлинная причина конфликта и в одностороннем порядке навязывается доминирующая воля более сильного субъекта.

Силовой способ применяется, когда один из субъектов весьма активен и намерен идти в конфликте до победного конца. Стремление решить конфликт с «позиций силы» обычно выражается в ультиматумах, угрозах, насильственных действиях с целью добиться от противника подчинения и принудить его делать то, что от него требуется. Слабая сторона с помощью силы принуждается к подчинению и выполнению требований более сильной стороны. Эту модель чаще применяют люди, переоценивающие свои силы. Силовой она называется потому, что победа одной стороны всегда является итогом применения какой-либо силы. Доминирование одной стороны над другой осуществляется с помощью различных средств, в зависимости от характера конфликта: использования власти, экономических ресурсов, влияния, авторитета, морального воздействия и др. Разрешиться конфликт таким способом может и с помощью драк, кулачных схваток, бытовых действий. Подобное доминирование обычно порождает противоположные действия в виде несогласия, протестных форм поведения. Силовая модель решает конфликт по принципу: «сильный всегда прав». При этом имеется в виду, как уже неоднократно отмечалось, не только применение физической силы: насилие может принимать формы административного, служебного и пр. воздействия. «Начальник всегда прав» – это одна из частных формулировок того же принципа. История человечества наполнена множеством примеров обращения к силе для разрешения конфликтов на самых различных уровнях – от рукоприкладства в личных отношениях до драконовских мер власти против своего народа и мировых войн. Насилие постоянно было источником трагедий и человеческих потерь, но оно еще долго будет существовать. Принцип «сильный всегда прав» знаменует в первую очередь торжество глупости.

Возможность быстро завершить борьбу, «одним махом» – едва ли не единственное преимущество силового способа разрешения социального конфликта. Однако стратегически силовое разрешение конфликта всегда малоэффективно. Подавленная силой сторона остается неудовлетворенной подобным решением конфликта. Это толкает ее к скрытому сопротивлению, а порой и к открытому противодействию победившему оппоненту, к реваншу, для подавления которых снова и снова потребуется насилие. Принято считать, что при разрешении конфликта с позиции силы страдает лишь проигравшая сторона. Но на самом деле победившая силой конфликтующая сторона, чтобы сохранить свое превосходство, должна постоянно прикладывать усилия для поддержания

своей победы. А это значит, что победителю постоянно требуется расходовать свои ресурсы (военные, материальные, интеллектуальные, психологические). Неизбежность расплаты за насилие неизмеримо возрастает. Задавленные силой люди, как правило, не мирятся с участью побежденных. Погашенный на время конфликт разрастается вновь, как только ослабнет сила, его сдержавшая. Конфликт таким способом может окончательно разрешиться разве только с полным уничтожением проигравшей стороны. Пока она жива, остается жить и ее недовольство – постоянный источник проблем и напряжения победителя. И даже при полном уничтожении другой стороны победители все равно часто получают моральное осуждение в обществе. Таким образом, разрешение социального конфликта с позиции силы часто оказывается для победителя очень дорогим по затратам и к тому же весьма сомнительным успехом. К сожалению, надо сказать, что данная модель достаточно распространена в России.

Силовую модель можно применять только в редких случаях, – если при диагностике конфликта одновременно существует набор следующих показателей:

- Спровоцированность конфликта оппонентом.
- Поддержка конфликтанта со стороны общественного мнения.
- Большое число невинных жертв в конфликте.
- Антагонизм интересов и целей конфликтантов.
- Рост зоны конфликта.
- Конфликт находится в стадии порочного круга.
- Актуальный знак конфликта – «плюс-минус».
- Оба конфликтанта ориентируются только на победу.
- Баланс сил в пользу конфликтанта, который намерен эту модель применить.
- Незначительная длительность конфликта.
- Высокая цена сохранения конфликта; цена силового выхода из конфликта меньше, чем цена сохранения конфликта.
- Предмет конфликта социально значим.

Указанные ограничители использования силовой модели мало известны населению. К сожалению, этот способ у нас в обществе используется гораздо чаще, чем следует.

4.1.3. Разводный способ решения конфликта

Разъединение сторон конфликта. В этом случае конфликт разрешается путем прекращения взаимодействия, разрыва отношений между конфликтующими сторонами, изоляцией их друг от друга (например, развод супругов, разъезд соседей, перевод работников на разные участки производства). Разъединение конфликтующих сторон может совершаться путем их отступления, когда они обе покидают «поле битвы». Так завершается, например, перепалка между пассажирами автобуса при выходе одного из них на своей остановке или ссора между соседями в коммунальной квартире, которая прекращается после их переселения. Модель обеспечивает эффективное и кардинальное преодоление конфликта, но грозит разрушением социальной системы, элементами которой были конфликтанты. В результате разрыва контактов между сторонами происходит развал их общего дела, распад организации, деятельность которой обеспечивала их существование. *Поэтому, она применима только при выполнении строго определенных условий:*

1. Наличие «партий конфликтантов» и отсутствие «болота конфликта».
2. Вмешательство авторитетных третьих лиц и независимых посредников.
3. Рост числа невинных жертв в конфликте.

4. Антагонизм целей и интересов конфликтантов.
5. Рост зоны и границ конфликта.
6. Стадия развития конфликта – «порочный круг».
7. Актуальный знак конфликта – «минус-минус».
8. Примерно равный баланс сил сторон конфликта.
9. Большая длительность конфликта.
10. Повышенный психологический фон конфликта.
11. Цена сохранения конфликта, больше цены выхода из него.

Разъединение конфликтантов не всегда полностью разрешает социальный конфликт. И оно не всегда возможно. Супругов связывают дети, да и не всегда разведенные будут в состоянии разъехаться; враждующие национальные общности не могут и не хотят уходить с территории, где они живут вперемишку друг с другом. Расставшиеся стороны, избавившись от конфликтных отношений друг с другом, вынуждены искать замену разрушенных социальных контактов новыми, и неизвестно, не станут ли последние менее конфликтными (как это нередко случается, когда разведенные супруги вступают в новые неудачные браки). Поэтому неудивительно, что расставшиеся конфликтеры через некоторое время иногда вновь возобновляют контакты, а то и снова сходятся. Силовая модель решения конфликта и разъединительная модель решения конфликта являются самыми примитивными, но к сожалению, в России они используются чаще всего.

4.1.4. Компромиссный способ решения конфликта

Модель компромисса – способ согласования интересов социальных субъектов, заключающийся во взаимных уступках конфликтующих сторон. Важно знать, что компромиссная модель решения конфликтов основана на уступках конфликтантов именно в их интересах. Таким образом, понятие компромисса используется в разных смыслах: в обыденном понимании – это различные уступки друг другу, а в конфликтологии – это взаимный отказ сторон конфликта от какой-либо части своих претензий, взаимное жертвование интересами, ради достижения согласия. Главное преимущество мирного разрешения конфликта с помощью компромисса – это введение конфликта в конструктивные рамки и налаживание процесса коммуникации сторон, нахождение определённых моментов согласия (компромисса). Тем не менее, компромисс, по словам известного американского конфликтолога К. Ласуэла, – «это лоскутное одеяло, которое конфликтанты перетягивают на себя». Компромисс, как модель решения конфликта, безусловно, предпочтительнее, цивилизованнее, чем силовая или разъединительная, но она не универсальна и имеет свои границы применимости. Не надо думать, что на ее основе можно лучшим образом решить любой конфликт. *Она лучше всего работает, если конфликт характеризуется тем, что:*

1. Мотивировки конфликтантов, в главном – совпадают.
2. Общих интересов у сторон, больше чем противоположных.
3. Цели конфликтантов соответствуют их интересам.
4. Зона конфликта сторон заметно не расширяется.
5. Конфликт в своем развитии не дошел до стадии идейной конфронтации сторон.
6. Актуальный знак конфликта – «плюс-минус» или «плюс-плюс».
7. Присутствует намерение сторон пойти на уступки.
8. Примерно равный баланс сил сторон конфликта.
9. Конфликт имеет неострый характер. Психофон конфликта в норме.
10. Цена сохранения конфликта больше, чем цена выхода из него.

4.1.5. Интегральный способ решения конфликта

Дипломатический способ (интегральная стратегия) – предусматривает возможность удовлетворения интересов всех конфликтантов при условии пересмотра (ре-визии) ими своих ранее сформировавшихся позиций и тех целей, которые они намерены были достичь в конфликте. Она называется интегральной не потому, что объединяет механизмы и достоинства предыдущих моделей, а потому, что способна интегрировать интересы конфликтантов. При ее использовании никто из участников конфликта не жертвует своими интересами. Каждый конфликтант добивается удовлетворения своих интересов, а потому чувствует себя победителем. Для достижения столь желательного итога конфликтанты должны отказаться от своей позиции, пересмотреть свои цели, которые они ставили в данном конфликте.

Интегральная модель совершеннее как силовой, разводной так и компромиссной. Эта стратегия признается конфликтологией универсальной и подходящей к любому типу социального конфликта, наиболее результативной и социально полезной. Только на ее основе можно эффективно решать «минус-минусовые» конфликты с дальнейшим сохранением нормальных отношений сторон. Интегральная модель вполне применима к конфликтам со всеми прочими знаками и формулами, а также разными соотношениями конструктивных и деструктивных функций. Разработка этой стратегии и конкретных технологий ее реализации считается важнейшей заслугой конфликтологии.

Интегральная модель в литературе обозначается по-разному: в американской конфликтологии ее называют – «четвертый путь поведения конфликтантов», в европейской научной традиции – «ре-визия целей», в России – «дипломатический способ», «интегральный способ» или «интегративная стратегия». Как правило, интегральная модель достигается в результате *переговоров* между конфликтующими сторонами, заканчивающихся принятием согласованного решения. Для того чтобы конфликт разрешился по-настоящему, важно, чтобы конфликтующие стороны договаривались между собой, чтобы они сами нашли наиболее устраивающий их способ выхода из конфликтной ситуации. На практике конфликтующие стороны обычно также вступают в какие-то переговоры, прежде чем обращаться к насилию и или разъединяться.

Интегральная модель решения конфликта – важное открытие XX века в области общественных институтов. Одним из многих парадоксов современного российского общества является то, что наиболее эффективный и рациональный способ решения конфликтов используется в нем гораздо реже, чем следовало бы. В России большинство наших сограждан не знают о том, что существует подобная модель решения конфликтов, а если знают – то не любят ее использовать. Объясняется это комплексом причин, среди которых отметим особенности менталитета россиян, выражающиеся в повышенной приверженности к силовым решениям, с особенностями воспитания – нас всегда учат, что цель превыше всего и превратного представления русских о принципиальности. Многие отождествляют принципиальность с настаиванием на своем, с отказом от возможности пересмотра своей позиции в конфликте, независимо от того, чем эта позиция вызвана. При этом упускается из виду, что интересы людей и их групп всегда важнее, чем те цели, которые они ставят перед собой ради достижения этих интересов. Надо быть гибким в постановке и изменении своих кратковременных целей, постоянно заботясь о своих долговременных жизненно важных интересах. К сожалению, многие поступают наоборот. Отказываясь от пересмотра своих позиций, не учитывая новых условий, сделавших их неразумными, они продолжают отстаивать их, что осложняет достижение коренных интересов.

4.1.6. Консервативный способ решения конфликта

Отложенное решение – способ конфликто разрешения, при котором один участник конфликта готов поступиться своими интересами и полностью уступить другому ради того, чтобы избежать обострения противостояния. Основной принцип: «Вы можете делать, что захотите – только давайте жить дружно». Это установка на сохранение определенного «Status Quo» за счет потерь в собственных интересах, так называемое «отложенное решение». Такую позицию могут занимать люди с низкой самооценкой, которые считают, что их цели и интересы не должны приниматься во внимание. Если предмет спора не так уж важен, а важнее сохранить хорошие взаимоотношения с оппонентом, то уступить, дать ему таким образом победить в конфликте, может быть наиболее подходящим вариантом завершения конфликта. Но если конфликт касается важных вопросов, которые затрагивают базовые интересы, то такую стратегию конфликто разрешения нельзя назвать продуктивной. Её результатом будет обида и разочарование одной стороны, а в долгосрочной перспективе потеря доверия, уважения и взаимопонимания между участниками.

Существуют также и *некие симбиозные способы разрешения конфликта* – способы, сочетающие в себе в определённой последовательности – силовую, компромиссную, разъединительную, интегральную и консервативную модели разрешения конфликта.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Закирова, Ф.Ш. Стратегии поведения в конфликтной ситуации / Ф.Ш. Закирова // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 1 (17). – С. 198–202.

Колрисер, Д. Основные способы решения конфликтов / Д. Колрисер // Маркетинг. – 2018. – № 1 (98). – С. 82–86.

Негодаева, М. И. Социальный конфликт и его разрешение / М.И. Негодаева. – М., 2014. – С. 624–626.

Саиева, Л.М. Пути выхода из конфликтных ситуаций / Л.М. Саиева // Мировая наука. – 2019. – № 5 (26). – С. 607–611.

Светлов, В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент / В.А. Светлов. – СПб.: Питер, 2005. – 539 с.

Фишер, Р. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М.: Наука, 1992. – 158 с.

Тема 4.2. Алгоритм проведения процедуры медиации

сост. Меженин Я.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Изменение менталитета человечества, приводящее к изменениям экономической и политической системы, меняет и методы регулирования взаимоотношений людей.
- ✓ Одним из эффективных методов решения конфликта является медиация.
- ✓ Процедура медиации – это строгий алгоритм последовательных действий, направленный на создание конструктивного взаимодействия сторон, находящихся в конфликте.
- ✓ Можно выделить 6 основных стадий: Стадия 1 – вводное слово медиатора. Стадия 2 – презентация Сторон. Стадия 3 – дискуссия № 1. Стадия 4 – кокус. Стадия 5 – дискуссия № 2. Стадия 6 – выход из медиации.
- ✓ На каждой стадии существуют свои задачи, направление на выработку взаимовыгодного, взаимообязывающего соглашения для сторон конфликта.

Сегодня в науках, изучающих взаимодействие индивидов, устоялось мнение, что конфликт – это норма общественной жизни. Конфликт есть там, где есть развитие. Несвоевременно решенный конфликт может привести к социальному «взрыву». Поэтому важно уметь не столько не допускать конфликты, скрывать и замалчивать их, сколько эффективно управлять ими и уметь решать. Одним из способов решения конфликтов является медиация.

По своей сути медиация – это переговоры с участием третьей, нейтральной, стороны в условиях конфликтной ситуации. Медиатор является нейтральным посредником, заинтересованным только в том, чтобы стороны конфликта могли эффективно справиться с разногласиями.

Как отмечают современные российские исследователи вопросов медиации, способность людей договариваться друг с другом стала условием их выживания и сыграла решающую роль в формировании человеческого общества.

О.В. Аллахвердова, ссылаясь на Американский этический стандарт медиаторов приводит такое определение «Медиация – процесс, при котором незаинтересованный, беспристрастный специалист помогает сторонам, вовлеченным в конфликт, достичь его взаимоприемлемого урегулирования. Медиатор намечает путь к соглашению, облегчая и направляя коммуникацию между участниками, помогая им получить соответствующую информацию и сделать правильный выбор».

Специалист по решению конфликтов берет на себя организацию переговоров и подготовку сторон к ним. Медиатору необходимо понять в суть спора, и увидеть конфликт с точки зрения обеих сторон. Далее медиатор, подобно дирижёру, управляет процессом переговоров и способствует выработке взаимовыгодных вариантов решения самими участниками спора.

Медиатора можно назвать дополнительным ресурсом в конфликте. Сегодня навык конструктивного общения друг с другом, имеет далеко не каждый индивид. Именно поэтому помощь специалиста, способного выстроить эффективный диалог в условиях напряженных отношений, бывает крайне полезна.

Специалист-посредник управляет переговорами, помогает сторонам структурировать информацию, способствует генерации вариантов решения проблемы, которые ранее даже не рассматривались сторонами. Зачастую люди в конфликте перестают

слышать друг друга, и стремятся доказать свою правоту. Поэтому в медиации главная задача – найти выход из сложившейся ситуации, а не прийти к компромиссу.

Процедура медиации проходит по определенному алгоритму, он достаточно строгий. Каждое действие специалиста-посредника, имеет определенную задачу.

Переговоры проходят по ряду главных принципов.

Первый принцип – равноправие. Каждая сторона имеет право высказаться и быть услышанной, участники переговоров имеют равные права.

Второй принцип – конфиденциальность. Никакие аудио и видеозаписи не ведутся. Специалист может делать письменные заметки, но после завершения процедуры их необходимо уничтожить.

Третий принцип – нейтральность переговорщика по отношению к обеим сторонам.

Четвертый принцип – добровольность участия в примиряющей беседе.

Встреча конфликтующих сторон целесообразно проводить на нейтральной территории, чтобы никто не испытывал неловкость или, наоборот, не ощущал превосходство.

Медиация возможна, когда сторонам важны отношения, однако сложившуюся ситуацию необходимо решать.

О.В. Аллахвердова подробно описывает стадии медиации, замечая при этом, что каждая стадия медиации имеет свои конкретные цели и задачи, и пока не будут достигнуты эти цели, не следует переходить к следующей. Поэтому медиатор должен все время себя проверять – выполнены ли все задачи, стоящие перед ним на этом этапе. При этом подобная стадийность многократно проверялась на практике, например, Союзом профессиональных медиаторов «М2В» (mediation2business), некоторые аспекты были усовершенствованы. Строгое соблюдение этого алгоритма является основой для эффективных и содержательных переговоров с участием посредника между конфликтующими сторонами.

Медиация, начинается с пояснения процедуры, правил работы и определения последовательности работы и ответственности. Это и делается на стадии введения в медиацию.

Стадия 1. Введение в процесс медиации (вводное слово медиатора). Основная цель введения в медиацию – подготовить стороны к переговорам, т.е. сделать процесс медиации ясным и предсказуемым для участников переговоров.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- познакомиться и наладить конструктивный контакт со сторонами;
- уточнить готовность сторон решать свой конфликт и проинформировать об основных принципах и правилах поведения во время медиации;
- проверить присутствие лиц, принимающих решение по вопросу конфликта;
- рассказать о том, что ожидает стороны в течение сессии медиации;
- рассказать об ответственности сторон в этом процессе и о своей роли в нем;
- определить регламент работы и решить технические вопросы, такие как продолжительность будущих переговоров, отключение сотовых телефонов, перемены и т.д.;
- создать атмосферу доверия к медиатору, чувство безопасности и равноправия сторон;
- ответить на вопросы сторон и обеспечить все необходимые потребности сторон на время ведения переговоров.

Способствовать заключению Соглашения о вежливости, как правило это делается в устной форме.

Особое внимание на этом этапе обращается на конфиденциальность происходящего процесса, рассказывается о правилах поведения участников.

Если введение в медиацию сделано правильно, то результатом будет атмосфера доверия как к процессу, так и к самому медиатору. Вступительная часть продолжается 5–7 минут.

Важно, чтобы первые слова медиатора давали сторонам чувство однозначности процесса медиации и неоспоримости процедурной его части. Уверенность в своих действиях – это именно то, что необходимо медиатору на этой стадии. Речь медиатора должна быть точной, четкой, однозначной доброжелательной и обязательно эмоционально нейтральной.

Стадия 2. Презентация сторон. После соглашения о процедуре переговоров начинается следующий этап медиации – представление сторон. Основная цель презентации сторон – предоставить возможность сторонам рассказать о том, что произошло, как они видят свою ситуацию конфликта, спора. Основные задачи медиатора:

- определить Сторону, которая будет говорить первой. Всего есть три возможных варианта: 1 – если одна Сторона готова начать, вторая Сторона с этим согласна, необходимо это согласие зафиксировать вербально. 2 и 3 вариант по сути одинаковы – обе Стороны хотят начать или обе Стороны не хотят начинать. В этом случае Медиатор сам определяет Сторону, которая начинает презентацию;
- внимательно выслушать стороны (сначала одну, потом другую);
- не допустить нарушения процедуры, не давать сторонам перебивать и оскорблять друг друга;
- уточнить у сторон, правильно ли вы поняли то, что они говорили, или дать ясную обратную связь о том, как вы поняли, выделяя факты конфликтной ситуации и восприятие этих фактов сторонами (их интерпретации);
- снижать уровень агрессивности оценок, даваемых сторонами друг другу;
- уточнить, что хотели бы стороны получить в результате их переговоров.

Медиатор активно слушает и в своих записях отмечает то, что ему кажется наиболее важным. В процесс рассказа он, как правило, не вмешивается, лишь переспрашивая, если ему что-нибудь непонятно. По окончании речи первой стороны медиатор говорит о том, что он хотел бы уточнить, правильно ли он понял то, что рассказала сторона. Затем он пересказывает (эхо-повтор) услышанное, выделяя факты, их интерпретацию и чувства – отношение, которое возникало у одной стороны в результате действий второй стороны. При этом давая возможность каждой стороне услышать сказанное в структурированном виде.

При пересказе медиатор не делает никаких оценок, ничего не интерпретирует, позволяя себе только структурировать изложение. Завершается пересказ стандартными вопросами типа: Правильно ли я вас понял? Я не упустил ничего существенного? Не следует допускать своими вопросами повторного выступления стороны, которую медиатор уже выслушал.

После этого медиатор обращается к другой стороне и просит ее рассказать свое видение проблемы. Он так же, как и в первом случае, задает уточняющие вопросы и повторяет услышанное, выделяя те же факты, о которых говорила первая сторона, интерпретации второй стороны и возникающие чувства второй стороны при таких интерпретациях. **Рекомендованное время проведения:** 5–7 минут

Стадия 3. Первая дискуссия. Основная цель дискуссии «вентиляция эмоций» для снижения эмоциональности будущей дискуссии. Медиатор способствует выплеску эмоций, которые есть у сторон, не допуская взаимных оскорблений. Все это необходимо для того, чтобы на дальнейших стадиях обсуждать все вопросы в конструктивном ключе. Основные решаемые задачи:

- дать возможность сторонам выразить свои эмоции («вентилировать эмоции»);
- управлять процессом, не допуская оскорблений сторонами друг друга;
- понять эмоциональную глубину конфликта;
- получить дополнительную информацию о сути конфликта;
- уточнить позиции сторон относительно желаемого результата переговоров;
- выделить основные вопросы, которые волнуют стороны;

Возможность откровенно и корректно говорить о своих чувствах повышает у сторон доверие к самому процессу медиации. В эмоциональном плане данная стадия самая яркая. **Рекомендованное время проведения:** 7–12 минут

Стадия 4. Кокус. Это беседа с каждой стороной индивидуально (поочередно). Само слово «кокус» в переводе означает «время совета старейшин», т.е. время для размышления и принятия важных решений. Данный термин используется в международных переговорах и в медиации. Основная цель кокуса – подготовить стороны к дальнейшим конструктивным переговорам. Для этого медиатор должен решить следующие задачи:

- работать с эмоциями стороны (если необходимо, дать понять стороне, что он видит ее состояние);
- выявить истинные (реальные) интересы стороны;
- выяснить наличие конфиденциальной информации;
- преобразовать позиции, исходя из интересов;
- сформулировать вместе со сторонами (индивидуально с каждой) вопросы для обсуждения в редакции данной стороны;
- подготовить со стороной формулировки возможных предложений исходя из интересов, а не первоначальных позиций;
- проверить выдвигаемые на переговоры предложения на реалистичность;
- работать с дисбалансом сил;
- определить конфиденциальную и открытую информацию для предстоящей общей сессии и согласовать со сторонами (индивидуально);
- подготовить стороны к работе на общей сессии;
- обучить стороны конструктивному внесению предложений.

Кокус проводится с каждой стороной по очереди. В реальной практике порядок назначения кокусов зависит от течения медиации. Так как кокус является очень важным для подготовки сторон к переговорам, медиатор сам определяет, когда его лучше сделать. Первыми на кокус приглашаются:

- наиболее агрессивная сторона;
- первая обратившаяся сторона;
- «забитая, слабая» сторона;
- сторона, позиция которой неоднозначна.

В кокусе происходит уточнение позиций сторон и осознание истинных интересов, а также активизация и анализ не только своей позиции, но и позиции другой стороны. Кроме того особое внимание уделяется поиску возможных вариантов решения сложившейся ситуации.

Медиатор по окончании кокуса обязательно должен уточнить, что именно из обсуждаемого может быть высказано в присутствии другой стороны при продолжении медиации. Только если медиатор выполнил все задачи кокуса и стороны готовы вести переговоры по выработанным вопросам, можно переходить к следующей стадии.

Рекомендованное время проведения: основная стадия медиации, время может быть различным в зависимости от ситуации. Продолжительность одной встречи со Стороной 30-40 минут, количество встреч по необходимости.

Стадия 5. Дискуссия по выработке предложений. Основная цель данного этапа помочь Сторонам прийти к Соглашению, проработав варианты предложений для урегулирования конфликта. Медиатор на этой стадии должен решить следующие задачи:

- окончательно согласовать со сторонами вопросы для обсуждения;
- определить порядок обсуждения вопросов;
- помочь сторонам продуцировать предложения;
- проверить выдвигаемые предложения на реалистичность;
- уточнить, как стороны понимают предлагаемые варианты решения ситуации;
- проверять, насколько выдвигаемые предложения соответствуют интересам сторон.

Выработанное соглашение и предложения решения конфликта в нем должны соответствовать интересам сторон. Формулировки должны быть четкими, ясными, однозначными исполнимыми, реалистичными. Необходимо проработать вопрос гарантий и санкций. Обязательно нужно проверить, правильно ли стороны понимают, что будет происходить после того, как они уйдут с медиации.

Если же медиатор сталкивается с сопротивлением сторон и длительным обсуждением, это говорит о том, что еще не все проблемы были в кокусе отработаны, и служит сигналом для повторного кокуса. Далее медиатор организует выработку предложений. Если хотя бы одна из сторон не способна к рациональному рассуждению, медиация никогда не приведет к успеху.

Конечно, на результативность процесса влияет и искусство медиатора. Исходя из повестки дня, согласованной сторонами, медиатор организует обсуждение каждого пункта, помогая сторонам генерировать предложения, проверяет предложения на реальность, помогает их редактировать, проверяет на однозначность понимания.

Рекомендованное время проведения: 20–30 минут

Стадия 6. Выход из медиации. Основная цель этой стадии – создать понимание у сторон, что они будут делать в дальнейшем, когда уйдут с медиации. Главные задачи медиатора:

- завершить процесс медиации (или медиационной сессии);
- проверить удовлетворенность сторон результатом медиации (если соглашение достигнуто);
- согласовать действия и систему связи и оповещения, если стороны должны будут продолжить медиацию в ближайшее время;
- договориться о действиях сторон в перерыве между сессиями.

Задача этого этапа – получение медиатором обратной связи о результатах работы. Стороны оценивают, во-первых, насколько они удовлетворены достигнутым соглашением; во-вторых, насколько они удовлетворены самой процедурой переговоров с участием медиатора; и, наконец, они оценивают свое эмоциональное состояние, стало ли им легче после сеанса медиации, упало или, наоборот, возросло психологическое напряжение и т.д.

Это обеспечивается путем задавания сторонам трех шкалирующих вопросов, призванных раскрыть удовлетворенность сторон по существу, по процедуре, эмоциональному состоянию по десяти-бальной шкале. При оценках обеих Сторон по всем вопросам на 9 баллов и выше Соглашение считается достаточно прочным, в другом варианте необходимо выяснить причины такой оценки и принять решение о дополнительной проработке вопросов в кокусе и назначении еще одной медиативной сессии.

Иногда с проблемой может столкнуться сам медиатор: в этой сфере сложно сохранять нейтральность. Если специалист чувствует, что он эту нейтральность потерял, необходимо предупредить об этом клиентов и предложить им взамен себя кого-то из своих коллег.

Есть даже такой вид урегулирования споров как со-медиация. Здесь переговоры курируют сразу два посредника. Так вот, в случае риска преобладания эмоций они наблюдают за состоянием друг друга и вовремя исключают возможность предвзятости.

Конфликт – это всегда дорого, если учитывать его последствия начиная от репутационных рисков заканчивая потерей перспектив сотрудничества.

По статистике Союза профессиональных медиаторов «М2В» (mediation2business), с помощью медиатора стороны достигают договоренности в 86% случаев. И в 95% случаев те, кто договариваются, исполняют соглашения в добровольном порядке.

В России существует федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования сторон с участием посредника». В законе говорится, что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе.

Требования к непрофессионалам просты: достижение 18 лет, дееспособность и отсутствие судимости. К профессионалам их больше: вдобавок к дееспособности и несудимости достижение 25-летнего возраста, любое высшее образование и дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

В судах решение конфликтной ситуации выносится на основе закона, и не всегда проигравший согласен с вердиктом судьи. Да даже выигравший – и тот необязательно остается доволен. К тому же судебное решение конфликта может затянуться и на год, тогда как медиация способна помочь всего за одну или несколько встреч.

В ноябре 2019 года в российское законодательство были внесены правки: теперь медиативное соглашение можно заверять у нотариуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня юристы, которые заинтересованы в глубокой, качественной помощи своим клиентам, обращаются к медиаторам или все же сами стремятся освоить эту профессию, чтобы помочь сторонам заключить прочное мировое соглашение, проработанное в процессе медиации. В основе этого соглашения должны лежать интересы сторон, желающих преодолеть ситуацию конфликта. При строгом и профессиональном соблюдении структуры и алгоритма медиативной встречи существенно увеличиваются шансы сторон на решение противоречий, восстановление отношений и взаимовыгодное сотрудничество в будущем, что является важной ценностью в деловой среде.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Научные источники

Информационно-правовая система «Консультант+».

Аболонин В. О. Три подхода к пониманию медиации / Аболонин В.О. // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 10. – С. 37–42.

Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: ЛЕНАНД, 2017.

Медведев, И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик-медиа, 2017.

Аллахвердова О.В. Карпенко А.Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. СПб.: Изд-во ф-та журналистики СПбГУ, 2005.

Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. – СПб. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2016. – 480 с.

Интернет ресурсы

Сайт Союза профессиональных медиаторов «М2В» (mediation2business) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://m2bmediator.ru/standarty-m2v-po-provedeniyu-mediatsii/>.

Кодекс профессиональной этики медиатора. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://arbimed.ru/kodeks_mediatora.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/.

Подписано в печать 10.07.2020 г.
Объем 21,6 уч.-изд. л. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ №5850.
Отпечатано ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф

